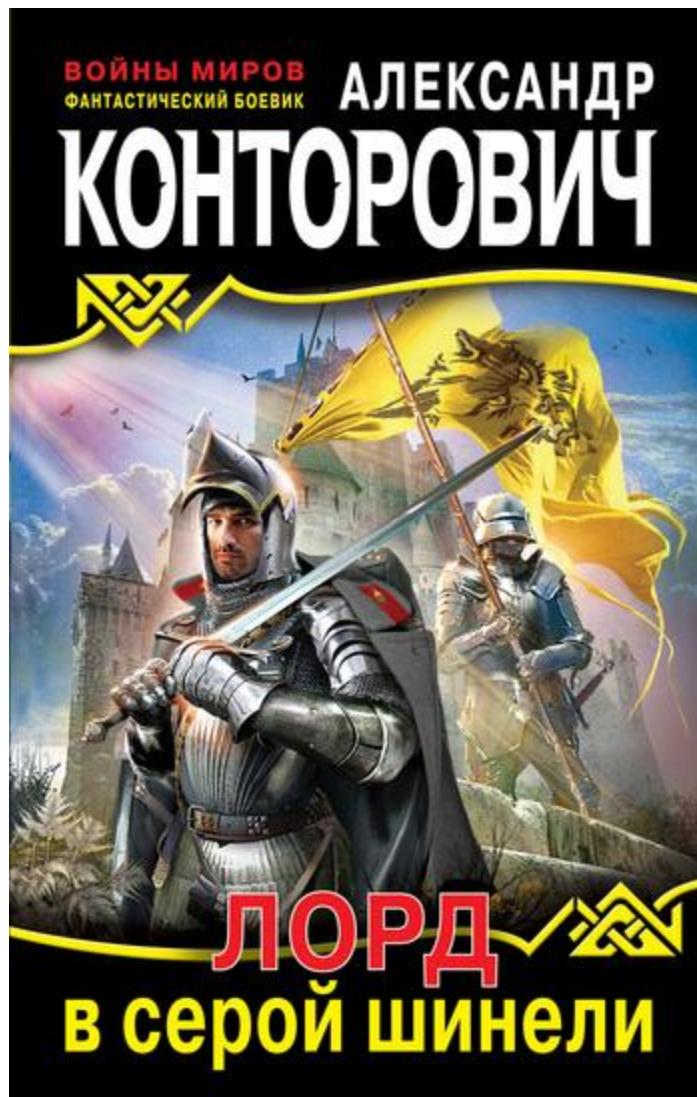

Александр Конторович
Лорд в серой шинели

Рыцарь в серой шинели – 2

Александр Конторович
Лорд в серой шинели

Глава 1

Бзынь!

Выбитый из руки клинок с лязгом покатился по брусчатке.

– Неплохо! – Лексли удовлетворенно кивнул. – Будешь продолжать в том же духе – из тебя выйдет неплохой боец!

Неплохой – это по сравнению с кем? До рядового Кота мне еще расти и расти.

– Ну не все же тут умеют так биться на мечах, как это делаем мы? – словно уловив мой невысказанный вопрос, Лексли пожал плечами. – Обычного баронского дружинника ты и сейчас можешь гонять, как шелудивого щенка. А вот с профессиональным солдатом... тут еще нужно попотеть, да.

Он наклоняется, поднимает с земли глиняный кувшин и отхлебывает. Крякает от

удовольствия.

Для меня было неожиданностью, что обыкновенного хлебного кваса тут еще никто не знал. Пиво-то варили в громадном количестве, а вот квас... Во всяком случае, когда я рассказал об этом Мирне, она немало озадачилась. Подробно выяснила рецепт и вскоре угостила меня квасом собственного изготовления. Правда, по своему обыкновению, добавила туда какие-то корешки и травки. Вышло даже лучше, чем оригинал. Напиток быстро завоевал популярность в узких кругах, и вскоре к ней явилась целая депутация от местных трактирщиков. Нет, делать квас они начали очень быстро, но вот получить такой вкус, как у нее, никому так и не удалось.

По вполне понятным причинам меня по этому вопросу беспокоить не рискнули, а вот ей постарались сделать выгодное предложение. Но тут им повезло, пожалуй что, куда меньше. Моя сероглазка вдруг проявила нехилые коммерческие способности, чем немало озадачила визитеров. Однако в итоге все решилось к обоюдному удовольствию. Теперь окрестные мальчишки и девчонки резво скачут по горам, собирая разнотравье и выкапывая какие-то корешки. А уж Мирна составляет из них различные смеси, которые и отправляет трактирщикам. Для Котов же она готовит и вовсе особенный состав и никому его больше не дает.

Вообще, на меня она надела весьма плотно, потребовав рассказать ей все, что я знаю о методах и способах лечения. И наши совместные вечера, вместо более приятного времяпровождения, надолго заполнились моими рассказами о всевозможных, известных мне, врачебных выкрутасах и сопутствующих этому вещам. Она тщательно все записывает и подолгу сидит над этими записями. Пока я силком не укладываю ее спать.

Вообще, моя жизнь идет как-то самостоятельно и совершенно независимо от моих стараний и намерений.

После разгрома мятежной верхушки в стране наступило... какое-то странное затишье. Только теперь я начинаю понемногу осознавать, какую же громадную работу проделал покойный граф, готовя свой мятеж. В головы населения, надо полагать, вкачали такую неслабую дозу дезы, направленной на обеспечение успеха, что свержения короля все ждали как чего-то само собой разумеющегося. И без меня бы обошлись преспокойно. Но подвела графа страсть к красоте... В том смысле, что захотелось ему выстроить и вовсе уж безупречную конструкцию. Чтобы никто такого не то что сотворить – и придумать бы больше не смог никогда! Клинок Серого рыцаря должен был поставить в этой истории блестящую точку. Правильно говорят, лучшее – враг хорошего! Вот и лоханулся граф...

Полки не выступили. Мятеж так и не начался. Но почти никого из военачальников так и не сняли со своих постов. Сменили лишь парочку-другую наиболее одиозных чиновников. И – все!

Когда же я приперся с этими вопросами к Старику, тот лишь плечами пожал:

– А за что их снимать?

– За подготовку мятежа!

– Кого-то поймали за руку? С кинжалом в руках за спиной короля?

– Нет, конечно! Но ведь есть сведения...

– Какие? Письма с выражением недовольства? Люди, а особенно дворянство, имеют право высказывать свое мнение о происходящем.

– До тех пор, пока это не пахнет чем-то большим.

– Хорошо. Покажи мне такое письмо. С призывом к мятежу.

– А что, их нет?

– Возможно, что и есть. Только никто не знает где. У нас, во всяком случае, их нет.

– А снятые со своих постов чиновники?

– Хотя мы и знаем истинную причину их отставки, официально все выглядит совсем иначе. По-другому нельзя. Вожди могут найтись и новые – они уже не повторят ошибку

прежних главарей мятежа. Тебя-то уж точно в гости не позовут...

Я только хмыкнул:

– Да уж... еще один замок не помешал бы...

Старик усмехается в усы.

– Не ожидал от тебя такой жадности!

Он смеется и наливает мне своего вина.

С замком действительно все получилось неожиданно. Поскольку покойный граф принял смерть от моей руки (причем, по настоянию епископа, это было преподнесено как благородный поединок), я формально мог претендовать на его наследство. И было оно весьма немаленьким! Помимо собственно замка тут были еще какие-то деревни и даже два города. Не шибко здоровых, но по, местным меркам, весьма небедных. И по каким-то там законам я мог все это заграбастать. Если только не вмешалась бы родня убиенного. По тем же законам они имели право вызвать меня на поединок. При этом причин для такового вызова у них было выше крыши. И грядущая бедность была в этом ряду далеко не последней, а как бы и не первой. Вся графова родня отличалась задиристостью и скверным характером, так что вызова можно было бы ожидать в самое ближайшее время. По тем же законам я не мог просто так отдать им все это хозяйство назад – меня бы просто не поняли и сочли это уж совсем за смертельное оскорбление. Так что ситуация была достаточно дурацкой.

Но массового сумасшествия в рядах родни так и не случилось – моя зловещая репутация послужила тому причиной. Скрестить клинки и копья с обычным рыцарем никто бы и не задумался. А вот выйти на поединок, исходом которого могло стать попадание прямиком в адские чертоги... настолько сильно жаба никого не задушила.

Так что по прошествии четырех месяцев я официально вступил в права наследования. Ибо прочих претендентов на это не нашлось.

По совету хитромудрого попа я пожаловал графовой родне часть теперь уже своих угодий. «Для возможности продолжить безбедное и почетное служение богу и королю» – во всяком случае, в грамоте было написано именно так. Никаких сомнений, куда именно пойдут деньги, при этом ни у кого не было – родня славилась безудержным мотовством и любовью к загулам. Но нормы приличия требовали от меня именно такого поступка.

Была и еще одна причина. Приняв дар, родня навсегда и безусловно лишалась даже возможности когда-либо претендовать на утраченные угодья. Узнав про это, я высказал Эрлиху свои сомнения относительно моего щедрого дара:

– Они же его не примут, святой отец!

– Отчего ты так решил?

– Так у них есть хотя бы шанс вернуть себе прежнее положение. Приняв дар, они его утратят! Или... есть еще какие-то хитрые варианты?

– Нет. Отказ является окончательным и бесповоротным. Если они нарушат свою клятву... от них отвернутся все. И церковь в первую очередь.

– Ну, с дворянством – понятно. Нарушить данное при всех слово... могут и в рыло насовать. А церковь? Разве не ее долг поддерживать даже и таких, заблудших людей?

– Преступивших клятву, данную на святых мощах? Опомнись, сын мой! Мы можем только молиться за них... навеки погубивших свою душу.

Да... что-то я еще не все в этом мире просек...

– А жаба их перед этим не задушит?

– Кто?

Объясняю епископу смысл этого выражения. Он звучно смеется и прикрывает рукой рот.

– Они уже не воины. Драчуны и забияки – да. И отменные! А вот рискнуть головою и бессмертной душой, даже не за честь рода, а всего лишь за золото... нет, на это они уже

неспособны. Так что пусть не терзают тебя сомнения – ты отсекаешь гнилую ветвь некогда могучего дерева...

– Нечто вроде санитара леса?

– То есть? – удивился епископ.

Я коротко растолковал ему свою точку зрения на мои действия по облагораживанию дворянского сословия. Против моего ожидания, Эрлих воспринял это вполне всерьез.

– Пока что ты не сделал ничего, что противоречило бы этим словам. Не сомневаешься же ты в том, что все... павшие в последнее время от руки Серого рыцаря дворяне не являлись таким уж украшением своего сословия?

– Какое уж тут украшение... скорее наоборот.

– Так в чем же дело?

– Что же теперь с утра до ночи клинком махать?

– Зачем? Согласившись принять от тебя земли в дар, родня покойного графа тем самым приносит тебе вассальную присягу.

– Ни хрена себе подарочек!

– И как всякие узы между сюзереном и вассалом это действительно накладывает и на тебя определенные обязательства.

Я мрачно посмотрел на епископа.

– Продолжайте уж, ваше преосвященство. Чую я, что этот замок мне еще боком выйдет...

– Боком или нет, а следить за порядком в своей земле обязан любой властитель. Как и за поведением своих вассалов.

– Охренеть, какое счастье! Мне их что, теперь за руку водить?

– Ну... это было бы слишком. Но вовремя призвать к порядку – обязанность лорда.

– Э-м-м... а им я когда успел стать?

– Графом ты можешь стать только в том случае, если король пожалует тебе этот титул.

– Святой отец, а разве эти земли не дают на него право?

– Это так. Но должен быть еще и указ о возведении в графское достоинство на основании этого права. И издать его может только король.

Черт его знает, как это было у нас. Возможно, что и так же. Но коллизия складывается любопытная...

Епископ с интересом смотрел за моими размышлениями.

– Ты этого не знал?

– Да как-то не до этого было...

– Королевский указ имеет и обратную сторону.

– Как-то вот я об этом догадался! И что я должен буду еще сделать?

– Признать себя королевским вассалом, а его – верховным правителем. Предупреждая твой вопрос, скажу, что доселе ни один Серый рыцарь этого не сделал.

– Не думаю, что я стану первым. И без графства проживу как-нибудь.

– Это твой выбор. Но вот должность лорда этих земель не требует королевского утверждения. Лорд – не титул, и король его не дарует. Это обязанность, которую ты вынужден принять на себя вместе с этой землей. Приняв землю – принимаешь и обязанность по ее управлению.

А вот тут у нас все как-то иначе устроено было. Помню, что еще и пэры были, вот только не соображу, кто из них главнее? Да не один ли хрен? Попала нога в колесо – пищи, но беги...

– Да уж... не было печали... Что ж вы про это раньше-то не сказали?

– Не думаю, что ты будешь плохим лордом.

– Вашими бы устами, епископ, да мед пить! А подарить церкви я все это не могу?

– Нет, сын мой. Такие подарки не предусмотрены. Но ты можешь иметь помощников, закон это разрешает и даже прямо предписывает.

– Где б их еще отыскать...

– Я попробую тебе чем-нибудь помочь.

На этой мажорной ноте мы и расстались. Эрлих вскоре уехал, а я остался в замке размышлять над своей печальной участью.

Вообще, замок оказался гораздо больше, чем можно было бы подумать, глядя на его стены снаружи. Чтобы только осмотреть его весь, потребовалось почти две недели. Да и то, какие-то уголки так и остались необследованными.

Первое время в нем царила прямо-таки пугающая пустота. Прежнему гарнизону доверять было нельзя. Бог весть, сколько там было сочувствующих прежнему хозяину замка? Поэтому сразу после капитуляции гарнизона всех солдат, заодно со слугами, выпустили за ворота и предложили им самостоятельно решать свою судьбу.

Первое время меня это абсолютно не чесало – в замке были Коты. Лучшего гарнизона я и представить себе не мог.

Но уже через пару дней состоялся разговор со Стариком. Я как раз занимался обследованием угловой башни. Здоровенная и мрачная, она была почти что отдельным строением в замке. От прочих построек ее отделяла крепкая стена со своими воротами. Зачем это было устроено, понять затруднительно. Стояла башня чуть особняком над крутым склоном и контролировала все подходы к замку со стороны гор. Даже по возрасту ее стены отличались от прочих строений – башня явно была старше замка, по меньшей мере – лет на пятьдесят.

– Любуешься новыми хоремами? – Старик присел на парапет стены и снял шлем, подставив волосы набегавшему снизу ветерку.

– Интересно же! – Я примостился напротив него. – Не так много я видывал замков в своей жизни. Надо успеть осмотреть побольше, пока время еще есть.

– Собрался куда-то ехать?

– Ну... не век же нам тут сидеть?

– Нам-то да. А вот куда собираешься ехать ты?

– Ну... кто ж даст мне тут хозяйничать?

– А кто помешает?

Посмотрев на мою удивленную физиономию, Кот обстоятельно изложил мне расклад на сегодняшний день. В его изложении существующая картина повернулась ко мне под несколько другим углом.

– ... так что ты тут являешься, во всяком случае – пока, полным и всевластным хозяином. Любые твои распоряжения относительно доставшегося таким образом имущества – законны и неоспоримы. И не могут быть отменены даже королем.

– Ни хрена себе пельмень... И кому же это я могу приказывать?

– Да кому угодно! Понятное дело, что наместника король вскорости назначит нового, но вот земли и замок, которые были собственностью покойного графа, теперь – твои. И все управляющие графа обязаны исполнять эти приказы беспрекословно.

– Хорошо, а кем в замке командовать? Ни солдат, ни слуг тут нет. Я уж было обрадовался тебе и твоим ребятам, но, судя по разговору, вы собираетесь уезжать. И что мне теперь – самому ворота караулить? Проще уж уехать с вами вместе.

Старик отрицательно мотает головой. Шутить он явно не намерен.

– Десяток человек я тебе оставляю. На первое время хватит. Авось с голоду не помрете – здешними запасами можно полк полгода кормить. А потом... потом придумаю что-нибудь. Да и ты сам должен дать горожанам и прочему населению почуть хозяйскую руку. Съезди в город, навести пару деревень. Кого-нибудь там подберешь – желающих попасть на службу в замок всегда было предостаточно. Оставляю тут Лексли – он поможет. Мирну попроси – уж ей-то говорить с народом привычнее, да и проще. Это Серого будут чураться, а с нее какой спрос? Про ваши отношения здесь никто не знает, так что будут с ней откровенны. Тем более она целительница, а их уважают всюду. Особенно среди простонародья.

Выхода у меня никакого не оставалось, да и, по большому счету, Старик был прав.

Так что уже через два дня я махал рукою уходящему отряду.

На следующий день меня озадачил Лексли. Явившись ко мне поутру, он бесцеремонно плюхнулся на подоконник (благо они тут широченные, не то что сидеть – лежать можно!) и протянул мне меч.

- И что я должен с ним делать?
- Старик сказал – гонять тебя, как первогодка. Чтобы уже через пару-тройку месяцев не стыдно было бы вообще брать его в руки.
- А сейчас что? Неужто все так плохо?
- Тебе правду сказать – или как?
- Утешил...
- Завтра утром готовлю сопровождение – поедem в близлежащий городок.
- За каким рожном, позволь тебя спросить?
- Явим народу нового лорда.
- И где ж мы его возьмем?
- У тебя тут зеркала не завалилось? Покажу...

Вообще, в поведении Котов изменилось очень немного. По отношению ко мне они теперь высказывали чуть больше уважения, во всяком случае, при моем входе в помещение вставали все, даже Старик. Но никакого подбострастия или заискивания у них не проявлялось. Можно подумать, они с Серыми рыцарями общаются чуть не ежедневно! Даже ревность какая-то появилась... Я ж не рядовой барон какой-то там! А с другой стороны... нормальные же парни! Чуток отмороженные, зато спокойные – как танки. Невозмутимые, им что я, что король, что барончик захудалый – все едино. Профи – иначе и не скажешь. Цену себе знают, оттого и нет им нужды перед кем-то расшаркиваться. На секунду я представил себе Старика на приеме... ну хоть у начальника ГУВД, например. Уверен, Кот и бровью бы не повел. А вот генерала, вполне вероятно, Кондратий бы и посетил... От крайнего возмущения независимым поведением визитера. Картинка была настолько явственной, что я плотоядно облизнулся. Эх, и походил бы я с ними по гостям... Ну вот, завтра и начнем... тренировки. Руку набьем, заодно и морду кому-нибудь... язык отточу... В общем – делом займусь.

Глава 2

Словом, незадолго до обеда наша кавалькада въехала в городок.

Был он совсем небольшим, даже стены у него отсутствовали. Вообще, как явление природы, даже частокола не видно. А вот ворота – имелись. И весьма основательные. В них как раз околачивалась парочка стражников. Увидев всадников, они проявили какое-то подобие внимания. А вот когда разглядели полотнище флага... Да не моего, а с кошачьей мордой...

Словом, когда мы въехали на площадь, тут уже присутствовала вся городская верхушка. Судя по их враз побледневшим лицам, на душе почти у каждого висели немаленькие прегрешения. И теперь они лихорадочно соображали – за кем? Понятно было, что десяток суровых Котов просто так не приезжает. Но вот по чью душу? Кого вовремя подтолкнуть, чтобы самому выкарабкаться?

Мы остановились напротив крыльца, на котором скопилась вся городская власть. Вперед выехал Лексли. Он и так-то не отличался особым добродушием, а уж сегодня...

- Кто тут главный? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.
- Толпа напряглась и выпихнула вперед толстоватого мужичка.
- Э-э-э... с вашего позволения, это я!
- Ты? – смерил его удивленным взглядом Кот.

– Э-э-э... да! Городской голова – Вилеас Брот!

– Ага, – удовлетворенно кивает Лексли, – тебя-то мне и надо...

Среди прочих встречающих пронесся вздох облегчения, а городской голова еще пуще побледнел.

– Грамотный? – с подозрением осведомился Кот.

– Да!

Ишь ты, осмелел! Ну что ж, уважаю, под юбку к жене прятаться не стал. Уже плюс.

– Держи, – наклонившись с коня, протягивает ему пергамент Лексли. – Вслух читай.

Брот разворачивает свиток. По традиции все важные документы тут пишут на пергаменте.

– Сим уведомляются все жители графства Дору о том, что лордом и управителем всех земель, городов и замков графства отныне является лорд Сандр Ерш! Прежний лорд и граф Дарен Мег признан виновным в измене перед королем! Будучи вызван от лица бога и короля на поединок, он пал от руки Серого рыцаря!

По толпе проносится вздох. Видать, сюда еще подробности не дошли. С одной стороны – плюс, никого вроде бы забирать не должны. С другой стороны – кто его, этого нового графа, знает? Что за человек, какими закидонами страдает? Мало ли что ему еще в голову взбредет?

Городской голова заканчивает чтение и сворачивает свиток.

Так... теперь что-то должен сделать я?

Лексли спрыгивает с коня. Здоровенный мужик – а приземлился почти бесшумно. Точно, как кот!

Он подходит ко мне и почтительно склоняет голову.

– Милорд – народ ждет вашего слова.

И вот только тут собравшиеся наконец смотрят в мою сторону. Теперь, надо полагать, им понятно, отчего флаг с гербом графства везут именно передо мной.

Не торопясь, слезаю с коня. До талантов Лексли мне еще далеко, и повторять его эффектный прыжок я не спешу. Да и не сумею, откровенно говоря, опыта у меня в этом деле мало. Да и в других... тоже не так чтобы до фига.

Поднимаюсь на крыльцо – оно тут же пустеет, все чиновники горохом посыпались с него на землю.

Что мне об этом рассказывали? Старик что-то говорил, да и епископ тоже долго объяснял. Только в голове сейчас пусто. Помню, что должны присягать. Только кто и в какой очередности? И кому? Я ведь тоже что-то должен. Вот только не помню – чего и кому?

Тем временем на площадь уже понабежало народу. Ну как же – событие! Новый лорд приехал!

Слева наблюдаю какое-то движение, поворачиваю туда голову. Поп. Выходит не торопясь из толпы и спокойно идет ко мне. Ну и правильно, ему-то с чего комплексовать? Его все эти смены лордов никак не затрагивают, у него свое начальство есть, и я с ним знаком.

– Здравствуй, сын мой, – говорит священник и широким жестом благословляет меня. Не возражаю и вежливо наклоняю голову. Мне сейчас всякая отсрочка к месту, а то голова что-то не шибко соображает.

– Возблагодарим же Господа нашего, – поворачивается поп к толпе, – за то, что кара, постигшая мятежного графа, не падет теперь и на наши головы!

Или я совсем баран, или это прямая подсказка к действию.

Толпа опускается на колени, только мой конвой по-прежнему в седлах.

Благословив заодно и толпу, поп отходит в сторону, но не слишком далеко. Правильно, будет хоть у кого спросить, ежели что...

– Пусть подойдет ко мне городской голова!

Правильно, а с кого ж еще начинать? Этот хоть не трус, что само по себе неплохо. Скрипят ступени, и Брот поднимается ко мне. Снимает шляпу и держит ее в руках.

– Милорд...

– Что ты можешь мне сказать, Вилеас?

– Э-э-э... ваша милость... о чем?

А действительно, о чем? Что я хочу от него узнать? Неизвестно. Так, пойдем от противного – что мне от него нужно? Ну, тут уже проще...

– Я не спрашиваю, сколько ты успел украсть у прежнего графа...

Так! Попадание, голова аж пошатнулся. Что, городские власти везде одинаковые? Я думал, что хоть в Средневековье так не воровали... идеалист...

– ...и не собираюсь за это карать. В таком случае мне пришлось бы повесить всю городскую власть...

Ох, как меня поддерживали бы прежние сослуживцы! Да и тут, думаю, что праздник для населения был бы немаленький.

– ... но это в прошлом, Брот. Отвечай, клянешься ли ты служить честно м н е?!

– Милорд! Да я...

– Не торопись... можешь подумать. Только не слишком долго. Я обещал забыть прошлое, но хорошо помню настоящее. И знаю гораздо больше, чем это тебе кажется на первый взгляд.

Ага, знакомое зыркание. Точно, как домушник на допросе. Мол, мели Емеля – твоя неделя! Ничего-то ты и не знаешь. Ну-ну... только вот тут у меня нехилый аргумент имеется... и это не РП-73.

Шорох ножен, и на перила лег Рунный клинок.

– Тебе придется поклясться на этом... положить на него руку и произнести клятву. Ты знаешь, что будет с тобой, если ты солжешь.

Интересно, а в натуре такая процедура была? Лексли стоит неподалеку, он явно все слышит, но не вмешивается. Блеф полный, но что я знаю про эти клинки? И что знают о них все остальные? Хватит ли кондрашка солгавшего?

Голова оглядывается на толпу. Облизывает пересохшие губы. Ему страшно. Да и я сам, на его-то месте, пять раз подумал бы.

– Да, милорд! – поднимает голову Брот. – Я дам такую клятву!

Присягать отказались четверо. Я даже удивился, что так мало. Всего чиновников было девять человек, так что городское управление сократилось чуть не вдвое. Так, хорошо, начинаем экономию бюджета! Впрочем, тут меня посетило разочарование – экономить оказалось нечего, никакой зарплаты им не полагалось. Вообще. Здесь вовсю царил принцип откупщиков. Обеспечиваешь установленное поступление бабла в казну лорда – излишки можно присвоить вполне официально. Ну уж дудки! Я вам этот балаган поломаю! Поставив себе зарубку в памяти на предмет усовершенствования налоговой системы, я, засучив рукава, взялся за остальное...

От голодной смерти меня спас Лексли. Войдя в канцелярию, он бесцеремонно выпроводил порядком подуставших чиновников и закрыл за ними дверь.

– Ты чего? – вскинулся я. – Только врубаться начал. А ты всю малину мне пообломал!

Кот удивленно оглядывается по сторонам.

– Малину? Где ты ее тут отыскал?

– А-а! Забей!

– Чего? И куда?

Постепенно остываю и поясняю ему свои слова. Лексли фыркает:

– Ты в курсе, что на улице уже темно?

– Разве?

– Да, представь себе! И в замок сегодня мы не успеваем. Я уже послал посыльного, чтобы он предупредил Мирну.

Ох я и лопух! О главном-то и позабыл!

– Ладно, – смягчается Кот. – Уже и чиновники еле на ногах стоят – загонял ты их. Пусть убираются, да и нам спать пора.

– Здесь, что ли?

– Ну, вообще-то у лорда в каждом городе есть свой дом...

– Здесь тоже?

– Естественно! И весьма неплохой...

Дом действительно тут был. Впрочем, назвать его домом язык не поворачивался. Скорее – домище! Роту солдат в нем можно было бы разместить без затруднений. И оказался он вполне себе обитаемым. На пороге нас встретил благообразный дедок – управитель дома. Поминутно кланяясь, он провел меня к приготовленной спальне. Да уж... глядя на такие хоромы, можно заработать комплекс неполноценности! Одна кровать – так едва ли не больше всей моей квартиры!

Вот ее-то я сейчас и оприходуя... Ничего не хочу: ни есть, ни пить – спать охота! Шорох слева! А управитель с Лексли уже ушли...

Кувырок (куда только сон девался?), поворот... рукоятка клинка скользнула в ладонь – кто тут?!

Девчонка...

Вернее – девушка. Лет восемнадцати.

Стоит у кровати, вся бледная, прижалась к стене. Ну, еще бы! Видок у меня сейчас не самый гостеприимный.

Так... это еще кто такая?

– Ты кто?

– Она...

– Кто?!

– Это мое имя... Господин управитель прислал меня к вам...

– Это зачем еще?

– Чтобы я согревала вам постель...

Щас у меня кто-то огребет! Это хорошо еще, ежели до Мирны данную новость не донесут. А ведь могут... тут глаз и ушей хватает.

Вылетаю разъяренным кабаном в коридор.

Дежурный Кот выскакивает из-за угла. Оружие уже наготове – расслышал топот моих сапог.

– Где Лексли? – спрашиваю я у него.

Он кивает и мгновенно исчезает за поворотом.

Уже не так быстро возвращаюсь в комнату. Клинок в ножнах, сна – ни в одном глазу. Стучает дверь, и появляется Лексли.

– Что у тебя стряслось?

– Вот! Полюбуйся! – тычу рукою в сторону девицы.

Он внимательно ее разглядывает.

– Хорошенькая! – делает заключение Кот. – Или тебе она не подходит?

Минуты две пытаюсь собраться с мыслями.

– Э-э-э... но ее прислали, чтобы она...

– Согревала твою постель. И что? Таков обычай.

– И как я должен буду объяснить все это Мирне?

Вот тут уже удивляется Лексли:

– Зачем?

– Ну... что я ей скажу?

– Так и скажи, – пожимает он плечами. – Что ж тут необычного?

– Но я не собираюсь ей изменять!

– Ну и на здоровье! Тебя никто не заставляет.

– Но... а с этой что делать?

– Положи в кровать, и пусть себе спит. Если тебе от нее ничего не нужно.
 – Не нужно! А отправить ее отсюда я могу?
 – Можешь. Ты – лорд, и это твое право.
 – Вот и пускай топает домой!
 – Это уж вряд ли. Туда она точно не попадет.
 – Почему?
 – Повесится. Или утопится. Или еще чего-нибудь сотворит.
 – Чего это ради?
 – Ты ее отверг. Это позор на всю жизнь. Для этого выбирают лучшую девушку – так что это еще и позор для города.
 Вот это нравы...
 – А если она... того... помрет. Что будет после?
 – С кем?
 – Ну...
 – Некоторые девушки совершали самоубийство после ночи с королем. Мол, второго такого мужчины в их жизни уже не будет. Их никто не осуждал. Так что для города этот вариант тоже подходит. Ей... могут помочь...
 – А церковь? Что она говорит в подобных случаях?
 – Молчит. Этому обычаю уже столько лет... даже они не рискуют его опротестовывать или порицать.
 – И много тут таких... обычаев?
 – Не слишком. Как-нибудь на досуге расскажу.
 – Слушай... а себе ты ее взять не можешь?
 – И что я буду делать с двумя девицами?
 – Так и тебе... тоже?
 – Сейчас я считаюсь начальником охраны лорда. Мне должны оказывать такое уважение. Иначе это можно посчитать оскорблением лорда! Кроме того, я не уверен, что это позволит нам избежать, скажем так, нежелательных последствий...
 – Ладно... черт с ней, пускай спит здесь.

Глава 3

Закрыв дверь за Котом, я повернулся к девице. Все это время она стояла в уголке, потупив глаза и теребя в руках свое платье.
 – Ну, что теперь с тобой поделаешь? Давай уж, лезь под одеяло. Только – чур, ко мне не приставать! Усекла?
 Она быстро-быстро кивает.
 Отворачиваюсь к окну.
 – Давай в темпе лезь! Я тоже спать хочу, прямо сил нет!
 Шорох ткани – девица сбросила платье. Протопали по полу босые ноги, это она к кровати подбежала. Скрип, шорохи – лезет под одеяло.
 – А!
 Оборачиваюсь.
 Отброшенное одеяло лежит на полу. На кровати выгнулось дугой тело девчонки. Губы закушены, в уголках рта видны струйки крови.
 – Что с тобой?!
 Прыгаю к кровати.
 Изогнувшись, она с силой отталкивает меня в сторону. Не удержавшись на ногах, с грохотом падаю на пол, сшибая по пути тяжелое кресло.
 Топот ног за дверью!
 Створки дверей с треском врезаются в стены, и на пороге появляется дежурный Кот.
 Прыгнув к постели, он отшвыривает меня еще дальше. А сам остается стоять с мечом

наготове.

Она продолжает биться на кровати. Уже не хрипит, а кричит тонким высоким голосом.

Что с ней произошло? Судороги... мышцы свело сильно, девчонка почти дугой изогнулась. Яд? Очень похоже...

Грохоча сапогами, в комнату врывается старший Кот. Одного взгляда ему достаточно, чтобы оценить обстановку.

– Штору!

И двое прибежавших с ним слуг бегом выполняют этот приказ. Секунда – и тяжелая плотная штора сорвана с колец.

Лексли вместе с дежурным Котом растягивают ее в стороны и накрывают бьющуюся в судорогах девчонку. Та продолжает изворачиваться и лягает ногами с такой силой, что дежурного подбрасывает в воздух.

– Кинжал!

Подскакиваю к Лексли и сую ему в руку Рунный клинок.

– Нет! Не твой!

Бросаю клинок на пол (слуги шарахнулись в стороны) и выдергиваю из ножен кинжал. Лексли перехватывает его и с размаху бьет по изгибающемуся под шторой телу.

– Еще!

А этим еще раз пырнуть?

Выдергиваю кинжал у дежурного и кидаю его Коту.

Вот этот удар оказался точнее. Девушка перестала кричать и свернулась в клубок. По телу пробежала судорога... и все.

Коты садятся на пол. Вижу, как дрожат руки у дежурного, парня всего буквально колотит. Перевожу взгляд на слуг – на них прямо-таки лица нет.

Комната понемногу заполняется народом. Прибегает и дедок-управляющий. Узрев результаты происшедшего, он хватается за сердце и отрубается прямо на пороге. Ору на слуг и заставляю их привести его в чувство.

– Сандр... – это Лексли. – У тебя есть это самое... твоё снадобье?

Тупо тарашусь на него и соображаю.

А! Так это он про настойку Мирны! Семидесятиградусный (не меньше!) самогон, настоящий на каких-то корнях и травах, только что мертвецов на ноги не поднимал. Местные острословы (из числа самих Котов, между прочим!) уже окрестили его «трупоподъемником». Пару фляг этого зелья я всегда с собою вожу.

Подскакиваю к сумке и достаю оттуда одну из фляжек.

Запрокинув голову, Лексли одним махом высаживает едва ли не четверть содержимого! А ведь там поболее литра будет! Его напарник не отстает и тоже выливает в себя приличную дозу. Надо же! Не замечал я за ними раньше склонности к алкоголизму.

Лексли вытирает со лба пот. С него буквально течет градом.

– Так... – неожиданно хриплым голосом произносит он. – Повеление лорда!

Все присутствующие в комнате подобались.

– Закрывать все двери и окна! Никого не впускать и не выпускать! Хождение по комнатам и коридорам – запрещено! Нарушителя ждет смерть!

Он обводит всех собравшихся тяжелым взглядом.

– В доме Шерн...

С кого там Гоголь немую сцену писал?

Думаю, что в данном случае у него была бы превосходная натура...

Очистив комнату от посторонних, остальные Коты закрывают двери и выходят в коридор. Слышу грохот мебели (баррикадируют дверь?) и щелчки заряжаемых арбалетов. Прибежавшие вместе с Лексли слуги садятся в сторонке, около камина. Подхожу и молча наливаю им по полстакана «трупоподъемника». Возвращаюсь к столу, подтаскиваю поближе кресло и сажусь.

– Ну? – спрашиваю у сидящего напротив Лексли. – Может быть, ты хоть сейчас расскажешь мне, кто этот Шерн, которого мы все тут так опасаемся?

– Это не кто – это что.

– Хорошо. Что это такое?

– Это яд.

– Фу-у-у... Глядя на меры предосторожности, какие предпринимают твои ребята, я было решил что это ОМП!

– Что такое ОМП?

Кратко поясню ему сущность оружия массового поражения. В нашем случае больше было бы похоже на бактериологическое.

Выслушав меня, он понимающе кивает, не забыв при этом щедро плеснуть себе «трупоподъемника».

– Да. Очень похоже. Надо полагать, что и ваши колдуны не брезгают такими вещами.

Да уж чем только у нас не брезгают! Это ты еще про все прочее не слышал... я тебе еще про толерантность расскажу – вообще обалдеешь! Ты еще про мультикультурализм не в курсе! Феминисток наших не видывал!

Странно, но Кот почти не опьянел.

– Но это не простой яд. Это – королевский!

– То есть на барона он может и не подействовать?

– Не так. Он действует на всех, и от него нет противоядия. Просто никто не будет травить им барона.

– Почему?

– Это о ч е н ь дорогой яд.

– Насколько дорогой?

– Если продать твой замок, присовокупить еще пару городов... не таких, как этот, а нормальных! То... может быть, и выйдет купить одну дозу яда.

– Охреносоветь... Из чего ж его делают?

– Этого никто не знает. Случаев его использования мало, и все они хорошо известны. Говорят, что в процессе приготовления яда нужно убить мучительной смертью несколько десятков человек. Преимущественно детей и молодых девушек.

– Да ну на фиг! Чушь какая-то! Чтобы убить одного человека, проще уж нанять сотню головорезов – всяко дешевле станет.

– А кто тут говорит про одного человека? – удивленно смотрит на меня Лексли.

– Не понял...

– Последний, кто умер от этого яда, был король Лоран Шестой. Он имел все основания для опасений, ибо врагов у него хватало. Так, например, его пищу пробовало пять человек!

– Однако...

– Из которых трое умерло...

– Ни хрена себе, работенка у них была!

– Поэтому отравить непосредственно короля было почти невозможно. Тогда отравили дочь его камердинера.

– А она-то тут каким боком прилепилась?

– Ты видел, как билась в судорогах Она?

– Эта девушка? Видел, конечно!

– Так вот, отравленный Шерном человек так себя не ведет.

Удивленно смотрю на Кота. Мой взгляд, брошенный на него, настолько полон откровенного и не терпящего промедления интереса, что Лексли решительно отодвигает недопитый стакан. Тяжело, как бы нехотя, он встает со своего стула и подходит к кровати. Внимательно смотрит на укрытое плотной тканью безжизненное тело...

– Отравленный человек бросается на первого, кого он увидит. Кусает его, царапает – все равно. Может просто плюнуть. Если попадет слюной в глаза или рот, то и этот человек также будет отравлен. Укушенный или оцарапанный – тоже.

– А после?

– Спустя несколько часов тот, кого отравили, тоже становится одержимым. И будет опасным для окружающих. И так далее...

– Как долго все это может продолжаться?

– Пока не умрет последний отравленный. Обычно это происходит на третий день.

– А скольких человек можно так перетравить?

– Вместе с Лораном Шестым умер весь его двор...

– Ни хрена себе...

Пытаюсь представить себе отравителя. Неужто он не предвидел таких последствий? Как-то с трудом могу себе это вообразить. Ведь небось яд добывал, деньги платил. Стало быть – знал, за что платит. Наверняка и на трон метил. Как же он собирался в таком случае королевством управлять?

– А после этого пришлось окружить войсками столицу. И никого оттуда не выпускать. Теперь это мертвый город, куда уже сто лет не ступала нога человека. Они все умирали довольно долго... Те, кого не успели застрелить солдаты. – Кот говорит негромко, но от его слов у меня по коже табунами скачут мурашки.

– Так они что же – пытались вырваться из города?

– Да. Командовавший войсками генерал после всего этого принял яд.

– И что, нет никаких методов лечения?

– Нет. Церковь пыталась что-то сделать. Внутрь города ушло около двухсот монахов и священнослужителей. Даже три епископа. Ушли церковные целители – человек пятьдесят. Обычные целители тоже пробовали что-то сделать.

– И что?

– Ничего. На памятнике людям, умершим от Шерна, добавилось несколько сотен имен...

Молчу и перевариваю услышанное. Этот мир повернулся ко мне страшной стороной. Той, о которой я ничего не слышал и даже не предполагал ее наличия. Вот тебе и Средние века! Да тут такие страсти происходят... Вот вам и неспешное существование, о котором так любят писать историки.

Поворачиваюсь к Лексли:

– Ты что-то говорил о том, как ведет себя отравленный человек...

– Да. У него резко возрастают силы. Такая девушка, как эта, – тычет он рукой в сторону кровати, – может свалить с ног сильного мужчину.

– Так и было.

– Только вот кричать она не станет. Наоборот, постарается сделать все тихо.

– Что же произошло в этот раз?

– История знает один такой пример. Когда отравили молодую жену короля Гэтана. Она очень любила своего мужа и смогла удержать в себе желание напасть на него. Правда, это вызывает очень сильную боль... человек почти сходит с ума.

– Ему нельзя помочь?

– Только убить.

– Почему же ты не взял Рунный клинок? Ведь один его удар решил бы все наши проблемы!

– Да. Она... не заслужила т а к о й смерти. Ведь гораздо проще было бы просто тебя укусить...

– Сколько же ей пришлось вытерпеть... почему? Она совсем меня не знала.
– Ты не просто лорд. Ты – Серый Лорд.
– Это что-то значит?
– Смотря для кого... Для нее, видимо, значило.
– А для тебя? Ведь ты сразу понял, что тут происходит. Арбалет у охранника имелся...
Можно было бы и не рисковать головой!
– Я клялся служить честно! И своей клятвы не нарушу.
– Но... ты служишь не мне.
– А кто заставлял тебя идти на верную смерть ради нас? И ради короля, который хотел тебя убить?
– Я не хотел смуты в стране! И гибели людей, с которыми уже успел подружиться!
– Долг красен расплатой, Сандр. Любой из нас поступил бы так же. Вспомни свой отъезд из лагеря.
– Помню. Вы тогда еще склонили передо мною штандарт.
– И что это значит?
– Откуда же мне знать?
– Штандарт нашей части склоняется только в трех случаях. При коронации нового короля. При приветствии нового Кота и при похоронах погибшего товарища.
– И какой же из трех случаев мой?
Лексли не отвечает. Он снова подходит к кровати и смотрит на девушку.
– Как много прошло времени?
– Чуть меньше часа.
– Сколько нам еще осталось, как ты думаешь?
Понятно... он думает, что кровь или слюна уже попали на кого-то из нас. Вот зачем и накрыл девушку шторой. Ясно, почему не бил дважды одним и тем же кинжалом – боялся, что брызги крови попадут на окружающих. Черт! Вот это хладнокровие! Прямо-таки боевой компьютер, а не человек.

– Да черт его знает! А как вообще происходит отравление?
– Я же тебе говорил.
– Ты говорил про того, кого укусит или поцарапает отравленный, так?
– Ну.
– А сам он как отравился?

Кот чешет в затылке. Впервые вижу его настолько озадаченным.

– Ну... таких сведений у нас нет.
– А почему, кстати говоря, ты настолько хорошо обо всем этом осведомлен?
– Коты всегда были рядом с королем. Рядом с Лораном Шестым – тоже.
– И?
– Последний из них поднялся на городскую стену и рассказал солдатам, окружившим город, все, что знал. Монахи записали его рассказ.
– А потом?
– Ушел назад. В город. В нашей казарме стоит стела, на которой написаны имена всех, кто погиб в тот раз.
– Это у вас всех так помнят?
– Всех. Но этот памятник – особенный. Они все знали, что умрут, и никто не бросил своего поста. Шансов выжить не было с самого начала.

Ладно. Более точных сведений мне уже не получить. Значит, остается использовать свои знания. Криминалист я или где?

Подбираю с пола клинок. Он так и лежит там, куда я его отбросил. Вот и индикатор

отравления. Убираю его в ножны.

– Давай-ка еще одну шторм сорвем, – поворачиваюсь я к Лексли.

Накрываю тканью тело девушки, прямо поверх первого покрывала. Где-то здесь ножницы были... ага, вот они! Отрезаю несколько кусков еще и от занавесей у двери, на них-то уж точно ничего не попало. Лексли безжалостно срывает одну из них и по моему знаку расстилает ее около кровати. Поочередно и очень осторожно вытаскиваю оба кинжала, обернув их рукояти отрезанными кусками материи.

Так. Кладем кинжалы на пол, на подстеленную занавесь. А теперь – рунный тест! Клинок знакомо чернеет. Точно – яд! И Рунный клинок его распознает.

– Становись-ка... – ставлю Кота напротив окна.

Плашмя провожу клинком по его рукам.

Рукав...

Щелкают ножницы. И отрезанный кусок летит к кинжалам.

Воротник рубашки...

Щелчок.

Все.

– Раздевайся!

Волосы... Прядь над левым ухом.

Щелкают ножницы.

Шея...

А вот тут что отрезать?

Видимо, мое лицо изменилось, и это не укрылось от глаз Лексли.

– Что-то нашел?

– Да. На шее, сбоку.

– Вот, значит, как... – впервые слышу, как дрогнул его голос.

– Не мешай! Еще все остальное осмотреть надо.

Слава богу, что более никаких непонятных и неприятных «меточек» клинок не выявил.

Убираю его в ножны и сажусь на подоконник. Кожа, насколько я знаю, неплохо защищает от всякого рода неприятных штучек. Но что я знаю про этот яд? Да, в общем, почти ничего.

Так.

Сызнова пляшем от начала.

Имеем некую отраву, неизвестного происхождения и с непонятной картиной первоначального отравления. Поражаемые части тела – глаза, рот и через кровь. То есть слизистые и кровь, если быть более точным. Слизистые... Накожного воздействия не отмечено. Значит ли это, что его нет?

– Лексли, как давно известен этот яд?

– Лет триста.

– Ого! И что, никого из отравителей так и не поймали за все время?

– Нет.

– Скажи, а вот если отравленный... ну, например, за руку тебя возьмет... что, тоже кирдык?

Он вопросительно смотрит на меня.

– Блин! Извини, – спохватываюсь я. – Прикосновения отравленного человека опасны?

– Конечно.

– Я имею в виду не царапины, а просто... ну, толчок, например.

– Не знаю. Таких сведений у нас нет.
Да... задачка. Без стакана и не поймешь...
Стоп...

Без стакана...

Спирт.

Точнее – мой самогон с сероглазковыми корешками!

А ну-ка!

В темпе отхватываю от многострадальной занавеси еще один кусок ткани и щедро поливаю его «трупоподъемником».

Подскакиваю к Коту и протираю опасный участок импровизированным тампоном. Этот долой, следующий... Еще разок...

А теперь – рунный тест!

Клинок цвета не изменил...

А тампоны? Первый реагирует положительно. А вот второй... здесь реакции не отмечается.

И только сейчас я заметил, как дрожат мои руки.

Втыкаю меч в пол и сажусь рядом, прямо там, где и стоял. Руки мелко подрагивают, даже зубы, по-моему, постукивают.

– Все? – Лексли присаживается напротив.

– Похоже, что так.

Он молчит, переваривает услышанное. Могу его понять – не каждый день тебя из могилы вытаскивают. Да еще из такой!

– Я опять обязан тебе жизнью...

– А-а-а... брось! Мы тут все в одной лодке сидим...

Кот упрямо наклоняет голову:

– Как хочешь. Но у меня имеется и свое мнение.

– Давай после, а? Еще и меня проверить нужно, да и вон тех ребят не помешало бы.

Пользуясь моими подсказками, он тщательно проверил клинком меня всего. Подозрения вызвали только рукава рубашки, каковые были тут же отрезаны и отправлены в «зараженную» кучу.

После чего Лексли опустил клинок и развел руки в стороны:

– Все. Больше ничего нет.

На всякий случай смачиваю самогонкой еще один кусок ткани и протираю себя везде, где только могу. Рунный тест этого куска ничего не показал.

– Так, – говорю я Коту. – Теперь займемся слугами.

Оба парня так и сидели у камина. Поднимаю первого, и в темпе устраиваем ему проверку. На нем ничего не нашлось, но одежду его мы на всякий случай отправляем в общую кучу.

Вообще, надо сказать, что видок у нас еще тот! Я в трусах, Лексли в набедренной повязке. Лица замотаны проспиртованной тканью. У меня меч, у Кота – ножницы. В другой руке у каждого разящие спиртом тряпки. Черт знает, что подумать можно. На всякий случай уточняю у него – не было ли при отравлении признаков сумасшествия? А то еще примут нас за отравленных – из-за такого-то внешнего вида...

Он морщит лоб.

– Нет. С ума никто не сходил. Во всяком случае, на нас двоих так не подумают.

– Это еще почему?

– Среди Котов и Серых рыцарей таких случаев еще не бывало.

Ну... дай-то бог! А то еще решат, что это как раз первый такой разок и приключился. Нашпигуют арбалетными болтами – и мякнуть не успеем.

– Второго давай, – киваю я в сторону камина.

Глава 4

А вот тут-то нас и ждал облом...

Когда Кот похлопал по плечу безмолвно сидящего слугу, тот мягко соскользнул по стене к его ногам.

– Это еще что? – наклоняется к нему Лексли. – Уснул, что ли? Вот это нервы!

– Стоп! – хватаю я его за руку. – Обожди...

Не торопимся... проверяем одежду... чисто. Голову, волосы... тоже в норме.

Прикрыв руки проспиртованной тканью, Лексли разжимает пальцы рук. Они у слуги сжаты в кулаки.

Левая рука – пусто.

Правая – аналогично.

Следов яда нет нигде.

А вот лицо слуги мне не нравится!

Губы закушены, черты лица искажены гримасой.

Отравление?

Очень похоже...

Проверяю клинком язык – чисто. Губы – та же песня. Яд он явно не сейчас принял.

– Смотри-ка, – говорю я Коту, – он себе губу прокусил! Аж до крови!

– Кричать не хотел, видать, здорово его крутило. Сильный мужик! Он же и не шевельнулся ни разу! Так, молча сел, молча же и умер.

– Где ты вообще его взял?

– В коридоре. Там, слева от твоей двери, у них каморка. Сидят и ждут вызова. Это вообще-то твой постельничий.

– Мой?

– Ну, он в доме отвечает... отвечал за эту комнату. Меняет тут белье, кровать застилает.

Кровать?

Девушка вскрикнула, когда полезла под одеяло...

Подзываю к себе Лексли и поясняю свой план.

Я, конечно, понимал, что зрелище будет не слишком-то приятным, да и навидался я покойников столько, что Коту и не снилось даже! Чего стоил только один псих, который умудрился почти перепилить себе горло обычной ножовкой! Жуть с ружьем!

Но данное зрелище впечатлило и меня...

– Смотри, – говорит Кот, – она проткнула ладони рук ногтями – так сильно сжимала руки...

Действительно, на ладонях видны следы от этого.

Черт возьми, вот где настоящий героизм! Представляю себе, как ее, бедную, корежило...

Вся кровать щедро полита кровью, и клинок негодующе чернеет.

Сорвав палку, на которой висят занавески, мы осторожно переворачиваем ею тело Оны. Лексли еще что-то ворчит, но я уже не слышу его слов.

Вот оно!

Натренированный замечать всякие мелочи, взгляд профессионального криминалиста сразу же цепляет на окровавленной простыне инородное тело.

Было дело, я в немаленькой комнате одного серьезного учреждения отыскал «раздевшуюся» макаровскую пулю. За двадцать минут, между прочим! И сердечник подобрал, и разорванную оболочку – пуля, после удара об пол, разлетелась на части, которые рикошетом усвистели еще метров на тридцать. Так что собирал я ее по частям... Правда,

врать не буду, малость металлоискатель помог. Но ведь там и комнатка была... раз в пять поболее этой!

Значит, смело могу ставить себе пятерку!

Клинок не то что почернел, а аж завибрировал!

Две пятерки! Даже три!

– Что это, Сандр?

– Вот он – яд...

В складках простыни лежал, еле заметный среди них, шипастый бронзовый шарик...

Отыскав среди всякого барахла кувшин, сделанный из цветного стекла, кончиком клинка закатываю туда шарик. Вырезав из деревяшки пробку, Лексли затыкает ею горлышко.

Еще раз тщательно осматриваю кровать. Нет... больше ничего тут не обнаруживаю. Да и смысл? Лежал шарик посередине кровати. Не я, так девушка, на него точно напоролась бы. Как, собственно говоря, и произошло.

Еще дважды мы обходим всю комнату. Уже рука устала тыкать клинком во все подозрительные места. «Трупоподъемник» извели почти весь, осталось только на треть во второй фляге. А в углу выросла немаленькая кучка опасного мусора.

– Ну, что, Сандр? – смотрит на меня Кот. – Открываем двери?

– Только стрелков предупреди. А лучше – подзови к двери и все подробно растолкуй. Через дверь. Чтобы не слишком волновались. Надо будет кого-нибудь в замок послать. Пусть Мирна сюда еще своего зелья привезти прикажет. Только саму ее удержите! Нечего ей тут делать! Это приказ! Хоть в кандалы закуйте!

Зеваю во все горло.

Отходняк? Очень даже может быть.

Ложусь прямо на пол, содрав для этой цели последнюю занавесь у двери.

– Хоть часок посплю, пока ты там дипломатией заниматься будешь...

Поспать, однако, удалось значительно больше. Сквозь сон я слышал голоса, двигали какую-то мебель, кто-то куда-то что-то тащил... Потом все накрыло плотное одеяло тишины.

Проснулся я оттого, что невероятно затекла левая рука – ее я подложил под голову. Кое-как сфокусировав взгляд, провожу им по сторонам. В комнате уже висят новые занавески, кровати нет, как нет и кучи опасного мусора. У закрытой двери стоит кресло, из которого видны чьи-то ноги в сапогах. Хозяин сапог дрыхнет самым бессовестным образом – слышу, как он похрапывает. На полу около кресла лежит взведенный арбалет.

Перевожу взгляд на себя. Пока я спал, меня накрыли теплым и пушистым плащом из какой-то шкуры. Легкая и удобная. Плащ почти невесом. Надо будет его для Мирны позаимствовать, авось не будут сильно бычить... Хотя что я несу? Это же мой дом! Стало быть, и плащ – тоже. Ну, во всяком случае, дам денег, у меня в церковном банке они есть. Да и в замке что-нибудь отыщется... чай, не дороже денег плащик-то будет?

Стоило мне приподнять голову, как храп прекратился и лязгнул подхваченный соней арбалет.

– Эй-эй! – говорю ему я. – Не стрельни спросонья! Тут все свои!

Над подлокотником поднимается взъерошенная голова.

Лексли.

Вполне естественно, а кого ж ты ожидал тут увидеть? Папу римского?

Пару минут мы таращим друг на друга сонные глаза. Ну и рожа у него!

Хотя...

Думаю, что моя немногим краше.

– Жрать хочу! – с этими словами я отбрасываю плащ и встаю на ноги. – Пару часов поспал, а такое чувство, будто месяц не ел!

Кот хмыкает.

– Пару часов?

– А что – больше?

– Ты дрых, как убитый, почти сутки! Даже чуть больше!

– В натуре? – изумляюсь я.

– В окно посмотри!

Припадая на затекшую ногу, ковыляю к окну и приоткрываю плотную штору.

Н-н-да... на улице уже солнышко. Ну, ни хрена ж себе подремал! Начинаю поворачиваться в глубь комнаты, и тут взгляд цепляет что-то на улице.

Что там?

Толпа.

Здоровенная, такой я тут еще не видел.

– Это что там за торжественная встреча? – киваю в сторону окна. – Епископа ждем?

Самое время бы ему прибыть...

– Нет. За ним, естественно, послали, но он пока еще не приехал.

– А какого ж тогда хрена?

– Пока ты спал, слухи о произошедшем разнеслись по городу.

– Неудивительно!

– И вся эта куча народу, неся зажженные факелы, двинулась к дому.

– Так вроде бы утро уже начиналось? Или тут такие обычаи – с факелами днем ходить?

– Они хотели сжечь дом со всеми его обитателями. Народ верит, что только таким путем можно остановить Шерн.

Н-н-да... ни одно доброе дело не останется безнаказанным... прямо как у нас...

– На случай попытки прорыва в толпе шло несколько сотен арбалетчиков.

Лихо они тут организовались! Эти-то таланты – да на благое дело бы!

– Ты меня обрадовал! И почему мы до сих пор не в аду? Они не решаются подойти к дому?

– Его можно поджечь и издали. Горящими стрелами.

– Продолжай в том же духе...

– Толпа уже собралась поджигать дом, а мы приготовились на прорыв. Ты спал, и разбудить никак не удавалось. Поэтому мы завернули твое бесчувственное тело в плащ из шкуры морха и положили на носилки.

– С носилками понятно. А плащ тогда зачем?

– Шкура морха не пробивается стрелой. Ее можно только разрезать или распороть.

– Хренасе у вас тут бронежилеты! А что ж в ней тогда полгорода не щеголяет? Уж бандюки точно бы на себя не то что плащи – трусы бы меховые напялили!

– Такую шкуру, как эта, можно встретить один раз в десять-пятнадцать лет. Этот плащ граф Дарен купил, покрыв его золотыми монетами в один слой.

Так это все-таки мой плащик? Хорошо хоть платить за него не буду. А то тут никакого бабла не хватит...

– Ну, хоть здесь ты меня обрадовал! Я-то хотел эту шкурку Мирне на плащ организовать.

– Безопаснее было бы повесить ей на шею мешок с золотом. Если она будет носить такой плащ, тебе придется посылать за ней отряд охраны не менее чем в двадцать человек!

– Шутишь? Где я их возьму?

– Такие плащи носят только короли. Ну... может, еще некоторые весьма знатные люди.

Ага, так покойный граф загодя к этой роли готовился? Интересно, а еще какие приготовления он успел сделать? Кстати...

– Слушай, а толпа вот эта... чего они там ждут? Когда мы выйдем?

– Я думаю, что они ждут тебя.

– Чтобы порезать на мелкие кусочки?

– Видишь ли, когда мы уже собрались пойти на прорыв, появился священник. Надо

полагать, все эти события были и для него некоторым потрясением.

– Надо же!

– Он вышел перед толпой и спросил – что они хотят сделать?

– А это было не очевидно?

– Кому как... – пожал плечами Кот. – Ясное дело, что ему тут же пояснили суть их намерений. Все-таки церковь тут уважают, и оставить без внимания прямой вопрос священника... это как-то нехорошо.

– Лорда своего поджаривать, стало быть, в порядке вещей?

– В ответ на разъяснения он спросил – знают ли люди о том, что Серого рыцаря нельзя отравить?

– А это действительно так? Что ж я тогда тут так выживался?

– Не знаю. Может быть, и так. Священник дословно сказал следующее: «Вы знаете, что Серые рыцари смертны. Его можно убить, как любого из нас. Но кто-нибудь слышал о том, что Серого удалось отравить?» Таковых в толпе не нашлось. И тогда он снова сказал: «Ничто не угрожало вашему лорду. Он мог просто уехать и бросить дом вместе со всеми. Он – Серый, и законы нашего королевства к нему неприменимы. Но лорд остался и попытался спасти тех, кто уже был поражен Шерном. Для этого, помимо всего прочего, он отдал в чужие руки свое оружие, которое могло в этом случае принести смерть уже ему самому. И люди были спасены, угроза того, что Шерн выйдет в город, – устранена. А сейчас ваш лорд лежит в беспомощности, отдав все свои силы для спасения других. Вы напуганы и озлоблены, и я вас понимаю...»

– А он-то все это откуда выведал?

– От него под утро служба приходил, спрашивал, когда ты сможешь повидаться с отцом Дерихом.

– Кто это?

– Так это здешний священник и есть!

– Блин! Не знал, извини!

– Так что службе-то все и рассказали. В дом он не входил, говорили с ним через дверь, так что опосля таких новостей парень вообще исчез почти мгновенно. Он быстро смотался в церковь, вот отец Дерих и успел сюда в самый раз.

– Да, в самый интересный момент и подоспел.

– А то! Мы еще выйти не успели, как он перед дверями дома появился. Вот... Ну а как закончил говорить, взял у кого-то факел и вышел вперед. Повернулся к толпе и сказал: «Тот, кто еще хочет сжечь лорда и его людей – пусть выйдет сюда и возьмет у меня этот факел!»

– И что?

– Вон этот факел, до сих пор лежит на земле. Давно уже потух.

– А толпа чего ждет?

– Если через два дня никто не умрет и не станет одержимым – ты победил яд. Вот они и ждут, пока это станет очевидно.

– Стало быть, нам тут еще два дня сидеть?

– Да.

– А жрать мы что будем?

Смущенный Кот почесал в затылке.

– Вот с этим-то у нас проблема... Никто же сначала не знал, как именно пытались тебя отравить? Вот и собрали по моему приказу все съестное и... того.

– Что?

– Сожгли. Костер во внутреннем дворе развели и туда все побросали. Простыни и занавески – тоже. Ону... в общем, ее тоже сожгли.

– М-м-да... жаль. Я ее по-человечески похоронить хотел... Ну, да что теперь говорить-то? Пить у нас тоже нечего?

Лексли встряхнул в воздухе флягой.

- Это то, что я думаю, – или?
- Или. Это вода.
- Много ее у нас?
- Тебе хватит.
- Лексли!
- Полведра.
- Атас... Ну, два-то дня мы тут продержимся. А вот если больше...

Глава 5

День тянулся медленно, как-то совсем неторопливо, словно нехотя.

Толпа не расходилась, лишь время от времени люди сменяли друг друга. Надо полагать, уходили на отдых. К вечеру улицы перегородили повозками, на которых спешно нарастили борта – видимо, всерьез опасались прорыва конницы. Благо что наши лошади так и стояли под окнами у коновязи. Слава богу, что хоть у них вода была. Вот с едой... тут обстояло похуже. Сено и овес они уже успели съесть и теперь беспокойно перебирали ногами, оглядываясь по сторонам.

Нельзя сказать, что это видел только я. Во второй половине дня кто-то из слуг, распахнув окно, крикнул горожанам, чтобы они покормили хотя бы лошадей.

Слышавший это Лексли только поморщился и отошел от окна.

– Что так? – спрашиваю я у него.

– Никто не подойдет к дому ближе, чем на тридцать шагов. Народ испуган. И их можно понять!

– А если мы попробуем отвязать лошадей? Не знаешь, они подвержены заражению или отравлению этим ядом?

– Да вроде бы нет...

Минут через десять в доме приоткрылась дверь. По толпе сразу же пробежал шорох, слышный даже с такого расстояния. Но из двери вышел только мальчишка, который ухаживал в доме именно за лошадьми. Оглянувшись по сторонам, он делает несколько шагов в сторону коновязи. На площади наступает мертвая тишина. Вот отвязана первая лошадь, вторая...

Встряхнув гривой, она направляется в сторону ближайшей улицы.

Слитный гул множества тетив!

Сбитый с ног мощным ударом сразу нескольких арбалетных болтов, конь буквально отлетает в сторону!

Вторая лошадь падает недалеко от первой.

Потрясенный этим зрелищем, мальчишка вскидывает руки. Он что-то кричит и делает несколько шагов в сторону расстрелянных животных.

Первый болт ударяет его в плечо...

- Черт! – Мой кулак с хрустом проломил тонкую декоративную панель на стене.
- Что? – удивленно приподнимает бровь Кот. Он стоит у окна. Чуть сбоку, так, чтобы его не было бы видно с улицы.
- Да, ладно, забей... – понемногу остываю я. – Парня-то за что?
- Страх... Они и не уходят отсюда именно поэтому. Наилучший выход для них – если дом вместе со всеми обитателями провалится сквозь землю. Горожане и мышь отсюда не выпустят. Всегда есть шанс, что смерть выскользнет из кольца вместе с ней.
- Но ты же говорил, что был уже случай... про жену короля. Как вышли из положения тогда?
- Сожгли замок. Вместе с ее телом. Там все обстояло проще, это был охотничий замок, и стоял он далеко от города.
- И что, так ни разу и не нашли отравителей?

- Я таких случаев не знаю.
- Слушай! А этот – слуга, что помер у камина, он где?
- В подвале. Там есть комната, мы натаскали в нее льда из ледника. В ней он и лежит.
- Ну, раз делать нам больше нечего, пойдем посмотрим на этого паникера...

Осмотр тела показал однозначно одно – слуга умер от яда. Его печень недвусмысленно отреагировала на рунный тест. Хотя в данном случае клинок потемнел не так явственно. Надо же! А я уже начинаю отличать его реакцию. Вот на шарик он отреагировал как на смертельную опасность. На девушку – уже не так сильно, на тампоны – еще слабее. С точки зрения клинка слуга, вернее яд, которым его отравили, стоял существенно ниже. А вот на болт, которым меня ранили, он и вовсе по-особенному отозвался... Да, интересное мне все-таки досталось оружие! Чует мое сердце, что это далеко не все его возможности. Как вот только их выявить?

Поднимаемся в комнату слуги и устраиваем там тщательный обыск. Вот тут я всерьез удивил даже невозмутимых Котов!

– Значит, так! Заходим и смотрим. Запоминаем, что и где лежит. Почему это и почему именно тут? Отчего в таком положении, а не в другом? Кто хозяин комнаты? Как давно он в ней живет? Левша или правша? Наличие замков на двери, как быстро они открываются? Куда открывается дверь – внутрь комнаты или в коридор?

На лицах Котов написано неприкрытое удивление.

– Где он спит? Как именно – в смысле, куда головой ложился – к двери или к окну? Могли ли к нему зайти? Кто и по какому поводу? Иными словами – мог ли он какое-то время не отпирать дверь и не вызвало бы это подозрений?

– Зачем это? – ворчит один из них. – Тут и комнатка-то – переплюнуть можно! За несколько минут ее всю перевернуть – вообще не вопрос!

– Согласен! – кивая собеседнику. – Только вот какая завыка... Он служил тут уже шесть лет?

– Ну да. Управитель так и сказал.

– И что, данный постельничий был так уж сильно предан графу?

– Да граф и был-то в этом доме всего пару раз! И то – лет пять назад.

– Тогда отчего именно этот слуга стал отравителем? Зачем и почему он так долго и тщательно скрывал свою сущность? Особых причин любить графа у него не было, должность свою он занял по причине смерти прежнего постельничего, и граф тут ни при чем.

– Откуда ты все это знаешь? – удивляется Лексли.

– Так и я тоже с управителем разговаривал – не забыл? Только вот я, в отличие от вас, кое-что другое выпрашивал!

Оставляю Котов переворачивать вверх дном комнату, согласно полученным указаниям, и отвожу Лексли в сторону.

– Видишь ли, тут вот в чем дело... Не верю я в случайности, понимаешь? Ты посуди сам, он подложил мне Шерн и, в принципе, мог уходить, так?

– Так.

– Но он остался! Зачем? Что его держало? Он что, не понимал, что в случае успеха он умрет одним из первых? При чем мучительной смертью!

Кот хмурится.

– Я думал об этом...

– И каков результат?

Вместо ответа он пожимает плечами. Понятно – никакого.

– Видишь ли, – беру я его за пуговицу на камзоле, – в моей истории встречались похожие... э-э-э... типы. Они иногда прилюдно убивали себя таким образом, чтобы это повлекло бы смерть окружающих.

– Зачем?!

– Долго объяснять. И это далеко не всегда были воины. Попадались и совершенно

обычные на первый взгляд, конечно, люди. Мне приходилось с такими мерзавцами сталкиваться и видеть последствия их действий. Так что некоторые моменты я вижу не потому, что умнее и прозорливее тебя, а просто в силу жизненного опыта. Это вы больше с нормальными людьми, пусть даже и с противниками, общаетесь. А я все больше с негодяями воевал...

– И как?

– По-разному... Мелочь всякую давили, и довольно успешно. А вот тех, что повыше сидели... те уже нас гоняли – и будь здоров как!

– Это как такое может быть? – Кот совершенно потрясен. – Вы же служили королю?

– Поднимай выше – как бы и не императору!

– И обыкновенные разбойники... осмеливались вам возражать?

– Ну... не совсем обыкновенные, только укравшие побольше остальных... Возражать? Хм! Это еще мягко сказано! Нас и в тюрьмы сажали, и убивали... да много еще чего бывало...

Обалдевший Кот качает головой.

– Ну и жизнь там у вас была... видать, давно никто порядка не наводил...

На этот раз видение отряда Котов в приемной начальника ГУВД было столь явственным, что я аж поперхнулся.

– Да уж... бардака у нас хватало.

Стучат дверь, и в коридоре появляется один из обыскивающих. Лицо довольное, только что не улыбается.

– Ну как? – в один голос спрашиваем мы его.

– Есть тайник!

Присев на корточки, рассматриваю нижнюю часть стены. На полу тут виден полукруглый след, который вполне мог быть оставлен откидывающейся вбок доской. Двигается она, надо полагать, на петлях, наподобие дверцы, и при этом оставляет следы на полу. Логично? Вполне.

Ложусь на пол и смотрю вдоль него. Полы тут натирают восковой мастикой, так, что они блестят как зеркала. Но вот в этом месте пол поцарапан... не натирали? Но ведь мастика заполнила бы царапинки, и их не было бы видно.

– Лексли, – не оборачиваясь, спрашиваю у него. – Как давно в доме натирали полы?

– Не знаю. Это важно?

– Да.

Топот ног – кто-то понесся выполнять приказание.

Как открывается тайник?

Наверняка где-то есть пружинка или рычажок. Только где? Насколько я знаком с устройством тайников, она может быть где угодно.

Снова забухали по полу сапоги – вернулся посыльный.

– Полы натирают каждый день! В таких комнатах – раз в два дня.

То есть – перед нашим приездом пол натирали.

Так... все встает на свои места. Здесь эта пружинка...

Внимательно осматриваю стену.

Ага! Метка.

Еле заметная, примерно на уровне колена, слева от предполагаемой дверцы.

– Все в сторону!

Отдвигаюсь влево и припасенным заранее длинным гвоздем нажимаю на эту точку.

Щелк!

Ничего не происходит, только кусочек стены подался внутрь.

Убираю гвоздь, и он тут же встает на место.

Есть второй ключ?

А ну-ка...

Вот он.

На уровне пола, на этот раз справа, из стены выглядывает шпенек. Недлинный, около двух сантиметров. Отпускаю гвоздь, и он скрывается в стене.

И что с ним надо сделать?

Тянуть? Маловероятно, он тонкий и неудобный для этого.

Двигать вбок или вверх? Тоже не выйдет.

Вариант один – нажать.

– Да, давай я на него нажму! – вызывается Лексли.

Отрицательно мотаю головой.

Зачем такая странная система открывания?

Еще раз.

Левой рукой нажимаю на левую метку, а правой?

На шпенек?

Открывшаяся дверца будет как раз напротив моих коленей. Вернее, это я буду напротив нее.

Угу...

Ищите дураков в зеркале, господа хорошие!

Выгнав всех из комнаты, придвигаем вдвоем с Лексли к стене тяжелый буфет и прижимаем им гвоздь, упертый в метку. Заодно ставим его на пути открытия дверцы тайника.

После чего рукояткой принесенной снизу метлы надавливаю на шпенек.

Щелк!

Тюк!

Заглядываем за буфет. В его задней стенке застряло изогнутое подпружиненное лезвие. При открытии дверцы оно так бы и рубануло по ногам открывающего. Лезвие тонкое и гибкое, но сапоги или одежду прорезало бы легко. Рунная проба показывает яд. Слава богу – не Шерн. Разумеется, за дверцей, кроме этого самого лезвия, ничего нет.

– Ну? – ехидно поворачиваюсь к стоящим в дверях Котам. – Тайник, говорите вы?

Они сконфуженно молчат.

– Все обыскали?

– Да... – отвечает кто-то из заднего ряда. – Больше ничего не нашли.

Лады... уже самостоятельно обхожу комнату по периметру. Тут они прошлись... здесь тоже делать нечего... и здесь...

– Покойный левшой был? Или как все?

– Ложку правой рукой держал.

Подзываю к себе ближайшего Кота.

– Таген, вот если ты с кровати этой встать будешь... какой рукою станешь себе помогать?

Вопрос не праздный!

Кровать стоит в углу, наполовину задвинутая шкафом для белья. Ее даже не сразу можно рассмотреть из-за этого. И если лечь в нее можно без особого труда, то вот быстро встать без помощи рук – проблематично.

Он примеривается, ложится, встает.

– Вот так!

Он тоже правша, так что все соответствует. Задняя стенка кровати в этом месте вся вытерта от многочисленных касаний руки.

– Угу... А кто мне тогда ответит – отчего вот эта стойка словно бы отполирована? – тычу пальцем в декоративную деталь на боку у шкафа. – Чтобы встать – она не нужна, а пока не ляжешь, до нее не доберешься. Он что – во сне ее гладил? С чего бы это? Да еще и левой рукой?

Тайник оказался там...

Перекусываем в моей комнате. Еды немного и всем достается по кусочку. Хуже с водой. С ледника принесли льда, но полученная таким образом вода была невкусной и с неприятным запахом. Конечно, на безрыбье и рак сойдет... но пить ее как-то не тянуло. Впрочем, чтобы напоить почти два десятка человек, включая слуг, и этого было слишком мало. Так что остатки льда извели полностью. Утром будем сосать лапу...

Ночь прошла беспокойно. Отблески факелов на потолке складывались в причудливые картины, а прорывавшиеся с улицы звуки рисовали в моем воображении и вовсе мрачные образы. Так что заснул я только под утро.

Разбудил меня тихий говорок.

Вскидываю голову и вижу, как в дверях о чем-то шушукуются Лексли и кто-то из Котов.

– О чем базарите, бояре?

Собеседники удивленно поворачивают головы в мою сторону. Лексли смущенно кашляет.

– Ну... мы тут это... за водой хотели сходить – у коновязи-то она есть.

– И как? Всем убежать удалось?

– Гхм-м... Дака по руке задело стрелой, еле успели назад заскочить.

– А ты думал там, на площади, лопухи ждут?

Сна – как не бывало. Настроение испортилось уже с утра.

– Какой сегодня день?

– Понедельник. А что?

– Ничего себе неделька начинается...

Видя недоумение на их лицах, рассказываю им старый анекдот, адаптировав его к местным реалиям. Почему-то улыбок это не вызывает...

– Как толпа?

– Ждет. Больше не стреляли.

– Резюмирую. Еды у нас нет. Воды осталась пара фляг, после этого – вилы! Так что, приказ по гарнизону – всем спать! Оставить пару часовых и – в койку! Кто спит – тот ест!

– А относительно воды такой поговорки нет?

Закончив ржать, отсылаю людей выполнять приказание.

Глава 6

Спать – хорошо!

Особенно когда ничего не висит над душой и некуда спешить. Тогда и сон, что говорится, – в руку, и встаешь отдохнувший и довольный. А вот когда спишь просто от безысходности, дабы чувство голода и жажды заглушить... сон какой-то неправильный получается. Нет, в принципе, я мог встать и пойти сожрать чего-нибудь, да и воды глотнуть – никто бы и слова не сказал. Лорд я – или где? Но вот выглядеть по-свински в глазах окружающих... такая перспектива меня не радовала. И хотя я понимаю, что тут отношение к вышестоящему гораздо серьезнее, чем у нас, – ничего с собой поделать не могу. Назвать это чувство совестью? Не уверен, что это именно она. Да и неохота мне сейчас влезать во все эти тонкости. Лучше спать, хотя и сна-то уже ни в одном глазу нет. Ну, хоть поваляюсь...

Однако и этого мне сделать не дали. Когда в коридоре заскрипел паркет под чьими-то сапогами, я даже с некоторым облегчением приоткрыл глаза.

И ничуть не удивился визиту дежурного Кота.

– Что там у нас?

Понятное дело – он не так просто пришел. Знает, что лорд спит, и будить его, мягко говоря, не комильфо. Но – пришел. Значит – причина есть, и серьезная.

Нервным движением он поправляет перевязь с мечом.

– Там... там Мирна пришла...

Еще гуляло по спальне эхо от моего возмущенного крика, а я уже летел вниз, на ходу перепрыгивая через несколько ступенек.

Кой черт ее сюда приволок?! Зачем?! День еще выждать – и вышли бы мы все! Тогда и повидались бы. Хотя, честно скажу, тосковал я по ней очень!

У самой двери на улицу меня перехватывает постовой Кот:

– Нельзя на улицу!

– Пусти!

Но он непоколебим, вцепился в косяки – рук не отодрать. Пока мы, сопя, возимся около нее, сверху горохом ссыпаются остальные Коты. Меня хватают за руки и оттаскивают в сторону.

Взьерошенный Лексли пробивается сквозь толпу.

– Ты сошел с ума?

– Но там Мирна!

– Там не только она! – И меня волокут к окну.

Уже смеркается, и заходящее солнце отбрасывает на площадь изломанные тени от крыш домов и труб на этих крышах. Но видно все достаточно хорошо.

В первом ряду толпы стоит стройная шеренга окольчуженных солдат. Глухие щиты-павезы, надвинутые шлемы и острия пик, торчащие из-за щитов. Заходящее солнце окрашивает их в красный цвет. Над спинами первой шеренги поднимаются арбалеты. Много, не менее полусотни. На заднем плане видны горожане. На лицах, насколько я могу отсюда рассмотреть, написаны смущение и растерянность.

– Кто это?

– Не знаю. Но это явно не городское ополчение. Они пришли еще три часа назад. Но в первые ряды не лезли, чего-то ждали. Стоят вот так уже минут двадцать. Толпу оттеснили и в первые ряды не пускают.

– Это только здесь так?

– Везде – то же самое. Они чего-то ждут... Просто здесь площадь относительно широкая, оттого их тут и больше, чем в других местах. Все-таки вероятность нашего прорыва тут выше, чем где-то еще. Там переулки узкие, десяток-другой перекроет их без проблем. А если еще и стрелков добавить – вообще ловить нечего.

Еще раз выглядываю в окно – где же Мирна?

Вот и она.

Перед шеренгой, метрах в тридцати от нее. На земле рядом с ней наклонилась набок тяжелая по внешнему виду корзина. От дома ее отделяют те же тридцать метров.

– Давно она тут?

– Совсем недавно, только вышла.

– И солдаты ее пропустили?

На меня с удивлением уставилось несколько пар глаз.

В чем дело?

– Никто, ни король, ни епископ не может остановить своим приказом целителя, идущего к больному или раненому, – разводит руками Таген. – И ни один солдат не выполнит такого приказа, если он его получит.

Я чего-то не знаю?

– Почему?

– Если этот человек умрет, то любой сможет сказать солдату – ты не пропустил целителя и оттого смерть больного на твоей совести. Это тяжкий грех – препятствовать исцелению. Никакое покаяние не снимет его. Причем это касается также и лица, отдавшего приказ. Если родственники умершего его ранят или даже убьют – это их право. Суда не будет.

Однако!

– И... часто так бывает?

– За последние сто лет такого случая не было.

– Почему же тогда Мирна не входит в дом?
– Мы, вернее, ты – можешь ее не впустить. Тогда – грех воспрепятствия исцелению на тебе. Но и назад она уже не уйдет. Выйдя за линию солдат, она почти что умерла для всех остальных. Вернуться назад она может только вместе с нами.

– Или?

– Или не вернется совсем. Если она повернет назад – ее убьют арбалетчики.

– Откройте мне дверь!

Вместо ответа Лексли показывает мне на две группы стрелков.

– Смотри, они держат на прицеле двери и окна. Явно ждут того, кто выйдет из дому.

– Хочешь сказать, что они ждут меня?

– А откуда тут вообще взялись эти солдаты? Да еще в таком количестве? Только на первый взгляд их здесь не менее пятисот человек! Наверняка это еще не все, кто-то сидит на крышах и у окон.

Взгляд на Мирну. Губа у нее закушена – да она еле на ногах стоит!

Подтаскиваю Кота к окну.

– Как долго она еще там простоит?

Он смущенно отводит глаза.

– Ну... она девушка крепкая...

– И простоит там до нашего выхода? А ты уверен в том, что это вообще произойдет?

Лексли молчит.

– Где шкура этого... ну, что не пробивается стрелами?

Кивок головы – и кто-то затопал сапогами.

– Кольчугу надень... и поддоспешник, стрелы бьют больно, даже и через шкуру. Синяки будут все равно.

Оптимист! Синяки... да полсотни арбалетчиков меня просто сметут залпом, я и выйти не успею! А уж упавшего если и не убьют сразу, то просто забьют болтами насмерть!

За каким же рожном я тогда прусь?

Если честно, то некий расчет у меня имелся.

Солдаты эти не из воздуха возникли, они наверняка были где-то рядом. Подстраховка отравителя? Отчего бы и нет?

Но в атаку они не двинулись и дом пока еще не зажгли... Отчего же? Ведь еще день, максимум два – и мы выйдем. Так? Это если с нашей точки зрения судить. А всей информации они не знают... Знает поп, но он тоже высказался как-то округло... неконкретно. А, кстати говоря, почему? Он и подробнее рассказать мог. Но не рассказал. Ох, чует мое сердце, что это «жу-жу» неспроста... Что-то поп знает... И зачем он так рвался на аудиенцию? Хотел поговорить? А может, рассказать? Эх, кабы знать!

Но об этом можно и после подумать.

Сейчас есть задачка и поважнее.

Будут ли солдаты стрелять?

По Котам – безусловно. Они сейчас никому не интересны, и их жизнь мало что значит по сравнению с моей. За их смерть отвечать в такой ситуации никто не станет. Легко объяснить – мол, они обезумели и кинулись на солдат. Может и прокатить.

А по Серому?

Цель всей комбинации – я. Точнее – моя жизнь. А еще точнее – моя голова, долженствующая украсить чью-то коллекцию. Пусть даже и виртуально. Что грозит отдавшему такой приказ? Да ничего ему не грозит, кроме... а вот с попами он ругаться не станет... им-то я живой нужен! Во всяком случае – пока... Вот ежели я своей смертью помру (то бишь – от яда), его вины в этом нет. По крайней мере – очевидной. Мало ли кто отравить меня мог? А вот если лорда завалят солдаты... осадочек будет... а уж подозрения – так наверняка! Не пойдет на это неведомый злодей. С точки зрения обывателя и, что важнее – церкви, Серые куда как более уравновешенные товарищи и просто так их с ума не свести. Помереть такой персонаж может, а вот с катушек слететь...

Хорошо, пусть так.

Все ли солдаты об этом знают?

Не все, даже и офицеры, точняк, не все в курсе дела. Один-два, может, и получили какой-то отдельный приказ, но до всех его доводить – утечка информации гарантирована. Значит, работают солдаты втемную. Их подняли для устройства кордона от Шерна – это им уж точно растолковали. Как тут поступить, это за пару сотен лет наверняка уже наизусть вызубрили. Что там Лексли говорил – тридцать метров? Вот и проверим...

– Все! – хлопает меня по плечу Кот. – Готово!

Ну и навешали на меня... Поддоспешник, пара кольчуг, шлем, поножи, да еще и шкура эта... Вот смеху-то будет, ежели я во всем этом навернусь и встать не смогу самостоятельно! Толкаю дверь!

В-в-в-жух!

Воздух словно бы заполнился болтами. Они густо барабанили по двери, косяку, несколько штук влетело внутрь. Хорошо, что напротив двери никого не было.

По шкуре ощутимо садануло – попали!

Да и не раз...

Как на ногах-то устоял... сам не понимаю. Еще пара попаданий – и катился бы по полу.

Однако же легенды не ввали – пробить эту штуку не удалось.

А вот теперь у них перерывчик – перезарядка...

Вперед!

В несколько прыжков преодолеваю расстояние до Мирны и закрываю ее собой.

Слышу щелчки – это заряжают арбалеты стрелки. Копья качнулись и выровняли линию.

– Назад отходи!

В моей руке блеснул Рунный клинок, и вся шеренга солдат инстинктивно сделала шаг назад, сбивая прицел стрелкам.

– Не стрелять!!! Мы уходим в дом!

Эдак и глотку сорвать недолго...

Но – подействовало, арбалеты нерешительно качнулись. А страшно это со стороны небось выглядит! Ведь то, что в меня попали, наверняка видели многие. Соотнесли ли это со шкурой или нет – бог весть, но впечатление это наверняка произвело на многих. Стрелы меня не взяли, а лезть в рукопашную – дураков нет.

Тем паче что и я агрессии не проявляю – ухожу. Вроде бы и причин для стрельбы пока нету.

– Слева! – стеганул по ушам крик из дома.

Локтем левой руки валю Мирну на землю и скидываю правую руку, повернувшись вполоборота. Закрываю ее шкурой от стрел. Повисший на руке плащ дергается. Раз, второй.

Вот, значит, где осведомленные товарищи стоят – на левом фланге. Ну, хорошо, буду знать, где вас после разыскивать.

Слышу звон клинков и чуть опускаю руку.

Так...

Дознание мне проводить уже не придется...

Несколько солдат рубят в капусту каких-то типов с арбалетами. Ага, так они еще и не из вашей части, судя по всему? Ну да, форма на них немного другая, да и кольчуг не видно.

Продолжаю пятиться назад.

– Правее!

И вот уже дружеские руки втаскивают нас в прихожую.

Лязгает засовом дверь, и только тут я чувствую, как болят мои многочисленные синяки...

– Ты сумасшедшая! – прижимаю к себе сероглазку. – Ну, скажи, зачем, зачем ты пошла сюда?!

– А что я должна была делать?

– В замке сидеть! И ждать меня!

– Или вести о том, что вас всех сожгли...

– Ну, отчего ты всегда видишь во всем происходящем только грустные стороны?

– А тут есть еще и веселые? – она с интересом оглядывается по сторонам. – Покажешь?

– А по попе?

– Можешь меня отшлепать, – соглашается она. – Главное – что я теперь с тобой рядом и больше ничего тебе не грозит.

– Да и раньше не слишком-то...

– Если бы я не вышла к дому, – не соглашается Мирна, – он бы уже пару часов как горел синим огнем.

– С чего это вдруг?

– Я слышала такие разговоры. Такой вопрос обсуждался вполне серьезно. Даже воду подвезли, чтобы отстоять другие дома, если на них перекинется огонь. Тогда я сказала им, что пойду в дом и сама там все посмотрю. Меня поддержал городской голова, хотя были и те, кто возражал.

– Вот уж я с ними опосля всего побеседую...

– А пока – снимай кольчугу! Буду смотреть, что там у тебя такое!

– А что – должно было вырасти что-то новое?

– С тебя станется!

Появление Мирны подняло нам всем дух. Тем более что в ее корзине, которую она успела-таки прихватить в дом, была и еда, и вода. И не только вода...

Так что этот день завершился уже совсем на другой ноте, нежели предыдущие.

Перед сном я отловил-таки Лексли и спросил – видел ли он стычку среди солдат?

– И очень хорошо. Я же наверху с двумя арбалетами сидел, тебя прикрывать старался. Хотя, честно говоря, это уже был бы жест отчаяния. Если бы мы начали стрелять из дома...

– Да... Мирна сказала, что нас не подожгли только благодаря ее решению пойти в дом самой.

– Вот как? Это у кого ж такая идея родилась?

– Не знаю. Но городской голова был не против этого и поддержал ее. Вот и не стали нас поджигать.

– Ты смотри, а он крепким мужиком оказался! Надо будет с ним после всего выпить!

– Дай только вылезти отсюда – три дня гулять будем! Да, а что там со стрелками-то было? Рубить их за что стали?

– Так получилось-то, что они не в тебя стреляли.

– А в кого?

– В Мирну.

У меня отлила кровь от щек.

– Ты... точно это видел?

– Если бы ты не сбил ее на землю... да и не закрыл плащом...

Скрип моих зубов, наверное, был слышен даже на улице.

– Вот остальные солдаты и не выдержали. Они-то это тоже видели. Такого поступка здесь не простят... особенно в данной ситуации. Человек идет на смерть, чтобы спасти город. А тут кто-то хочет ему помешать... Стрелявшие еще легко отделались, их могли и на куски разорвать.

Вот, значит, как... Убей они сероглазку – планка у меня точно бы упала. И нашинковал бы я там народу... тихий ужас... И все было бы, как по заказу. Дом бы сожгли, меня тоже придавили бы где-нибудь... супротив такой толпы долго не выстоять.

Увидев мою реакцию на данные известия, Лексли не на шутку взволновался:

– Да разберемся мы, не переживай.

– Ладно... – хлопаю я его по плечу. – Пойду спать. А то все тело в синяках, лишний раз не повернешься...

Следующий день прошел уже значительно веселее. Еда пока была, да и солдаты вели себя уже не так настороженно.

По предложению Мирны мы не подаем признаков жизни, за исключением открытых окон. Время от времени кто-то из нас в них показывается. Но толпа уже не реагирует на это так остро.

К полудню цепь солдат поредела, часть отошла куда-то в тыл. Надо полагать, на отдых. Меньше стало и народу.

Правда, эту ситуация сероглазка нам разъяснила. Расставленные вокруг города военные посты не давали уехать никому. Тем не менее часть горожан выбралась-таки за оцепление, и теперь они сидели в роще, ожидая известий. Уехать никуда они не могли, а в своих домах оставаться было страшно.

К вечеру на площадь вытолкнули тележку. На ней было что-то съестное и бочонок, надо полагать, с водой. Втащить поклажу внутрь мы втащили, но вот трогать ничего не стали. И хотя рунный тест ничего не показал, рисковать никому не хотелось.

Последняя ночь... Спал я плохо, да и не одному мне сегодня не спалось. Все понимали – таинственным противникам остался последний шанс. Или сегодня ночью мы умрем, или завтра выйдем отсюда героями. Лексли облазил все подвалы, ничего не нашел, но дверь наверх все-таки завалил наглухо. По моему совету мы содрали отовсюду все ткани и тщательно законопатили щелки в этой и в двух последующих дверях. Все припасы с тележки также свалили в подвал.

Отдыхали не раздеваясь, дремали все вполглаза, дежурные сменялись каждый час. Под утро я наконец забылся в коротком и тревожном полусне...

Проснулся сам. И вовсе не оттого, что кто-то начал ломиться в дверь или орать дурным голосом. Минуты две лежал, пытаюсь понять – что же меня разбудило? И только потом догадался – тишина.

За прошедшие дни я уже успел привыкнуть к неумолчному гулу толпы, шагам и лязгу оружия. А сегодня... сегодня всего этого не было.

Спрыгиваю на пол и только сейчас замечаю стоящую у окна Мирну. Она стоит, привалившись к стене и обхватив хрупкие, беззащитные плечи тонкими, казавшимися полупрозрачными в утреннем свете, руками.

Услышав мои шаги, оборачивается.

– Ты плачешь? Отчего?

Тонкое и гибкое тело прижимается ко мне. Ее руки обвивают мои плечи с неожиданной силой.

– Все закончилось... ты снова победил смерть!

– И это повод для слез?

– Какой ты толстокожий... я так боялась за тебя... за всех вас...

– И оттого пошла в этот страшный для всех прочих дом?

– Я не могу без тебя жить! Ты понимаешь это?! Сидеть и ждать страшных вестей о любимом человеке? Не знаю, есть ли такие женщины вообще?

Ласково глажу ее по голове, по пышным волосам, вдыхаю их знакомый, чуть терпкий запах.

– Ну, успокойся, моя сероглазка! Я рядом, живой и здоровый – чего ж еще желать?

Она не отвечает, только еще сильнее сжимает свои объятия.

Приподнимаю ее голову и осторожно, поцелуями, убираю с лица слезинки.

Ну вот, полегчало, наконец-то она улыбается.

– С чего ты взяла, что все кончилось?

– Посмотри... – кивает она на окно.

По привычке хоронясь за стеною, выглядываю на улицу.

Никто никуда не ушел.

Солдаты по-прежнему стоят, перегораживая площадь. Но их копья смотрят в небо. Не вижу и арбалетов. В середине строя открыт широкий проход.

– И что это значит?

– Они ждут твоего выхода. Это старый обычай – давать дорогу осажденному, чтобы он беспрепятственно покинул свою крепость.

– То есть – осада снята?

– Да.

Одеваясь на ходу, скатываюсь вниз. Тут уже все наготове, одеты, вооружены. Только морды небритые и неумытые. Ну, я и сам-то... тоже хорош. За спиной Котов столпились слуги, среди которых я замечаю старика управляющего и нескольких девушек. Интересно... девчонки... и где ж они все это время тут ныкались? Лексли куда-то запрятал, чтобы не ныли и не рыдали? Ага... вот он куда остатки «группоподъемника» девал...

Однако выход задерживается – мне приходится умываться и даже скоблить свою щетину. Мирна с Лексли спелись и сообща насаждают на меня.

– Лорд должен выглядеть красиво!

И не поспоришь ведь – не поймут...

Лязгает запор двери.

В комнату падает солнечный луч.

Опережая меня, на улицу выскакивают Коты с арбалетами в руках. Рассредоточиваются вокруг и внимательно оглядывают окрестные крыши. Лексли машет рукой – можно выходить.

На этот раз я без плаща – он украшает плечи моей сероглазки. Как ни возмущался старший Кот, а я на этом настоял. Популярного разъяснения возможных последствий ее не то что смерти – даже и ранения ему оказалось вполне достаточно.

Вот и подпирает Мирну по бокам парочка небритых и оттого особенно неприязненно выглядящих Котов.

Ну вот, пришла и моя очередь.

Щурясь от яркого солнца, делаю несколько шагов вперед.

Слитный лязг железа!

Обе шеренги солдат плавным движением опускаются на одно колено. Лязгнув металлом, ложатся на землю их щиты. Еще один лязг – поверх щитов опускаются копья. Дрогнув, склоняются блестящие шлемы.

Поднимаю голову и вижу, как следом за ними опускаются на колени и горожане. Их много, заполнена вся площадь и выходящие на нее переулки. И только посередине оставлена узкая полоска, по которой и следует наш маленький отряд.

«Если не знаешь что делать – делай шаг вперед!» Эта старинная самурайская мудрость и сегодня подсказывает мне правильное решение. Впереди, метрах в ста, нам навстречу движется процессия.

И кого ж нам бог нынче послал?

Да уж... не поспешился...

Епископ Эрлих, собственной персоной. Глаза красные – мало спал? Торопился? Местный поп – опять забыл, как его зовут. Городской голова – бледный, но видно, как его распирает от удовольствия. Ничего сказать не могу – заслужил мужик свою долю славы! Да и попу спасибо сказать надобно... Какие-то военные, надо полагать, командиры солдат? Прочих не знаю, но, наверное, и они чем-то знамениты и значимы.

Глава 7

Когда до нас остается метров десять, встречная процессия останавливается. По знаку Эрлиха и они тоже опускаются на колени.

Так, а вот борзеть все-таки не нужно! Почести – оно, конечно, приятно, но пора и честь знать! Так тут, поди, только короля встречают? А я – не король, даже и не граф. Такими темпами я себе враз нехилый напруг в отношениях с верховной властью заработать могу. Ни к чему мне такой геморрой...

Прежде чем хоть кто-нибудь успеваешь вымолвить словечко, я подхожу к епископу и решительно поднимаю его с колен.

– Не пристало вам, святой отец, преклонять колени перед смертным! Да еще и не самым достойным этого!

Он неожиданно крепко меня обнимает.

– Сын мой, ты просто сам не представляешь, что ты сделал!

– Остался в живых – всего-то и делов!

А вот тут уже не выдерживает толпа... Оружие счастливые морды, охапки цветов. Женщины, несущие на руках мою сероглазку... девушки, обнимающие небритых Котов... Все завертелось в каком-то калейдоскопе...

Прихожу в себя только на крыльце городской управы. Все уже более-менее организовано, весь городской ареопаг стоит за моей спиной, солдаты отгородили небольшое пространство перед крыльцом, оттеснив оттуда восторженную толпу. Гул и выкрики постепенно стихают. Сотни глаз смотрят на меня.

Так... что-то я должен сказать. Назначить виновных и наказать? Нет, не то и не сейчас. Наказание невиновных и награждение непричастных еще будет, но уж, как я надеюсь, без моего участия.

А вот одну вещь сделать надобно...

– Пусть выйдут сюда родители и близкие Оны!

Возня и движение в толпе.

И вот передо мною стоят несколько человек.

Зрелый поседевший дядька – отец, надо полагать. В его плечо вцепилась немолодая женщина, по-видимому, мать. Здоровенный мрачный парень и молоденькая девчонка, чем-то похожая на Ону. Ага, это брат с сестрой.

– Подойдите ко мне!

Они подходят, преклоняют колени.

– Встаньте. Как твое имя? – спрашиваю у отца. – Чем ты занимаешься?

– Логен, милорд. Раньше был кузнецом, но после болезни уже не могу держать молот. Помогаю в лавке почтенному Граю.

Стало быть, купцу пособляет. Не густо. Вон и одежда у них чиненая, я даже отсюда это вижу. Но одеты они аккуратно, видно, что стараются марку держать. А нелегко это им дается.

Вон у жены глаза красные да руки в морщинах, вероятно, от стирки? Глаза – понятно, от слез. Она не вышла вместе с нами, стало быть, ее нет в живых.

– А твой сын? Что делает он?

– Работает подмастерьем в кузнице. Он еще молод, милорд, и не скоро станет мастером.

– А станет?

– Постараюсь, милорд! – неожиданным басом говорит парень. – Отцу надо помогать!

Так, правильная семейка. Отчего выбор пал на их дочь – бог весть. Но для них это было подарком судьбы. Было...

– Подойди сюда, Логен.

Нерешительно комкая в руках шляпу, он поднимается на крыльцо.

– Я должен сказать тебе спасибо! За твою дочь – за Ону! Ты воспитал храбрую и сильную девушку!

Поднимаю голову и выступаю вперед.

– Мы все! Весь город обязан склонить голову перед памятью этой отважной девушке и перед ее родителями! Благодаря ей не произошло страшного – не вырвался на волю Шерн!

Подробно разяснять этого я сейчас не стану. Не время и не место. А вот власть лорда проявить нужно.

– Ты более не работаешь в лавке у почтенного Грая! С завтрашнего дня ты и твоя семья переезжаете в мой замок.

Он растерян.

– Но... милорд, что мы там будем делать?

– Ну, раз уж ты справлялся с кузницей и в купеческой лавке... с замком справишься?

Толпа ахает. Ни хрена себе подарочек!

– Будешь моим управляющим, тем более что старого пришлось экстренно уволить. Твоим детям тоже найдется чем там заняться. Согласен?

Мужик обалдело кивает.

– Если у тебя и твоей семьи есть какие-то долги... – обвожу внимательным взглядом толпу. – То пусть подойдут ко мне те, кому ты должен. Надеюсь, что моих денег хватит, чтобы с ними расплатиться...

Я действительно на это надеюсь. Вот только до ближайшего отделения банка святого Вайта добраться будет надо. Ибо наличности у меня не так уж и до фига.

– Ты сам и все твои потомки до седьмого колена более не будете платить никаких налогов! Никому! Ни лорду, ни городу!

Судя по воодушевлению толпы, подарок весьма основательный. Ну и правильно! Не люблю я налоговиков, хоть тут, да воткну им шпильку.

Поворачиваюсь к городскому голове.

– Пусть выкатят на площадь бочки с вином и пивом! Накроют столы! Всем жителям города – три дня гулять!

Не из моего же кармана...

А народу-то как подфартило, вон воодушевление выше крыши бьет.

Ну, на этой мажорной ноте можно и завершить явление лорда народу. У него, то есть у народа, теперь и поинтереснее дела найдутся...

Глава 8

– Присаживайтесь, товарищи родные!

Присутствующие удивленно на меня вытаращились. Подобного обращения со стороны лорда никто из них до сих пор явно не слыхивал.

Я осмотрел комнату. Помимо епископа здесь присутствовал еще один незнакомый мне товарищ из его ведомства. Дядечка этот был уже в весьма преклонном возрасте и, судя по его хитрой морде, явно проходил по разряду специалистов, о чьей деятельности широко не сообщается. Естественно, присутствовал тут и Лексли, олицетворявший собою персону командира Котов. Словом, компания подобралась серьезная и авторитетная.

– Ваше преосвященство! Может быть, вы сообразоволяете представить мне своего коллегу? Судя по некоторым моментам, ему явно не впервой заниматься решением подобных вопросов.

Епископ смущенно кашлянул.

– Прошу меня простить, сын мой, я действительно несколько упустил из виду этот момент. Отец Варшани является признанным специалистом в вопросах борьбы...

«...с терроризмом!» – мысленно продолжил я фразу епископа.

– ...с отравителями и последствиями их деяний. Он также крупнейший на данный момент специалист по истории применения Шерна. Я надеюсь, что его познания с учетом имеющейся у нас на сегодняшний день информации позволят хоть немного развеять завесу тайны над этим прискорбным случаем.

Киваю в ответ. Чего-то в этом роде я и ожидал. Не может же быть так, чтобы самая

информированная в этом мире структура не располагала сведениями обо всех случаях применения подобной гадости. Можно было, конечно, постучаться и к королю. И наверняка он не отказался бы поделиться имеющимися у него сведениями. Возможно, что это и принесло бы какую-то пользу. Только вот, хорошо представляя себе масштабы королевской бюрократии, я не строил никаких иллюзий в этом плане. Одно ожидание ответа из королевской канцелярии могло бы занять столько времени, что все причастные к делу давным-давно растворились бы в неизвестности. А церковь здесь умеет работать быстро, я уже на собственном опыте успел понять, насколько вдумчиво и эффективно они подходят к серьезным вопросам. Да и смутно мне верилось в то, что королевские чиновники проявят в подобном деле не то чтобы небывалый энтузиазм, а хотя бы элементарную расторопность. Как ни крути, а для короля я остаюсь потенциальной угрозой. Церковь же на сегодняшний день являлась моим неофициальным союзником. Никаких договоренностей мы друг с другом не заключали, верительными грамотами не обменивались, но взаимопонимание и без этого было достаточно хорошим.

— Итак, господа, на сегодняшний день мы имеем следующее. — Я поставил на стол флакон из толстого, чуть мутноватого прозрачного стекла. На дне флакона сиротливо перекачивался бронзовый шипастый шарик. — Отравление происходит после того, как жертва уколется об эти шипы. Скорость заражения в данном случае менее минуты. Отравленный человек практически сразу становится агрессивным и пытается напасть на окружающих. Яд передается через кровь или через глаза, рот, нос и тому подобные естественные отверстия. При попадании на кожу отравления не происходит. Во всяком случае, до тех пор, пока кожа цела. Возможно, яд и подействует спустя некоторое время, но, как вы понимаете, у меня не было ни желания, ни возможности это проверять. Смыть яд с кожи возможно, используя ткань, пропитанную очень крепким вином.

— Насколько крепким? — вопросительно поднял бровь отец Варшани.

— Примерно настолько, — ставлю на стол бутылку с самогоном. Варшани открывает пробку и ничтоже сумняшеся хлебает прямо из горла.

Эк! Силен мужик...

На секунду в комнате наступила тишина. Все с интересом наблюдали за экспериментатором. Один только Кот прятал ехидную ухмылку в усы.

Глаза у священника медленно вылезли на лоб, который тут же покраснел. Однако никакой другой реакции не последовало. Прошло еще несколько секунд, и он наконец выдохнул. Достая из кармана кусок хлеба и протягиваю ему.

— Понюхайте, святой отец. А потом — съешьте его.

Варшани следует моим указаниям, и его лицо понемногу приобретает нормальный цвет.

— Однако же, милорд... О таких вещах надо предупреждать.

— Ну, я же не предполагал, что вы сразу приступите к испытаниям! — развожу руками.

— Да, таким вином действительно можно убить любую отраву.

— Не только отраву. Этой жидкостью можно протирать раны, дабы они не воспалились.

— И где же брать такое вино?

— Это к Мирне. У нее есть аппарат, который позволяет получать такую жидкость. Для этого используется хлеб, хотя можно в исключительных случаях брать свеклу, мед и другие продукты. Просто из хлеба получается наиболее чистый напиток. Хочу сразу вас предостеречь от попыток пробовать его таким образом, как вы это сделали сейчас. Здоровья точно не прибавится, а обжечь себе рот вы можете очень даже запросто.

Епископ удовлетворенно кивает.

— Как убрать яд с тела, мы теперь знаем. Знаем также и то, что при простом соприкосновении с отравленным другой человек не пострадает. Естественно, если он не будет при этом укушен или оцарапан. Понятно, как яд попадает в тело человека. Это, несомненно, будет нам всем полезно. Но, как я понял, у вас, милорд, есть еще что-то?

— Да, ваше преосвященство. У нас есть отравитель. Вернее, его тело. Это слуга,

который шесть лет прослужил в доме у покойного графа.

Присутствующие слегка оживились.

– В его комнате удалось найти два тайника. Один из них был обыкновенной ловушкой, рассчитанной на не слишком опытного человека. Зато во втором мы нашли вот это, – ставлю на стол серебряное яйцо. – Этот предмет лежал в тайнике очень давно. Слуга, когда ложился спать, по привычке трогал рукой тайник. И в итоге отполировал дерево так, как это не смог бы сделать никакой мастер. Прodelать это рукою за месяц или даже за год совершенно невозможно. Я не думаю, что он стал отравителем вчера или позавчера. Скорее всего, я давно ждал своего часа. Был ли его целью бывший граф или я – сейчас это трудно выяснить.

– То есть слуга хранил у себя в комнате дозу яда, способного отправить в мир иной целый город? – задумчиво проговорил епископ. – Я уж не говорю о том, что обыкновенному слуге это просто не по карману. Но насколько же извратился его ум, чтобы несколько лет носить за пазухой смерть для окружающих!

– Добавьте к этому, ваше преосвященство, и его незаурядную силу воли. Подбросив ко мне в постель яд, он не покинул здание, хотя свободно мог это сделать. Он лично убедился в том, что его удар достиг цели.

– Но он же не отравил вас, – поднимает голову отец Варшани.

– Он не мог знать, каким именно образом происходит заражение всех остальных. С его точки зрения, произошедшего на его глазах было вполне достаточно для того, чтобы посчитать задание выполненным. Подложив ко мне Шерн, он сам принял яд. Вероятнее всего, он не собирался покидать дом, но при этом не хотел умереть настолько мучительной смертью.

– В таком случае, – Варшани побарабанил по столу пальцами, – его поведение имело какую-то цель. Если он не покинул дом и остался, чтобы проконтролировать успех своей миссии, то это делалось не из праздного любопытства. Он должен был кому-то сообщить результаты того, что увидел.

– Или повторить удар.

– Каким образом?

– А вот каким! – Осторожно развинчиваю яйцо на две половинки. В углублении лежит перстень. Он тоже бронзовый. Достаю из ножен рунный клинок и подношу его к перстню. Едва коснувшись его, кончик клинка чернеет, и мы все слышим низкое гудение.

Чуть побледнев, епископ откидывается на спинку стула.

– Впечатляет... – облизывает он кончиком языка пересохшие губы.

Отец Варшани уважительно кивает.

– Да... признаться, я первый раз вижу такой интересный способ распознавания ядов... да и Рунный клинок в действии мне вот так близко видеть раньше не доводилось. На лезвии не остается яда?

– М-м-м... не проверял. А как?

– Действительно...

– Я протираю его после тканью, смоченной в... в вине. Хотя, если подумать, то клинок, скорее всего, просто не терпит около себя ничего, что способно причинить смерть иначе, чем он это делает сам. И не принимает на себя ничего постороннего. Во всяком случае, пролитая им кровь исчезает почти мгновенно. Он словно выпивает ее... или уничтожает.

– Даже так? Вы его прямо живым считаете...

– А вы?

– Не знаю. В нашем распоряжении не осталось ни одного такого клинка.

– То есть? Насколько я в курсе дела, здесь уже было достаточно... Серых. Неужто их оружие куда-то исчезает с их... уходом?

– Все оставшиеся нам после таких случаев клинки – это обычные клинки. Не хуже и не лучше других. Остается только узор, все прочие качества пропадают со смертью владельца.

– Вот как? Не знал... А что еще известно о них?

– Клинок неразрывно связан со своим хозяином. Известны попытки его украсть. Некоторые даже были удачными.

– И как?

– Он всегда возвращается к законному владельцу. Самыми разными способами. Но при этом вор и тот, кто последний им владел, погибают.

– От клинка?

– Необязательно. Но с железной вероятностью.

– Весело...

– Любое ранение этим клинком – смертельно. Человек умирает за несколько секунд.

Киваю – это я уже видел. Впечатлило донельзя.

– А на меня он действует так же?

– Нет. Для вас он не опаснее любого другого меча.

– То есть я могу им бриться при желании?

– Можете. Хотя с трудом представляю себе этот процесс.

Я, честно говоря, – тоже. О чем и сообщаю собеседнику. Тот понимающе кивает.

– Никакие доспехи или щиты от Рунного клинка не защитят. Им можно нарезать в лапшу металлическую колонну. Трудно, но выполнимо.

– Учту. Хотя, откровенно говоря, не представляю себе необходимости в таком странном деянии.

– Клинок также защищает своего владельца.

– Каким образом?

– Неизвестно. Но об этом все говорят. В смысле – все Серые.

– А как именно?

– Да хоть бы и так, – указывает на яйцо с перстнем хитропоп. – Разве этого мало?

Вынужден признать его правоту. Действительно – подарок немаленький!

– Кстати... – приподнимается он с места. – Минуточку...

Проворно, несмотря на свои габариты и возраст, подходит к камину и зачерпывает из него горсть золы.

– А подставьте-ка клинок...

Подойдя к нему, поворачиваю Рунный клинок плашмя и наклоняю над топкой.

Варшани высыпает на него золу.

Клинок по-прежнему поблескивает своим узором.

– Ну да, – кивает хитропоп, – мы тоже ни разу не смогли его запачкать. Даже краска на них не задерживается. Надо полагать, и яд как-то... даже не знаю, какое слово подобрать...

– Нейтрализуется?

– Как?

Поясняю ему смысл сказанного слова. Он согласно кивает.

– Да, так тоже можно сказать.

Мы снова возвращаемся к столу, и разговор продолжается.

Итогом длительной, почти пятичасовой, беседы стало следующее.

Имеет место заговор.

Не сиюминутный, направленный на свержение короля или убийство кого-либо из его приближенных. Если бы это было так, то многоопытные Коты или многомудрые церковники уж точно да углядели бы какой-то хвостик, торчащий из-за кулис. Сам характер глубокого внедрения слуги, располагавшего при этом фантастически дорогой отравой, указывал на то, что его хозяева никуда не спешат. Во всяком случае – не спешили раньше. Не исключено, что такие же неприметные товарищи, каковым являлся покойный постельничий, ждут своего часа еще где-то. Денег же на такие дорогостоящие операции неведомые злодеюки явно не жалели.

Заговорщики действуют умно, с многократной подстраховкой каждого шага. Оказывается, постельничий был первым и единственным человеком, который был уличен в

применении Шерна. До сих пор установить виновников этого никому не удавалось.

У нас есть теперь индикатор ядов – Рунный клинок. Правда, все неудобство этого метода заключается в том, что его нельзя тиражировать. И в отрыве от меня (есть такое подозрение) он работать не будет. Во всяком случае, отец Варшани берется проверить все имеющиеся у него клинки на их реакцию с ядами.

У нас есть теперь не только образцы яда, но способ борьбы с заражениями и отравлениями. Эрлих сразу объявил производство спирта церковной монополией. После моего активного возражения он вынужден был сделать оговорку, что и целители могут его применять для лечения. Но не производить! Тут он встал непоколебимым столпом. Собственно говоря, никто и не возражал. Войти в историю страны как лицо, проложившее путь к повальной алкоголизации населения, я отнюдь не рвался. Да и была у меня одна хитрая задумка... Раз церковь монополизировала производство и потребление спирта, то волей-неволей ей придется сотрудничать с коллегами Мирны. Снабжать-то они их теперь обязаны? Глядишь, и сделают шаги к их официальному признанию...

Напоследок беседа коснулась солдат, вернее их необычайно быстрого появления. И вот здесь уже я уперся рогом, отговаривая собеседников от немедленного дыбоподнятия офицеров, кои вывели солдат на площадь.

– Да поймите вы! – в который раз убеждаю собравшихся. – Не может же быть причастно к заговору в с е командование этих частей! Стрелки – те точно были. И где они сейчас?

Присутствующие, исключая невозмутимого Кота, угрюмо молчат.

– Вот их-то на дыбу можно было бы подтянуть! Со всем основанием! Благо – законный повод имелся! А уж что он там, в процессе допроса, выболтал бы... дело уже совсем другое.

– Так что же делать? Отпустить предателей? – спрашивает епископ.

– А кого они предали, ваше преосвященство? Меня? А кто я для них? Данный полк подчиняется наместнику – а его еще нет! Город и его жителей? Где погибшие и разрушения? Быстро ввели войска в город? Показали хорошую выучку и умение оперативно решать сложные вопросы.

– Может быть, их еще и наградить за это?

– А что? Мысль! Можете ли вы, своей властью, выпустить какой-нибудь памятный знак или медаль в честь этого события?

– Могу. Только для чего?

– А даровать его обладателю какие-то привилегии по церковной линии? Ну, нечто типа льготного кредитования в банке святого Вайта?

Попы переглядываются.

– Ну... это тоже можно сделать. И что это даст?

Ага... контакты банкиров с церковью куда как более тесные, чем это кажется на первый взгляд. Как это было у Бабея?

«Иногда трудно понять, где кончается Беня и где начинается тайная полиция...»

Да у вас тут прямо симбиоз какой-то!

– А вот что... Право стать клиентом ордена еще надо заслужить, ведь так? И далеко не у каждого желающего стать таковым такая возможность появляется. Да и первое время тоже хватает различных ограничений и условностей.

– Все так! – кивает епископ. – Но отменить эти правила мы не можем. Они освящены обычаем и... это будет трудно сделать.

Скорее неохота. Ибо денежка от этого в орденскую казну капает исправно.

– Не надо ничего отменять. Просто в ознаменование счастливого избавления от страшной угрозы, которое к тому же случилось впервые в истории...

Отец Варшани согласно кивает.

– ...церковь выпускает памятный знак, коим награждает всех, кто принял в этом посильное участие. Против этого возражений нет?

Заодно и кое-кого из городских властей наградим. Вот и будет им почет и уважение. А для меня это никакими затратами не пахнет...

Попы согласны. Данная идея находит у них горячую поддержку.

– А поскольку орден святого Вайта не вправе выпускать таких знаков отличия и награждать ими кого бы то ни было...

Судя по скепсису на лицах моих оппонентов, иные награды данного ордена существенно перевешивали все знаки отличия, жалуемые от имени верховной власти...

– ...но тоже хотел бы со своей стороны как-то отметить столь выдающийся подвиг, то он предоставляет право льготного членства всем награжденным. Им не требуется поручитель для открытия вклада, и нет ограничений по первому взносу.

Эта часть моего заявления воспринимается абсолютно спокойно. Интересно, а каков процент прибыли у средневековых банкиров? И это я еще не все про них знаю!

– Помимо этого, лица, отмеченные этим знаком, могут и сами выступать поручителями для иных лиц. В этом случае они могут быть единственными поручителями, второго не требуется.

– Ну, хорошо, – кивает епископ. – Допустим, орден святого Вайта на это пойдет. Памятный знак мы выпустим. Кого-нибудь им наградим. Широко об этом оповестим. А дальше-то что? Зачем все это нужно?

Так...

В плане оперативной работы этот мир – просто поле непаханое!

Терпеливо объясняю свои задумки. Кое-что приходится растолковывать дважды.

– Мы не знаем, кто именно из военачальников связан с заговорщиками и насколько тесной эта связь является. Никто из них, судя по вашим словам, не относится к шибко знатным и богатым людям. Стало быть, обеспечить их верность кому-либо можно несколькими путями.

Ставлю на стол бутылку.

– Вот перед вами командир. Полка или сотни – сейчас не так важно. Я хочу, чтобы он был верен лично мне, но афишировать эту верность не имею желания. Каким путем я могу все это обеспечить? Путь первый – золото, – кладу рядом с бутылкой монетку. – Это значит – что я его купил. Но наличие у него внезапно появившихся богатств... обязательно вызовет подозрение окружающих сослуживцев. И ценному агенту, – кладу бутылку набок, – конец!

Обвожу взглядом собеседников. Первая в этом мире лекция по основам вербовки и оперативно-розыскной деятельности имеет несомненный успех. Попы в свое время просто не обратились к тем, кто может в этом хоть что-то понимать, но ведь такие люди тут есть! А вот заговорщики такими кадрами располагают – зуб даю! Вот и опережают нас. Насколько? А хрен его знает...

– Второй путь – дать денег его родственникам или жене, буде таковая имеется. Также не слишком удобно, ибо главной фигурой, в случае чего, все-таки будет именно командир. Как более серьезный персонаж.

Кот одобрительно кивает. Ему, судя по всему, такое положение вещей вполне понятно.

– А вот если в одном отделении ордена святого Вайта положить деньги и снять в другом... то вопрос легализации суммы проходит уже легче, ибо ее источник уже более-менее объясним. Всегда можно сказать, что взял деньги взаймы у ордена – и в это поверят, – мои слова вызывают одобрительный жест епископа. – А вот как я их буду отдавать – уже никому не интересно.

– Что такое легализация? – тут же влезает Варшани.

В течение часа объясняю собравшимся всевозможные способы сокрытия доходов, их последующей легализации и все плюсы и минусы данных фокусов. А также и то, какую выгоду из всего этого можем получить уже мы.

– Скорее всего, после неудавшегося нападения заговорщики постараются замести следы. Кого-то, несомненно, убьют. Кто-то просто пропадет неведомо куда. Пусть – мы все равно их не знаем и помешать этому не сможем. Но на заметку возьмем... А вот более

ценных людей они, скорее всего, попробуют куда-то спрятать. В другой гарнизон переведут, ведь тут такое может быть?

– Может, – говорит Лексли. – Командиров частей часто переводят в другие места. Если это коронные части. Да и сами части частенько меняют свою дислокацию.

Ну, вот уж про солдат-то я и так знаю.

– А в нашем случае – откуда эти солдаты? – вопросительно смотрю на епископа.

– Это как раз – коронные солдаты. Они прибыли сюда совсем недавно. Официальное задание – расчистка лесов от разбойников.

– Ну, так вот... – обвожу взглядом всех собравшихся. – Проследить за каждым переведенным мы не можем. Но этого и не требуется. Он сам придет в ближайшее отделение ордена святого Вайта. И мы очень скоро будем знать о том, где он появился и какими денежными суммами располагает. Соответственно, и выясним, где у него концы с концами не сойдутся. Да и круг его знакомых сможем быстро выяснить – он ведь и их в отделение ордена притащит следом за собой... Не воспользоваться такой возможностью – совсем лопухом быть нужно!

– Есть еще и третий путь, – приподнимает палец Лексли.

– Какой же?

– Его можно просто запугать...

Итогом наших разговоров явился визит представителя местного отделения ордена святого Вайта. Невзрачный серенький человечек буквально высушил мне мозг, в течение почти целого дня выясняя все известные мне способы банковских и финансовых махинаций. В некоторых местах он только что не дремал, из чего я сделал вывод о том, что здешние банкиры тоже не лыком шиты. И много чего успели понять и обдумать задолго до моего появления здесь. Так что особенных новостей я ему не сообщил. Но вот иногда человечек внезапно оживал и просил меня повторить свои слова еще разок... Причем все это он записывал самым тщательным образом.

Стало быть, прогресс в нашем обществе все же имел место быть, раз уж мы смогли придумать хоть что-то новое в высокосложном деле экономического жульничества...

Удовлетворив свое любопытство, визитер откланялся и собрался удалиться, но тут спохватился уже я:

– Милейший Оген, а каким образом я могу получить у вас то, что мне принадлежит?

Человечек поднимает голову.

– А о чем, собственно говоря, вы ведете речь, милорд?

– То есть? Но... у меня же были вклады в вашем ордене?!

– Были. И сейчас есть.

– Тогда я не очень понимаю ваш вопрос.

Оген вздыхает. На его лице написано буквально следующее: «Как же тяжело разговаривать с дилетантами!»

Он поудобнее устраивается на стуле.

– У вас, милорд, был вклад, который вы внесли совсем недавно. В качестве начальника охраны купеческого каравана.

– Так!

– Есть еще вклад, который был внесен вашим предшественником.

У меня только что не отвисла нижняя челюсть. Это он о ком говорит?

– Бывшим лордом этих земель – графом Дареном, – поясняет он, видя мое замешательство.

Уже веселее, значит, у меня есть малость побольше, чем полсотни золотых!

– И сколько там лежит денег?

– Ну... – смущается Оген, – совершенно точно я вам сказать не могу... надо посмотреть документы...

– Ну, плюс-минус лапоть?

Человечек изумленно на меня смотрит. Опять я бухнул что-то, в этом мире совершенно

неизвестное! Вздыхнув, поясняю ему данное выражение. Покивав, он называет мне сумму и с плохо скрытым злорадством наблюдает за выражением моего лица.

Ну ни ху... однако... чем тут граф занимался, хотел бы я знать? Травку в промышленных масштабах выращивал? Как там, в анекдоте, говорится? «Конопля – это дерево, только ему не дают вырасти». Надо полагать, граф в этом деле отличался завидным терпением и вырастил-таки... что?

– Это все ваши новости?

– Нет. Есть еще один вклад.

– А его я когда внес?

– Сто пятьдесят три года назад.

Когда это я стал долгожителем? Вот уж не предполагал, что это достижение сопровождается столь масштабным склерозом!

– Его положили не вы. Но вы являетесь его получателем.

– Что-то я вас не очень хорошо понимаю... Не я? А кто? И что это за вклад?

– Он сделан Серым рыцарем. Характер вклада нам неизвестен – это небольшой деревянный ящик.

– А с чего тогда вы решили, что я – именно тот, кому он предназначен?

– Там есть сопроводительное письмо. Оно не запечатано, и мы знакомы с его содержанием. Так вот в нем дословно написано так: «Тот Серый рыцарь, который выйдет живым из дома смерти и спросит о том, что ему принадлежит, – должен забрать этот ящик».

– И вы полагаете, что речь идет обо мне? – задумчиво чешу я в затылке.

– У вас есть иное объяснение произошедшим событиям и вашим собственным словам?

Объяснений у меня не было. Пожав плечами, Оген приглашает меня прибыть к нему в контору в любое удобное для меня время, после чего откланивается.

А я остаюсь сидеть в тягостных размышлениях.

Глава 9

– Не дрыгайся! – Твердый кулачок Мирны больно пихнул меня под ребро.

Возмущенно дергаю ногой, за что тут же вознаграждаюсь очередным толчком в бок.

Проводился очередной сеанс «утреннего осмотра», как я прозвал эти процедуры. С недавних пор она каждые три дня меня внимательно оглядывает. Щупает сильными тонкими пальцами, приподнимает веки и простукивает костяшками пальцев грудь. В процессе этого я постоянно пытаюсь ей помешать всеми доступными способами. Иногда это получается, и осмотр затягивается весьма надолго. Иногда – нет. Вот и сегодня явно не мой день. Сероглазка настроена весьма решительно и безжалостно пресекает все попытки заняться чем-нибудь, с моей точки зрения, более приятным и полезным.

Наконец она заканчивает свой привычный ритуал. Но, против обыкновения, остается сидеть около меня, не делая никаких попыток подняться. Только машинально хлопает меня по шаловливым ручонкам.

– Что такое ты обнаружила? У меня начал расти хвост? Или рога?

– Нет. С этим бы я как-нибудь смирилась бы.... Живут же некоторые с горбунами и кривоногими? Чем ты был бы хуже в данном случае? Думаю, что если у тебя действительно выросли бы рога, то после всего того, что уже успело здесь с нами произойти, епископ и этому бы нашел какое-то оправдание.

– Ну, раз все так неплохо – отчего такое похоронное настроение?

– Не знаю... Ты в зеркало давно смотрелся?

– Вчера утром – когда брился.

Тоже, кстати говоря, проблема. Бритвы у меня тут нет, а местные изделия просто приводят в оторопь. Выбриться начисто такой шпуквиной все-таки можно. Раза, эдак, с

третьего. Понятно, отчего в это время почти все ходили бородатыми. Попробуй, выдержи ежеутренне такое издевательство! До пупа бороду отпустишь.

Вот и я отрастил «дипломатическую» бородку (точнее – длинную, кое-как облагороженную щетину), которую все же приходилось время от времени подравнивать. Оттого и собственную физиономию в зеркале видывал нечасто.

– И что ты там увидел? – спрашивает Мирна.

– Тоскующую по тебе морду!

– А кроме морды?

– Усы, лапы и хвост!

– А серьезно? – не поддерживает меня сероглазка.

– Да... ничего особенного... все как всегда...

– Идем!

И она шлепает босыми ножками в соседнюю комнату.

Подхватываю ее на руки.

– Тут же каменный пол! Простудишься!

– Не дождешься! – Выворачивается она, но тапочки все же надевает.

Вот и зеркало. Делают их тут неплохо, популярностью они пользуются немаленькой, и я уже не удивляюсь, увидев на улице молодую девушку с зеркальцем в руке.

Рассматриваю свое отражение.

Рогов действительно нет. Хвоста... пока не нахожу.

– И что я должен еще разглядеть?

Тонкие пальчики нерешительно коснулись темного пятна слева на моей груди.

– И что? Это еще после того ранения было!

– Разве? – Она достает откуда-то листок бумаги. – Я еще тогда обратила внимание и зарисовала пятно – уж больно странная форма у него была. Вот – посмотри!

– Ну... – верчу листок в разные стороны. – Пятно... И что?

– А ты сравни с этим... ну, что у тебя сейчас с ним стало?

Разглядываю рисунок и пытаюсь честно понять – что тут необычного? Ну, стало пятно больше... и что?

– На что оно похоже?

– Черт его знает... похоже, что... да, нет! Чушь...

Вместо ответа она выбегает из комнаты. Щелкает крышка сундука.

Опять ждать?

Недолго... Мирна возвращается и осторожно поднимает руку – в ней зажаты ножны с Рунным клинком.

Прикладывает его к моей груди.

– Видишь?

Очертания пятна с большой точностью повторяют форму рукояти Рунного клинка...

Проскрипев громадными петлями, тяжелые полотнища ворот медленно закрываются за нашими спинами.

Все!

Наконец-то мы дома!

Я уже не заметил, когда стал называть это величавое строение своим домом. Но... как-то вот прижилось...

Спрыгиваю с коня и помогаю Мирне выйти из ее возка. Она смущенно улыбается и благодарит меня взмахом своих роскошных ресниц. Лопни мои глаза, но она с каждым днем становится все более привлекательной! И где были все окружающие мужики раньше? Не заметить такую красавицу? Это надо совсем слепым быть! Хотя... нет уж, на фиг – неча было совлом торговать! Теперь – она моя, и я никому не собираюсь ее уступать. Да, откровенно говоря, что-то смутно представляется мне настолько отмороженный индивид, чтобы рискнуть отбить девушку у меня! Особенно в моем нынешнем статусе.

Догоняю сероглазку и высказываю ей на ухо свои мысли по этому поводу. Она еще больше смущается и спешит исчезнуть от меня во внутренних переходах замка. С удовольствием за ней бы и последовал, но... во дворе меня уже ждут.

– Здорово, Логен! Как тебе это хозяйство? Бардака много? – спрашиваю нового управляющего.

Он смущенно кланяется мне.

– Большое хозяйство, милорд! И порядком подзапущенное, смею вам сказать! С вашего позволения, милорд, я отправил навести порядок своих детей и жену, но только вот как скоро они сумеют это сделать... – виновато разводит руками Логен. – Замок ведь – не обычный дом...

– Обожди, так ты их втроем отправил замок убирать?

– Да, милорд.

– Логен, даже если у каждого из них вырастет еще одна пара рук, то и тогда они управятся разве что за месяц! У тебя что же, больше некого послать?

– Кого, милорд? Кроме солдат вашей милости, в замке больше никаких людей нет!

– Так! Это я лопух! Не учел...

Подхожу к коню и расстегиваю переметную суму. Наугад вытаскиваю оттуда увесистый мешочек. Прихватываю и еще один, поменьше. В нем серебро.

– Держи! Тут медь – полный мешок монет. Вот в этом мешочке – серебро. Надеюсь, этого хватит, чтобы нанять всех, кто нужен для обслуживания этого дома?

Управляющий открывает и закрывает рот, словно рыба на песке. Он просто потрясен. Надо полагать, за всю свою жизнь он такой суммы зараз в руках не держал.

– Э-э-э... да, милорд, этого более чем достаточно.

– Будет нужно еще – подходи! На сколько хватит данного мешка?

Он прикидывает на руке его вес.

– Ну... на год... хотя я не знаю, сколько вы будете платить повару – он обычно получает больше.

Похоже, что я опять лопухнулся... Черт, ну откуда же мне знать, сколько тут получает прислуга? И получает ли вообще? Повар, судя по словам управляющего, деньгами не обижен. Платят ему больше остальных – стало быть, и у них есть какое-то жалованье. А вдруг их тут просто кормят и не мешают приворовывать? Так, стоп, меня опять куда-то не туда понесло. Тут, слава богу, не Москва конца двадцатого года, а вполне себе здоровое Средневековье. Попробовал бы я там вот эдак, не глядя, сунуть нашему директору ДЭЗа чемодан баксов... Как скоро бы он рассосался в пространстве? Думаю, что почти сразу же... и, что характерно – бесследно бы исчез, куда там графу Калиостро!

Покачиваю головой в раздумьях.

– Милорд?

– Да, Логен?

– Как скоро вы изволите ужинать?

А у нас теперь и ужин будет? Может, заодно и завтрак? Про обед, из суеверия, даже и не спрашиваю.

– Солдаты предупредили нас о вашем возвращении, вот жена и приготовила кое-что... на что у нас хватило денег... Не обессудьте, милорд... – и он снова виновато наклоняет голову.

– Логен! У тебя два мешка денег! Неужто на еду для нас не хватит?

Ну, положим, не мешка, а скорее всего – мешочка, но смысл от этого не сильно изменился. Это я, заехав на подворье ордена святого Вайта (местное гнездо финансовых воротил), попросил разменять несколько своих золотых монет на что-нибудь менее весомое и дорогостоящее, что было бы и не столь «жабодушительно», если нужда припрет и ими надо будет оплачивать чьи-то услуги. В итоге мешки получились очень даже внушительные,

ведь один золотой медными монетками весил куда как больше одной золотой монеты. Но не платить же каждому золотом или серебром? Нет, народ-то будет очень даже «за», но вот деньги у меня очень быстро могут и того...

Управляющий снова смущается.

– Милорд... но что я буду делать с таким количеством денег? Где я буду их хранить?

– А что – в замке нет такого места?

Вмешивается Лексли:

– Вообще-то тут есть соответствующие кладовые... кстати говоря, и с едой в том числе.

Так что на ужин можно было бы и не скупиться!

Логен снова комкает в руках свою шапку.

– Прошу меня простить, милорд, но я не решился беспокоить господ Котов по этому вопросу.

– А зря! – Лексли подзывает взмахом руки одного из своих ребят. – Торн! Покажи господину управляющему кладовые и погреба.

Повеселевший Логен и Торн уходят куда-то в сторону. Должно быть, вход в кладовые где-то там. Строго говоря, мне и самому бы не помешало осмотреть эту часть замка – в ней я еще не был. Да и кроме того...

– Лексли!

– Да, Сандр?

– Давно хотел у тебя спросить... скажи, а сколь велик гарнизон в таком замке?

– Полный или чисто для караульной службы?

– Э-э-э... а они сильно отличаются друг от друга?

– Для охраны замка хватит и ста человек. А вот для обороны... – он оглядывается вокруг, – под тысячу, не меньше.

– Ну, нападать на нас тут еще не скоро станут, а вот караулы нужны! Только где людей-то брать? Вы же не будете здесь сидеть постоянно?

– Старик распорядился, чтобы около тебя постоянно был десяток наших ребят. Они, естественно, будут друг друга сменять, это так. Но пока на эту тему не волнуйся. А вот с гарнизоном... это ты правильно спохватился. Пока что в замок никто и не полезет – слишком силен страх перед прежним хозяином. А уж тот, кто его убил – и вовсе ходячим кошмаром выглядит. Вернее – выглядел, пока мы не наведались в город. Не пообщайся ты накоротке с народом – все бы до сих пор обходили замок пятой дорогой. Но что есть – то есть. Солдат в гарнизон надо набирать, это ты прав.

– Займешься?

– Злодей! Мало мне других забот?

– В долгу не останусь! Мирну попрошу, пусть приготовит для вас кой-чего...

– Соблазнитель!

– Ага! Уже не злодей?

Кот смеется. Вообще, грешным делом, мне повезло. Встретить тут таких нормальных ребят – удача, и основательная. Что бы я без них сейчас делал?

Как ни странно, за время нашего отсутствия в замке уже откуда-то появились неотложные дела. В комнатах ожидали своего часа письма из королевской канцелярии, какие-то бумаги от глав различных городов. К моему изумлению, таковых в уделе оказалось аж пять штук, только относительно крупных. И еще несколько таких, которые совсем недавно перестали быть просто большими деревнями.

С письмами из канцелярии разбираюсь быстро. Адресованы они еще графу Дарену, так что после просмотра по диагонали отправляю их назад. Не удержавшись, делаю на них хулиганскую надпись: «Адресат выбыл».

Остается одно письмо. Плотный пакет из серой бумаги, такой же, как и все прочие. Только, в отличие от них, на нем нет никаких печатей. Вообще ничего, кроме короткой надписи: «В личные руки милорда». И все. Вообще-то, откровенно говоря, надо будет завести здесь секретаря. Пускай он и занимается подобными вопросами. Мне и у себя дома

писанины хватило – выше крыши! Одна только тетрадь ежедневного планирования служебной деятельности, введенная аж по приказу министра, выносила мозг не хуже бейсбольной биты. Нет, ну я понимаю, что и как может спланировать следователь. В принципе, представляю себе таковое действие у участкового, даже и у опера могу вообразить, но тут уж надо монополярно вывернуться. А вот скажите мне, как и каким образом может спланировать свою деятельность криминалист? Ну не писать же, в самом деле: «Выехать на три осмотра мест происшествия. Одно убийство и две квартирные кражи». Вот уж бредятина выйдет... Так ведь еще и на полном серьезе спросят за невыполнение! Обещал убийство? Будь любезен обеспечить! Но все мои вопросы к многомудрому руководству свелись к одному ответу: «Вы что хотите сказать – что м и н и с т р может быть не прав?! Идите и не умничайте!» Можно подумать, что у него голова вместе с должностью прилагается. Да-а-а... вот и пришлось сажать за такую писанину Мишку, благо, что язык у него был подвешен неплохо и подобную ерунду он мог легко тоннами выдавать. За что мы все его дружно водкой поили. Жаль, что его тут нет. Чует мое сердце, что таких вот писем мне придется получать еще немало. Надо будет ведь и в ответ что-то писать? На фиг! Лорд я – или кто? Найму секретаря, пускай этим делом и занимается.

Успокоив свои мятущиеся мысли, беру в руки конверт. Плотный и какой-то жесткий – чего это в нем?

Рунным клинком срезаю боковую часть и ставшим уже привычным движением провожу острием по внутренней части пакета. Вытащив клинок назад, осматриваю его. Он чист, значит, яда в послании нет. Еще разок повторим...

Вообще говоря, до сих пор не понимаю, как все это происходит. Никакая грязь, пыль или зола на клинке не задерживается – скатывается с него, как дождевые капли с зеркала. Только кровь исчезает, словно бы он в натуре ее выпивает. А каким образом тогда изменяется цвет? Ведь яд к клинку тоже не пристаёт? Мистика какая-то! Он его что, дистанционно чувствует? А ведь, похоже, что так! В последний-то раз я клинок чуть-чуть до шарика и не довел... Тем не менее реакция была та же. Словно почуяв мои мысли, рукоять клинка вздрагивает. Это еще что?! С бодуна? Так никто и не пил сегодня... да и вчера было-то самую малость!

Вытаскиваю клинок из конверта, осматриваю. Нет, цвет нигде не изменился – яда нет. И прочей дряни – тоже. Так отчего дрожит рукоять? Может, это просто руки у меня дрожат?

Ну... вполне может быть...

Ладно, с этим после разберусь.

Распарываю конверт.

Лист пергамента. Чистый, между прочим.

Еще один лист.

А вот между ними лежит уже бумажный листочек.

Интересно девки пляшут... это у меня паранойя или у отправителя? Зачем такие меры предосторожности? Опасался, что конверт на просвет посмотреть будут? Разве тут так поступают?

Ладно, читаем, что там параноик написал.

«Милорд!

Прошу простить меня за то, что осмеливаюсь отрывать вас от важных и неотложных дел. Но обстоятельства сложились так, что нам с вами необходимо безотлагательно встретиться. Предмет этой встречи, возможно, не так важен для вас, но имеет большое значение для окружающих. В том числе для лиц, которые вам близки и небезразличны. Уверяю вас, что дело обстоит более чем серьезно, и прошу вас внимательно отнестись к моим словам.

Разумеется, я отдаю себе отчет в том, кому пишу. Поэтому делаю это со всей ответственностью, осознавая ту степень риска, на который иду.

Если вы, взвесив мои слова, согласитесь на личную встречу, то прошу поднять на левой привратной башне зеленый флаг».

Глава 10

Ек, в смысле – все.

Н-н-да...

И как прикажете это понимать?

Нет, без местного спеца я эту загадку не разгадаю. Бросаю письмо на стол и иду искать старшего Кота.

Теплая компания отыскалась только через час.

Блин!

Можно было бы сообразить раньше...

Логер, Торн и примкнувший к ним чуть позднее Лексли увлеченно изучали винный подвал.

Однако!

Покойный граф, судя по габаритам помещения, не только выращиванием травы занимался. Не знаю, каков он был в смысле поесть, но вот в вине толк явно знал. И собрал его тут...

Оттаскиваю Лексли в сторону и излагаю ему текст письма.

Некоторое время Кот молчит.

Резким движением головы он забрасывает свои длинные волосы за плечо.

– Пошли, посмотрим на это послание.

Вернувшись в комнату, киваю ему на стол.

Он подходит, берет бумагу в руки и некоторое время молчит.

– Ну?

Вместо ответа Кот протягивает мне бумагу. Лист... равномерно серый, и никаких следов текста на нем нет.

Примерно через минуту ко мне возвращается дар речи:

– Однако... это что у вас тут за фокусы?

– У нас? Это твой замок!

– Э-э-э... но это не моя страна!

– Теперь – и твоя тоже.

– Уел. Но, может быть, ты все же пояснишь мне, что это происходит? Куда текст девался?

– А что, ты таких штук раньше не встречал?

Ну, положим, про исчезающие чернила я знаю. Хотя и не видел этого ни разу. Но вот чтобы сам лист чернел... или серел... нет, такого не только не видел, но даже и не слыхивал никогда.

Рассказываю это Лексли.

– Нет, – отрицательно мотает он головой, – про исчезающие чернила я ничего сказать не могу. А вот про такие письма... это было. Только вот сейчас и не вспомню, в связи с чем.

– Ну и хрен с ними, потом вспомнишь. А вот что с этим приглашением делать?

– Надо идти. – Кот, несмотря на изрядную дозу принятого вина, был совершенно серьезен и рассуждал вполне здраво. – Мало ли что захочет тебе сообщить этот человек. Только надо все внимательно обдумать – не оказалось бы это ловушкой.

– На кого?

– Но ведь письмо прислали не мне?

Здесь мне возразить нечего. Озадачив Лексли добыванием зеленого флага, отправляюсь искать Мирну. Как я уже успел убедиться, она тоже некоторым образом кладезь полезной информации.

Мои хождения не заняли много времени. Еще до моего отъезда в город она заняла обширные помещения в одной из башен. Кто тут трудился до нее и чем он здесь занимался,

так и осталось загадкой. Но вот для приготовления всяческих отваров и настоев место очень даже было подходящее. Сюда и таскали ей охапки самых разнообразных трав, сорванные цветы и еще какую-то хрень. А уж какие отсюда запахи иногда расползались... м-м-да!

Надо сказать, что все мои серьезные намерения испарились из головы одномоментно, стоило только увидеть, как она, грациозно изогнувшись, ставит тяжеленную бутылку на верхнюю полку. Зрелище это было, надо сказать, весьма соблазнительное.

Но все попытки хоть как-то помешать ей в тяжком деле бутылкотаскания, увы, обломились также очень быстро. Нет, таскать и двигать бутылки милостиво было разрешено. Но вот ничего большего мне так и не выгорело.

Надув щеки, словно хомяк, угрюмо усаживаюсь на лавку. Сероглазка продолжает греметь какими-то стекляшками, время от времени бросая в мою сторону мимолетные взгляды.

– Ну, что ты там надулся? Видишь же – я работаю! А для всего прочего... время еще есть.

– Ага... это тебе все просто, а меня постоянно дергают туда-сюда!

– А ты не дергайся! Лорд ты или где?

Вот! Мои выражения уже засоряют голову окружающим. Ладно бы хоть что-то полезное, а то...

Вздохнув, рассказываю ей про письмо. При этом старательно изображаю несправедливо оскорбленного и смотрю в бойницу, выходящую во внутренний двор. А краем уха прислушиваюсь к движению за спиной...

Закончив свое повествование, оборачиваюсь.

Мирна, прекратив свои, малопонятные мне, занятия, тихонько сидит на краешке лавки.

Глаза ее необычно серьезны.

– Это все?

– Да, вроде бы... а что?

– Эти письма... я уже слышала про них.

– Ну да, Лексли тоже что-то слышал. Только вот не помнит, что именно.

– Я тоже. Но...

Она встает и лезет куда-то в глубь своих закровов. Минут двадцать там роется, что-то роняет себе на ногу и возмущенно шипит. Ну, точно кошка!

– Вот. Держи.

В ее руках пара перчаток.

– Что это?

– Перчатки.

– Это я вижу. Но зачем они мне? Сильных холодов тут пока не было.

– Проколоть такую перчатку невозможно, так что ими можно брать в руки любой предмет. Чем бы его ни покрыли, на руки яд уже не попадет.

– Откуда это у тебя? Что-то я их раньше не видел...

– А у меня их и не было. Это я уже здесь нашла. Вещь необычайно редкая и о ч е н ь дорогая.

– Что ж их прежний хозяин-то с собой не унес? Раз такой девайс дорогуший?

– Ну, разве что в гроб ему их оставалось положить... Это же мастерская самого графа!

– А что ж ты тогда их с собой не взяла? Ну, когда в город к нам ехала?

Она подходит совсем близко и кладет голову на мое плечо.

– Но и у тебя их тоже не было, ведь так? Мы или остались бы вместе живыми, или...

Обнимаю сероглазку и осторожно ее к себе прижимаю. Несколько минут мы стоим молча. Нежными движениями поглаживаю ее по голове.

– Пообещай мне, – смотрю в ее широко раскрытые глаза, – что ты в любом случае останешься живой! У нас с тобой обязательно будет сын, и я не хочу, чтобы он рос сиротой!

– Без тебя?

– С тобой!

– Я не проживу долго одна. Ты не понимаешь... мы связаны гораздо теснее, чем ты даже можешь себе представить.

– Почему же одна? А ребенок? Тебе есть для кого жить!

Мягким движением она выскальзывает из моих объятий.

– Иди. У тебя есть своя ноша, свой путь – и никто тебя на нем не заменит. Но помни мои слова... я всегда буду тебя ждать.

– Ну и где этот таинственный собеседник? – спрашиваю я, продолжая оглядывать окрестности.

– Черт его знает... – обычно невозмутимый Лексли был смущен.

– Флаг висит уже второй день, а никто так и не появился. В любом случае торчать на башне уже ни к чему.

– Да... пожалуй. Ладно, спускаемся, тем более что уже обеденное время.

– Это ты точно отметил!

Надо сказать, что управляющий за последние два дня развил прямо-таки невиданную активность. По коридорам уже сновали молоденькие девчонки, бросая мечтательные взгляды на бравых Котов. Те гордо выпрямлялись и подкручивали усы.

Во дворе махали метлами мужики, пилили бревна на дрова и таскали туда-сюда всякую всячину.

Лексли привез десяток крепких парней, и теперь Коты посменно гоняли их по двору, тренировали.

На кухне гремел кастрюлями повар. Откуда его выкопал Логен, неизвестно. Но готовил парень вроде бы неплохо. Во всяком случае, сегодняшний завтрак ему удался. Посмотрим, каков будет обед.

За всей этой суматохой я и думать забыл о поднятом флаге. Тем более что уже близилось время появления представителя ордена святого Вайта. Прощаясь, он попросил несколько дней на то, чтобы доставить в замок адресованное мне послание. Оно, как выяснилось, хранилось не здесь, а по месту вклада. Кстати, любопытное открытие! Я как-то и не подозревал, что орден может выступать в качестве своеобразных почтальонов. Их, кстати говоря, тут и вовсе не было. Серьезные документы и королевские указы возили курьеры. Прочие же письма мог прихватить с собой проезжающий купец. Или какой-нибудь прохожий. Без какой-либо гарантии, что это письмо вообще хоть куда-нибудь попадет. Иного способа дать о себе весточку родне здесь попросту не существовало. А тут – здрасьте! У ордена есть своя почта! Посмотрев на спокойного, как удав, средневекового банкира, я решил, что подбрасывать эту идею ему не нужно. И сами с усами, придумаем чего-нибудь. Надо же и мне как-то деньги зарабатывать. Халява долгой не бывает.

Надо отдать должное повару, обед у него вышел очень даже приличный. Мирна, чего с ней бывало очень редко, выпросила вторую порцию супа. Оценив этот момент, подзываю управляющего. Он все время так и простоял около двери, не решаясь войти в зал.

– Логен! За повара – хвалю! Бери его на постоянную работу – заслужил!

Он облегченно вздыхает, видать нервы поднапряг основательно.

– Что у нас еще нового? Людей еще нужно набирать?

– Остались еще конюхи, человек пять. Ну и всякие прочие работники. Еще надо человек десять или поболее.

– Ну и действуй! От меня надо еще что-нибудь?

– Да, милорд. Приезжали вчера представители городов, спрашивали, не будет ли изменен порядок доставки припасов.

– Каких это припасов?

Он неприкрыто удивляется:

– Так ведь... милорд... они же возят вам продукты. Птицу, мясо, муку, вино... да и много

чего еще. Прежний лорд содержал здесь гарнизон в сто двадцать человек, не считая прислуги. И гостей у него было постоянно человек тридцать-сорок. Да двор...

– И сколько их тут было всего?

– Около пятисот человек, но обычно – чуть меньше.

– Хренасе они тут жрали! Нет, Логен, нас здесь меньше. Во всяком случае – пока. Пусть возят вполовину против прежнего. Так и на еду хватит, да и запас какой-никакой будет...

Отлично, одной заботой меньше. И как это я сразу не врубился, что окрестные селения и города должны снабжать своего лорда припасами? Ведь и у нас было что-то подобное.

Ничего, вот появится представитель ордена святого Вайта, я его поподробнее расспрошу о некоторых моментах. Банкиры, особенно здешние, люди знающие и подсказать могут многое. Жаль, что хитропоп уехал, этот-то наверняка был бы ценнейшим советником.

Глава 11

Солнце жарило изо всех сил, и находиться на солнцепеке желания не было ни малейшего. Быстро проскакиваю открытое место и почти бегом врываюсь в коридор. После яркого света глаза не сразу адаптируются к полутьме помещения. Делаю пару шагов вперед...

– Милорд...

Резко оборачиваюсь!

Прижавшись к стене, стоит невысокий человек.

– Чего тебе?

– Вы дали согласие на встречу. Я пришел.

– Ага! – Шаг вперед...

– Не подходите ко мне, милорд!

– Отчего же? Ты же сам хотел этой встречи!

Глаза мои уже понемногу привыкли к полутьме. Теперь я могу лучше разглядеть своего противника.

Невысокий мужичок в простой одежде. Рядом к стене прислонена метла – дворник?

– Я метельщик, милорд. Вернее, вынужден был им стать, чтобы проникнуть в замок.

Рука его прижата к шее, он что-то в ней держит.

– Хорошо. Ты просил о встрече – я пришел. Чего тебе нужно?

– У меня... у нас! Две просьбы.

– Излагай.

– Первая – граф положил в орден святого Вайта почти все свои деньги. Так?

– Допустим.

– Теперь – вы их наследник, ведь так?

– Ну... мне что-то говорили об этом.

– Так вот, милорд! Это наши деньги! Мы дали их графу на хранение. И теперь хотели бы их получить назад.

Интересно девки пляшут! Сразу чем-то родным повеяло. Наезд?

– А чем вы можете доказать, что эти деньги ваши? Может быть, вы попросту все придумали?

Собеседник кивает.

– Я ждал этого вопроса. Все можно проверить, и достаточно легко. Вклад сопровождался списком лиц, которые могли получить деньги. Этот список известен ордену святого Вайта.

– Ну а что же они сами не забрали деньги? Тем более что в списке они есть.

– А их похоронили вместе с графом. Они пали от вашей руки. Сверьте оба списка и убедитесь в том, что я говорю вам правду.

Пожимаю плечами.

– Других доказательств нет? А откуда я знаю, может быть, вы каким-то образом узнали о финансовых операциях покойного и теперь просто стараетесь меня обмануть? И получить таким образом чужие деньги? Кстати, зовут-то вас как? Вы мое имя знаете, а я как к вам обращаться должен?

– Мое имя, милорд, уже не имеет никакого значения. Но, что касается денег, вам придется поверить мне на слово.

– Хм! Интересно это у вас выходит... Ладно, а вторая просьба в чем состоит?

– Она связана с первой. После того как вы получите деньги, оставьте их в своих покоях и покиньте замок со своими людьми. На один день. Можете никуда от него не отходить. Хотя в соседней роще лагерем становитесь, нам все равно. Мы заберем деньги и уйдем.

– И все?

– Да. Это все наши просьбы.

– А что я получаю взамен?

– Мы не будем больше совершать на вас покушений и оставим вас в покое. Живите как хотите.

– Гарантии?

– Никаких, милорд. Вам придется мне верить, хотите вы этого или нет. Да и зачем вам чужие деньги? Ваш лен приносит достаточный доход, чтобы вы не волновались о своем будущем.

– Если я правильно понял, то последнее покушение...

– Дело наших рук.

– Чьих именно?

– Зачем вам это знать?

– Интересно! Вы проникли ко мне в дом и попытались меня убить чрезвычайно жестоким способом. То, что за этим может последовать мучительная смерть множества не причастных ни к чему людей, вас не остановило. То, что Серого рыцаря нельзя отравить, тоже никого особенно не смущало.

Шорох за обивкой! Он не один!

Ладно... продолжаем разговор...

– А когда вся эта затея провалилась, вы приходите ко мне и требуете неустойку за неудавшуюся операцию? Очень мило! Сверхнаглось, вы не находите? Или я должен как-то иначе понимать ваш визит?

– Вы вольны думать все, что вам будет угодно. Я больше ничего вам сообщить не могу – просто не знаю.

– Когда и каким образом я должен сообщить вам о принятии этих условий? Или об отказе от этого?

– О получении денег мы и так узнаем, этот факт скрыть невозможно. А когда ваши солдаты и слуги покинут замок, то мы это просто увидим. Вот и все. Если вы не сделаете этого в течение недели... то можете уже не спешить. Вас найдут везде. И вместо яда может быть стрела, нож или еще что-нибудь.

Оглядываю средневекового рэкетира. Он явно на взводе, некоторые слова проговаривает быстро, теряет окончания. Волнуется? Естественно, чай, не на купца наехал.

– А ваша организация, братство или как вас там... – Собеседник дернулся. Отчего? – ...отдает себе отчет в том, кого вы хотите запугать? Я вам не загулявший купчик!

– Мы все это знаем. Но и вы смертны, милорд...

Кладу руку на рукоять клинка.

– И адские муки вас не страшат?

Вместо ответа он резко дергает рукой. Отскакиваю в сторону – клинок уже в руке.

Но нет... он явно не нападает. Собеседник опускает руку – на его горле виден свежий разрез... Секунду-другую он смотрит на меня торжествующим взглядом, после чего его ноги подгибаются и он сползает вдоль стены. Его почти сразу скручивает судорога. Яд! Он

полоснул себя по горлу какой-то ядовитой хренью! То-то он и вел себя так борзо – разговор происходил со смертником.

Ну уж дудки! Повышенной слезливостью и чрезмерным состраданием я, слава богу, не обременен!

Не будет тебе, скотина, легкой смерти.

Взмах клинка – и торжество в глазах рэкетира сменяется жутким ужасом! Не знаю, что и кто там тебе после смерти обещал, но туда ты теперь точно не попадешь...

Однако есть еще и второй...

Поворот на месте, взмах клинком.

Скрипнув, косо сползает по стене кусок обивки, открывая темный проход. Он уходит куда-то в глубь стены. Узкий, только одному человеку пройти. Черт, света никакого нет! Но в проходе темно, и отблесков света я там тоже не вижу. Значит, и тот, кто только что тут был, с собою факела или фонаря не имеет.

А стало быть, идти ему недалеко.

Блямс!

Прикладываюсь головой об выступ в стене.

Или он хорошо знает этот путь. В отличие от меня...

Выставив вперед клинок, ощупываю им путь.

Никаких ловушек он тут устроить просто не успел – слишком быстро все произошло. И времени на такие подлянки точно не осталось.

Так и есть – впереди слышу звук шагов, кто-то пробирается по коридорчику. Ага, света у него нет, как и у меня, так что хотя бы в этом отношении мы в одинаковом положении.

Стараюсь особо не шуметь, но все равно иногда клинок звучно царапает стену. Фигово... Остается надеяться лишь на то, что убегающему будет малость не до того, чтобы вслушиваться в каждый звук за спиной.

Стены расступились в стороны, приподнялся и потолок, и я сразу потерял ориентиры. Куда идти-то? Ну, что ж, вспомним правило правой руки...

Переложив клинок в левую, я нащупал пальцами правой каменную кладку. Вот и стена... Вдоль нее и пойдем, не торопясь.

Впереди, где-то совсем рядом, лязгнул металл. Оружие? Не похоже, звук немного не тот. Но один плюс все-таки есть – понятно, куда идти.

Снова лязг, что-то заскрипело. Открывает дверь?

Черт, света нету!

Шаг вперед, еще один... и еще.

Кто-то шумно задышал у меня над ухом.

Не присядь я на корточки – было бы кисло!

Выбив искры из кладки, неведомое оружие пронеслось над моей головой так близко, что задело волосы.

Если бы я стоял, нападающий гарантированно отрубил бы мне как минимум левую руку.

А так – повезло.

Блеснувшие искры высветили слева от меня какую-то темную массу, и, не раздумывая долго, повернувшись в полуприседе, выбрасываю руку с клинком в ту сторону.

Толчок – есть попадание!

Знакомое шипение – в кольчуге клиент, и вот уже кто-то с шумом сверзился с копыт.

Считая с коридорным рэкетиром, это уже второй!

Ну что ж, благодаря некоторым особенностям моего оружия раненых им практически не встречается...

Снова скрежет – и темноту прорезает луч света!

В стене откинут люк, и туда торопливо протискивается человек. Бегом к нему!

Щелк!

В-в-жих!

О стену, рядом с моею головою, звучно лязгает арбалетный болт.

Черт, да сколько ж вас тут?!

Топот ног!

Словно несется целое стадо!

Господи, а это еще кто?!

Дрожащий свет факелов слегка разогнал тьму, и я увидел выбегающих из коридора Котов.

Рухнувший с моего сердца булыжник, наверное, сумел бы отдавить ногу слону среднего размера.

– Осторожнее! – кричу я им. – Тут где-то арбалетчик!

Поздно...

Щелчок!

И передний Кот отлетает в сторону, сбитый тяжелым болтом.

Зарывав, прыгаю вперед и обо что-то спотыкаюсь. Быстрый взгляд вниз – на полу лежит человек, сжимающий в руках тяжелую, окованную металлом дубинку. Вот он чем меня долбануть хотел! Быстро сую клинок в ножны и подхватываю трофейное оружие. Это, конечно, не настолько эффективное (по сравнению с Рунным клинком) средство ближнего боя, но тут хотя бы есть шанс побеседовать с противником опосля того, как долбану его этой шкуловиной.

Где он, стрелок этот?

Слева скрип – заряжает арбалет?

Кувыркком ухожу в сторону, и высекающий из стены искры болт подтверждает правильность такой тактики.

Вот он!

Швырнул на пол разряженный арбалет и тянет из ножен кинжал.

Ну, тут ты не угадал...

Брошенная, на манер городошной биты, дубинка, описав в воздухе дугу, неслабо долбанула супостата в грудь. Он отлетел в сторону, попутно приложившись башкой об низко нависающий свод. И уже через пару мгновений был облеплен разъяренными Котами.

– Кинжал! – кричу я изо всех сил. – Осторожнее! Он отравлен!

Так, с этим все, его уже вяжут.

А бегун-то где?

Оглядываюсь по сторонам и вижу распахнутый люк. Подскакиваю к нему...

Поздно.

Свисающая из него веревка только чуток не достает до земли. Я вижу, как шелохнулись кусты, растущие напротив стены. Да, люк выходит с внешней стороны замковых укреплений. Ушел клиент...

– Где он?!

Рядом нарисовался Лексли. Разгорячен, дышит часто. В руках арбалет.

– Ушел. Вон туда, в кусты. Пока эти двое тут хулиганили, он спустился по веревке и бежал. Черт с ним! Никуда не убежит, все равно поймем! Что у нас?

– Плохо. Дэн убит.

– Ох ты... – Ноги мои подкосились, и я сел на пол. – Точно?

– Мертвее не бывает.

– А этот? Стрелок?

– Жив, хотя и не скажу, что цел.

– Но говорить-то сможет?

– Куда ж он денется?

– Одежку его проверьте. Наверняка, кроме кинжала, у него еще какая-то гадость ядовитая есть.

Кот отступает в сторону, и я вижу пленника. Совершенно голого – с него содрали абсолютно все.

- Не замерзнет? – киваю я в его сторону.
- Не успеет...

Стрелка куда-то увлакивают, а я присаживаюсь осмотреть убитого мною дубиновладельца. Здоровенный парень, мускулы хорошо развиты – ну еще бы, попробуй помаши эдакой палочкой! Одежда – обычная, так тут одевается каждый второй. Содержимое карманов – тоже ничего интересного не нашлось. Расстегиваю ворот рубахи (тут крестьяне пользуют деревянные пуговицы, а те, что побогаче, – костяные или металлические) и снимаю с шеи шнурок с висящим на нем мешочком. Развязываю завязки – что это там у нас?

Кольцо.

Так.

Стоп.

Отыскиваю в карманах выданные мне сероглазкой перчатки. Хорошо, что не оставил их в комнате, прямо как чуял...

А ведь это уже интересно! Кольцо простенькое, из темного металла. Зачем-то его убрали в мешочек, отчего не на пальце? Не золото, чай, и не серебро – вопросов не вызовет. Но его носят скрытно...

А ну-ка...

Рунный тест не подвел и здесь.

– Норн! – окликаю ближайшего Кота.

– Что такое? – оборачивается он ко мне.

– Смотри, у этого типа было отравленное кольцо! В мешочке на шее. А когда вязали стрелка, у него ничего подобного не было?

Норн хмыкает и исчезает. Буквально через минуту он приносит мне точно такой же мешочек.

– Когда с него одежду сорвали, то и этот мешочек тоже срезали. А вот внутрь никто не залезал, – поясняет мне Кот.

– Слушай! Там, в коридоре, еще один холодный валяется. Сдается мне, что и у него что-то такое может быть. Руки его осмотри, только осторожнее! Вот, – протягиваю ему перчатки, – надень обязательно! Голыми руками ничего не трогай! Хватит с нас и одного погибшего...

Через некоторое время возвращается Лексли. Коротко, не вдаваясь в подробности, рассказываю ему обо всем произошедшем со мною до появления Котов.

Он кивает.

– Часть вашего разговора услышал один из слуг и опрометью бросился к нам. Хорошо, что факелы захватить успели, а то ковырялись бы тут в темноте.

– Дэна жаль...

– Ничего не поделаешь, – разводит он руками, – судьба! Все там будем.

– Да уж, лучше бы попозже...

Глава 12

Возвратившийся Норн приносит еще одно кольцо, точно такое же. Клинок подтверждает это. Оно окровавлено, на внешней стороне имеется острый шип. Надо полагать, им-то и чиркнул себя по шее незадачливый рэкетир.

– Так, – говорю я Лексли, – работы прекратить, всех слуг построить во дворе. Сейчас мы их детектором лжи проверять будем.

– Чем? – искренне удивляется тот.

Ответ на свой вопрос он получает очень скоро.

Отбрав первую пятерку слуг, Коты отводят их в караульное помещение. По дороге

тщательно обыскивают – пусто, ничего интересного. Ни колец, ни мешочков при них нет.

– Вот что, любезные, – с ходу начинаю компостировать мужикам мозги. – Только что один из ваших товарищей попытался меня убить.

Сказать, что они удивлены, – значит не сказать ничего.

Собеседники просто потрясены.

– У него были сообщники...

Они аж рты приоткрыли.

– И один успел сбежать...

Дошло?

Да еще как!

Отлично, теперь прочувствуют все как надо.

– Значит, так, – вытаскиваю из ножен Рунный клинок, – когда на работу нанимались, знали, к кому идете. И я вам всем тогда поверил. Теперь на слово веры нет никому. Кто хочет, чтобы на него полагались и далее, – клянитесь на вот этом клинке. Сами понимаете, что ждет солгавшего.

Что его ждет, откровенно говоря, я и сам не подозревал. Но на слуг подействовало. Руки-ноги затряслись, и морды моментом побелели.

– Ну, – приподнимаю оружие, – кто первый? Или мне самому выбрать?

– А что говорить, ваша милость? – пробормотал один из них.

Ага, вот и первый отыскался.

– Клянусь ничем не злоумышлять против своего лорда и его людей. Буде кто предложит мне такое действие или я сам про него узнаю – сообщу об этом лорду или его людям. Не воровать и не жульничать я у вас не требую, цените!

После некоторой заминки говорливый слуга подходит ко мне. Становится на колени и, запинаясь, повторяет сказанные мною слова. Целует клинок и отходит в сторону.

Второй, третий... все.

Слуг уводят в другое помещение, и Коты пригоняют новую партию.

Где-то на третьем десятке у одного из слуг не выдерживают нервы, и он пытается сделать ноги.

С таким же успехом он бы мог попытаться пробить головою внешнюю стену. Бегуна тут же уволакивают в соседнюю комнату и начинают вдумчиво колоть. А я принимаю присягу у оставшейся четверки. Эти слуги перепуганы, но виду стараются не подавать. Последними целуют клинок управляющий и его семья. И хотя я на этом не настаивал, Логен сам вызвался на эту церемонию.

– Люди скажут мне – ты не рискнул дать милорду такое обещание, а берешься нами командовать, – говорит он, по обыкновению, комкая в руках шляпу. Тут уж и мне возразить нечего.

Веду его к телам убитых негодяев.

– Помнишь их?

– Да, милорд. Они все из города. Работали там грузчиками. Вот этот, – кивает он на «дубиновладельца», – вышибалой был в трактире.

– И кем же они нанялись к нам?

– Рабочими. Таскать, чинить... по хозяйству, в общем.

Странно, мне всегда казалось, что профессия вышибалы куда как более интересна, чем должность разнорабочего, пусть даже и в замке у лорда.

– Посмотри на них, – говорю управляющему. – Ты видел всех, кто стоял во дворе, видишь и этих. Все ли наши люди на месте?

Он морщит лоб.

– По-моему, милорд, не хватает двоих... нет! Не хватает еще троих человек.

Час от часу не легче! Один сбежал, а вот еще парочка где заныкалась?

Поворачиваюсь к Коту:

– Лексли! Оружие в замке есть?

– Полно. Можем вооружить полк.
– Полк не надо. Для начала вооружим слуг. Всех. Хотя бы и кинжалами.
– Сделаем.
– Далее. Любые передвижения по замку – только группами не менее четырех человек. Логен, это тебя касается! Даже в сортир – и то кучей ходить.
Мои собеседники согласно кивают.
– Далее, – поворачиваюсь к Коту. – На угловые башни по арбалетчику. По два запасных заряженных арбалета каждому. Всех одиночек – валить! Два человека – то же самое. Вопросы есть? Нет? Выполнять!

В сопровождении троих Котов топаю к Мирне. Что до меня – так туда надо было бы сразу и бежать. Но, увы, пришлось остаться и руководить. К сожалению, правильно организовывать противодиверсионную службу здесь пока еще не умеют. Научатся, конечно, если тут все и дальше такими темпами понесется вскачь, но не без крови, это факт. Так что неча рассусоливать, надо строить все и сразу.

Вообще говоря, положение аховое. В замке наверняка есть еще какие-то ухоронки, о которых мы не знаем ничего. А вот пропавшая парочка, судя по всему, на этот счет в курсе. Хреновато... Насколько я помню то, что читал про такие вот ходы, у них наверняка имеется возможность не только ходить по ним, но еще смотреть и слушать. И что хуже всего – стрелять. Оружие у них точно найдется, и наверняка они не тащили его с собою через ворота. Покойный граф, чтоб ему на том свете пусто было, запас этого добра до фига. Так что, если злодеи сопрут пару-тройку арбалетов и десяток болтов и кинжалов – никто и не заметит.

Вывод?

По большим и длинным коридорам не ходим. Надо будет отыскать эту самую шкуру неведомого зверя и носить ее на плечах.

Что еще?

Пост на кухню – трудно ли в еду яда бухнуть?

И искать!

Искать входы в подземелья!

Кто-то из старой прислуги их знал... где б его самого сейчас найти?

Перед входом в мастерскую Мирны уже стоит пост. Мрачный Кот и двое вооруженных слуг. Озадачиваю своих провожатых поисками шкуры-плаща. Забрав одного из охранников, они уходят. Все правильно. Если я с Мирной куда-то пойду, то нас с оставшимися часовыми как раз четверо и будет. И их, ушедших, тоже четверо.

Войдя в мастерскую, не сразу замечаю сероглазку. Она сидит сбоку, у окна во двор, и рассматривает какие-то бумаги.

Услышав шаги, резко оборачивается и, бросив бумаги на пол, повисает у меня на шее.

– Цел...

– Мне не так легко напакостить! Я Серый – или погулять вышел?

– Ты глупый! Вечно лезешь на рожон! Тебя же могли убить!

Ох, кто-то у меня огребет... и очень скоро...

Нежно поглаживаю ее по спинке.

– Успокойся... я тут, жив-здоров и невредим, ничего страшного со мною не случилось. А ты чем таким любопытным занята?

Она поднимает глаза, на ресничках блестят капельки. Сызнова плакать? Значит, снова пускаем в ход проверенный способ...

Но не успел я ее поцеловать (всего пару-тройку раз!), как она мягко отстраняет меня.

– Садись!

Делать нечего, слушаюсь.

– Ты помнишь, я рассказывала тебе об этой комнате?

Откровенно говоря – не помню. Но киваю.

– Я еще тогда попыталась понять, зачем здесь, в этом замке, такая мастерская? Своего целителя у них не было. А судя по некоторым следам, тут работали всерьез и очень напряженно. Уходили отсюда в спешке, многое бросили. Ты помнишь, когда я только сюда зашла, мне показались странными некоторые вещи?

– Ну да, тогда еще Коты ворчали, таская твои столы и сундуки из одного угла в другой.

– За что я и сварила для них самый изысканный квас, который только смогла! Но дело не в этом. Смотри, – подводит она меня к стене, – вот тут раньше стоял шкаф. Присмотрись – ничего не замечаешь?

Так... задачка на сообразительность.

Стена... обычная каменная, даже и не оштукатуренная.

Есть ли на ней следы? Какие?

Внимательно осматриваю стену, трогаю швы между камнями. Нет, тут пусто. А тут?

Мимо.

Трещинка в связующем растворе?

А что?

Куда же она дальше ведет?

Интересно... трещинка, извиваясь между камнями, доходит аж до пола и там кончается.

А с другой стороны?

И там та же песня...

Дверь?

Осматриваю пол. Тут тоже присутствуют следы отодвигания шкафа – бороздки в полу.

– Шкаф, случаем, не на колесиках был? – не оборачиваясь, спрашиваю я у Мирны.

– А откуда ты это взял?

Показываю на бороздки, оставленные в досках пола.

– Точно! – кивает сероглазка, присев рядом. – Так его и отодвигали, он поначалу даже в сторону никак не поворачивался, колесики в бороздках стояли и мешались.

Теперь смотрим на пол – нет ли тут каких-нибудь еще штучек?

Пол чистый, придется стену ковырять.

Становлюсь около нее и смотрю вдоль стены в сторону окна.

Так... вот этот камешек – уж больно он отполирован, с чего бы это? Руками часто трогали? Это за шкафом-то?

Еще один, пониже.

Все?

Больше ничего не вижу.

Еще раз прохожусь по доскам, напротив тайной двери. Нет, пол крепкий, доски не пружинят. Стало быть, внизу ничего нет.

Примериваюсь к камням. Да, двумя руками они нажимаются легко, только вот делать это я пока обожду.

Отгоняю Мирну в сторону, не слушая никаких возражений. Вызванный из-за двери Кот получает строжайший приказ держать ее и не отпускать, что бы тут ни произошло.

Поплотнее запахиваю плащ-шкуру, натягиваю на руки перчатки, которые мне уже успели возвратить. Рядом с собою кладу взятый у Кота арбалет. Ему сейчас не до стрельбы будет.

Левый камень.

Утопился в глубь стены.

Правый.

Тоже ушел внутрь.

За стеною что-то щелкает.

Ну?

Трещинка увеличилась!

Толкаю руками стену, и она неожиданно легко поддается под моими усилиями. Скрипнув на петлях, массивная дверь, обклеенная снаружи камнями, поворачивается на петлях, открывая доступ в темный коридор.

Левой рукою вытаскиваю из ножен клинок. Он молчит, его цвет не изменяется – яда нет. Подхватываю с пола арбалет и держу его в правой руке.

И что дальше?

Видеть в темноте я не умею.

Убираю в ножны оружие и, добежав до двери, выдергиваю из зажима факел. Несколько секунд трачу на то, чтобы зажечь его от висящего на стене собрата, и топаю назад.

Поднимаю факел повыше и делаю шаг вперед...

Глава 13

– Еще плесни! – И Лексли, не говоря ни слова, снова наполняет «трупоподъемником» мой стакан.

Странно, но я почти не чувствую вкуса, пью его, как воду.

– Себе?

Кот молча опрокидывает еще один стакан.

– Еще?

– Хватит...

Встаю из кресла и подхожу к парапету, окружающему верхушку башни. Сюда по моему приказу перетаскили несколько кресел и столов. Натянули сверху полотно, защищающий от ветра и возможного дождя.

Не слишком уютно вышло, но в целом терпимо.

А вот подслушать нас тут точно не выйдет – в этих стенах ходов сделать невозможно.

– Что с тобой, Сандр? – голос Лексли звучит как-то устало.

– Воздуху не хватает... Все время кажется, будто я снова там...

– Мне тоже.

Ты смотри, даже и этот стальной человек дрогнул! Ну а, впрочем, чего я хочу? Войти в эти комнаты снова? Сейчас – точно не смогу. Да и никто из нас, пожалуй что, и не сможет.

– Сколько их там было?

– Шестьдесят восемь, – Кот старается говорить, как обычно, но слышно, что это дается ему с трудом.

– Похоронить бы...

– Завтра. Сегодня уже никто туда не войдет – не проси.

– Да я понимаю...

Мой кулак с размаху лупит по парапету так, что мне чудится, будто зубец пошатнулся.

– Как подумаю о том, что последний из них умер всего несколько дней назад! И мы уже были в замке! Он мог слышать наши голоса, может быть, даже знал, что прежний хозяин замка мертв...

– Не казни себя, Сандр! Что ты мог? Про это никто не знал! Сомневаюсь, что и сам граф был в курсе дела.

– Ты думаешь?

– Решиться на такое? Да его же соратники подняли бы графа на копья! Не следует недооценивать наших традиций. Ты знаешь, как здесь относятся к колдунам. А уж к такому случаю... боюсь, графом бы не закончилось.

На лестнице зашкряпали шаги, лязгнуло железо – кто-то шел снизу. Оклик часового, ответ входящего – и на площадку башни поднимается Норн. Наливаю и пододвигаю к нему полный стакан. Одним духом он его выпивает и по моему знаку присаживается напротив.

– Ну, как там? – поворачивается к нему Лексли.
– Двери закрыли, охрана стоит у каждой. Менять будем через два часа. Гонцы ускакали час назад. Все перекрестки коридоров нами перекрыты. Кое-где стоят только слуги – нет людей. Поэтому уходить с постов я не разрешил. Принесли им туда всяких тряпок, шкуры – пусть спят посменно, прямо на посту. Все вооружены арбалетами, на складе прихватили кольчуги и щиты. Так что взять их будет трудно.
– Добро. Сам-то как?
Норн только зубами скрипнул.
– Попались бы мне эти... фокусники. Даже и оружия не надо никакого... голыми руками на кусочки разорву...
– Ладно, – я поворачиваюсь к обоим Котам. – Пойду вздремну. Во всяком случае – постараюсь. А то в глазах такое до сих пор стоит... Мне сейчас нервы крепкие нужны.
– Всем нам они нужны, – согласно кивает Лексли. – До утра я тут побуду, потом Норн меня сменит. А ты уж подходи, как встанешь.
– Да я надолго-то и не уйду. Просто Мирну не хочу одну оставлять.

Спускаюсь на один этаж. У массивной металлической двери останавливаюсь и стучу в нее условным стуком. Лязгает засов, и на пороге меня встречает моя сероглазка. Отступает внутрь, и я, войдя в комнату, снова запираю дверь.

Пройдя к кровати, сажусь и снимаю перевязь с Рунным клинком, кладу его в изголовье. Теплые и нежные руки обнимают меня, и Мирна прижимается к моему плечу.

– Как ты?
– Неважно...
– Ложись. Тебе надо поспать.
– А ты?
– Я посижу с тобою рядом. Буду отгонять от тебя все дурное.
– Тебе тоже надо выспаться.
– Успею еще. В мастерскую теперь долго не попасть, а здесь мне особо нечего делать.
Хочу возразить, но губы уже плохо меня слушаются, веки наливаются свинцом. Даже не успев снять сапоги, забываюсь тяжелым тревожным сном.

Глава 14

Неудачно повернувшись, попадаю локтем на какой-то камешек. И он, зараза, обрадованно впивается мне в самое болючее на руке место! Выматерившись про себя, осторожно убираю руку и некоторое время прихожу в себя. Слева продолжают постукивать отдельные выстрелы – ребята прочесывают кусты, надеясь отвлечь на себя внимание снайпера. Даст бог, это им удастся, и тогда я тихонько проползу по этому пересохшему сейчас арыку почти до точки назначения. Почему почти? Да потому, что подозревать противника в слабоумии – глупость на войне непростительная. А судя по почерку противника, это тот самый случай, когда лучше пять раз переоценить оппонента, чем один раз зевнуть хлебалом.

По всем прикидкам – это «хромой Саид». Почему хромой? Да видели мы его следы, и не раз. Он прихрамывает на правую ногу, это хорошо заметно по отпечаткам на земле. «Неправильный» как-то заметил, что у него нога либо неслабо подраненная, либо от рождения такая. Бережет он ее и сильно старается на эту ногу не наступать. Поэтому мы всех отловленных «духов» сразу же проверяем на этот предмет. Пока – неудачно, ни одного хромоногого еще не поймали. А отчего Саид? Так его сами «духи» и называют.

Вообще говоря, этот снайпер – человек фантастической прозорливости и колоссальной информированности. Не было ни одного случая, чтобы этот мерзюк ушел с пустыми руками или обломался на выходе. Ребята из разведки как-то разок перехватили видеокассету, которую несли за бугор курьеры «духов». Так вот на ней был записан репортаж о работе

этого гада.

Хорошо было видно, как он готовит позицию, выбирает место для стрельбы. Как он подстреливает первого и ждет, когда его придут подбирать товарищи. На пленке хорошо было видно, как он простреливает раненым ноги и руки, чтобы они громче кричали. Даже крики эти были слышны очень неплохо.

Вообще, съемка была качественная и профессиональная, только вот лица снайпера на ней не было. Его все время снимали со спины. Так что пользы от этого было только то, что теперь мы знаем его рост – чуть выше среднего – и цвет волос. Они у него черные.

И чем это нам помогло? Да таких типов среди афганцев просто пруд пруди! Черноволосых у них до фига, да и с таким ростом тоже хватает. Так что особо большого толку с этой кассеты не было.

Сколько раз устраивали на него засады, и «на живца» ловить пробовали, и дезу всяческую подбрасывали «духам» – без толку. Ни разу он на это не клюнул.

Выходит неизвестно откуда, но подбирается прямо к нашим гарнизонам – ни фига не боится! И уходит мастерски, совершенно бесследно.

Почерк у него, скотины, стандартный – он подстреливает одного из бойцов. После чего ждет, когда подойдут другие. Насмерть он сразу не бьет, тогда к подстреленному никто не сунется. Если все ждут и никто сразу на помощь не лезет, он начинает стрелять по конечностям, так, чтобы раненый кричал. Мало кто выдерживает такое издевательство, открывают огонь во все стороны и пробуют вытащить своего. Тогда он начинает стрелять по остальным. Опять же – насмерть не кладет, но сильно легче от этого не становится. Так что минимум двоих-троих он всегда подстреливает.

Вот сейчас, например, он зацепил нашего радиста. Вдвойне хреново! Теперь мы и помощи вызвать не можем, хотя отсюда до базы всего километра три. Вертушки пройдут эту дистанцию играючи. И вот тогда уже Саиду стало бы кисло. Супротив вертолетов долго не повоюешь... Сбить «крокодила» из снайперки – надо очень сильно оттопыриться! А так – все козыри у него.

Когда старший лейтенант Горбунов стал распределять, кому и куда ползти, на меня сызнова накатило. Что-то сильно мне похреновело... Не так, как в горах, там ощущение совсем другое было. Но все равно – звоночек! Подползаю к командиру и шепотом поясняю ему свои ощущения.

– Что так? – спрашивает он.

– Не могу пояснить, товарищ старший лейтенант. Но чувства какие-то... раздерганные. Понимаю, что не так все, как быть должно. А что именно – сказать не могу.

– И что дальше?

– Есть у меня ощущение, товарищ старший лейтенант, что не один он здесь.

– Отчего же прочие не стреляют? Да и Саид всегда в одиночку работает, ты же знаешь.

– Как в одиночку? Да у него же прикрытие есть! Даже и на пленке это видно было!

– Есть. Только они в бою не участвуют, его охраняют. Стреляет, как правило, он один.

– А вот мне кажется, что сегодня стрелять будут и другие снайпера.

Горбунов качает головой, он сомневается.

– Ну, смотри, боец! Чего от меня-то хочешь?

– Вон там арык, – показываю я рукой. – По нему можно отсюда отползти, да и во фланг выйти.

– Кому?

– Странно он нас тут зажал, вам не кажется, товарищ старший лейтенант?

– Почему это?

– Судя по всему, он вон с той стороны стрелял, как вы думаете, товарищ старший лейтенант?

– Похоже.

– Так отчего он тогда не дождался, когда мы дальше пройдем? Здесь-то нас еще и кусты чуток прикрывают, а вот там, кроме травы – вообще ничего нет. Место почти

открытое. В смысле – с его стороны открытое.

– Правильно мыслишь, – говорит командир, чуть приподняв голову и оглядев окрестности.

– А вот если кто-то еще здесь есть, то уже им там по нам стрелять не с руки, у нас горка за спиной будет. Разве что с краю вниз свесятся. Так тут уже и мы их прищучим свободно. Дистанция-то совсем плевая будет, не то что из снайперки – из пистолета попасть можно.

– Лады, – соглашается Горбунов после некоторого раздумья. – Что предлагаешь?

– Проползу по арыку, глядишь – и выйду в тыл злодеям! А там...

– Добро! Сам придумал – сам и выполняй! С тебя и спрос, коли плохо сделаешь! Только людей я не дам – некого. Что тебе еще нужно?

– Пистолет бы...

Командир фыркает и лезет в рюкзак.

– Держи! – протягивает он мне брезентовую кобуру непривычных очертаний. – Это «кольт». Разберешься?

Вытаскиваю пистолет. Это не знакомый «макар», оружие больше, но в руке сидит достаточно удобно. Старший лейтенант показывает мне, как его заряжать и менять обойму. Все просто. Загоняю патрон в ствол и ставлю курок на предохранительный взвод. Привешиваю кобуру на ремень, а запасную обойму убираю в карман.

Горбунов хлопает меня по плечу, и я тихонько соскальзываю в арык.

Сколько уже удалось проползти?

Осторожно выглядываю над краем арыка.

Ага... до наших отсюда метров сто пятьдесят... или чуть меньше. Дальше будет склон, поросший густым кустарником. Прятаться в нем хорошо, но и видимость не самая хорошая, стрелять уже не так комфортно. Не будет снайпер там сидеть, не то место. А вот перед ними кустики невысокие – очень даже...

Ползем дальше...

Что-то подкатило прямо к сердцу! Ощущение такое, будто меня положили на сковородку и сейчас разожгут под нею огонь! Сразу зачесались все руки и ноги, будто прополз по муравейнику. Это что за хрень такая? Вжимаюсь в дно арыка и перестаю дышать, только рука осторожно ползет к пистолету. В такой тесноте с автоматом я не развернусь, края канавы не дадут, надо будет вставать, хоть на колени. А значит – поднимать голову и плечи над краем арыка. Тут меня и уконтрапят...

– Роберт! Вы хорошо меня видите?

– Если вы продвинетесь еще на пару метров, будет значительно лучше, сэр.

Не сразу врубаюсь, что говорят по-английски. Язык этот мне более-менее знаком. Спасибо Юльке, когда-то я за ней неслабо волочился. А поскольку поводов побывать с нею подольше наедине было не так уж и много, то напросился изучать вместе импортный язык. Она-то по-английски, как я по-русски шпарила, так что выглядело все вполне логично. Полгода мы добросовестно просиживали вместе чуть не каждый вечер, но мне так ничего и не обломилось. Кроме знания языка, который, откровенно говоря, не так уж был и нужен. Стать дипломатом я не рассчитывал – конкурс в МГИМО был длиною в хвост динозавра, и мне ничего здесь не светило. Несколько раз эффектно вставлял при разговоре подходящие фразы, пытался переводить песни – больше никакой пользы не извлек. Так что птица-говорун из меня не получилась. А вот птица-слухач, как сейчас выясняется, вышла очень даже неплохая.

Над моею головою завозились, и в арык посыпался песок – кто-то полз по самому краю.

– Так?

– Да, сэр, так будет в самый раз.

– Давайте, Роберт, поторопите нашего полосатого хозяина здешних мест, чтобы он не слишком уж медлил. Тут не его лавка, и мне не нужно показывать товар со всех сторон. Все, что требуется, я уже и отсюда хорошо разглядел.

– Отчего же полосатого, сэр?

– А вы на его морду смотрели?

– М-м-м... как-то не довелось, сэр... Я же не разговаривал с ним так близко, как вы. Мы ведь так и просидели в горах все то время, пока вас не было. А сюда нас вели, как помните, без него. Да и здесь, пока я готовил камеру, прозевал ваш с ним разговор.

– Ну да, действительно, это я как-то упустил... У него два кривых шрама на лице, такое впечатление, что отсутствует кусок щеки. Говорит – в молодости подрался на ножах. Но на зоркости взгляда и меткости это не отразилось.

Со стороны наших затрещали выстрелы, бухнул разрыв – засадили из подствольника. Не иначе, как собрались Витьку вытаскивать.

– Роберт, давайте! Русские собрались на прорыв! Пусть он подстрелит мне парочку солдат.

Слева от меня что-то щелкнуло.

– Ястреб – Пастуху!

– Слушает Ястреб! – По-английски абонент говорил не очень, но понять было можно.

– Обеспечьте нам двоих солдат!

– Когда они выйдут к тропе. Сейчас я их плохо вижу.

Вжимаясь в дно, продвигаюсь вперед на локтях.

Черт, как громко трещат эти камешки подо мною!

Услышат же!

Сколько их там? Двое? «...нас сюда вели...» Не снайпер вел, надо отметить. Значит, и уводить будет не он, есть еще кто-то. И где же он или, точнее – они? «...вели...» Точно, не один человек.

Искать?

А этот тип будет развлекаться?

Еще пара метров, и приподнимаю голову над краем арыка.

Ага... надо полагать – это Роберт?

Тип в камуфляже (какой-то совсем незнакомый) присел на камень с видеокамерой. Снимает какого-то камуфлированного дядьку со снайперкой.

Ах вы, с-с-с... на охоту вышли?! Ждете, пока загонщик выгонит вам дичь? А сахиб ее подстрелит...

Ну а она оказалась не такой, как все, – сама к вам пожаловала...

Стрелять – стремно, наверняка тут охрана поблизости есть. Винтовочного выстрела они ждут, раз у этого типа винтовка в руках, а вот пистолетные или автоматные выстрелы их всполошат наверняка.

Осторожно подбираюсь к оператору, он весь занят съемкой, по сторонам и не смотрит вовсе.

Тюк!

Рукояткой пистолета бью его в висок и еле успеваю подхватить на руки обмякшее тело. Один есть...

А на поясе у него нож – здоровенный и красивый. Есть и кобура – очень похожая на ту, что дал мне командир.

Ладно, с нею разберусь попозже, а вот нож – очень даже кстати, это не мой штык от автомата, сто раз точеный-переточеный.

Видимо, стрелок услышал-таки что-то подозрительное. Но, как и положено сахибу, торопливости не выказал, лишь величаво повернул голову в мою сторону.

Да так и замер, открывши рот.

С ходу бью его ногою в подбородок – прямо как по мячу.

Ажно зубы клацнули!

Заорать он так и не успел. Да теперь и не успеет.
Взмах ножа – и кровища хлынула из разрубленного горла.
Ох, ни хрена ж себе, у оператора и рубило! Ну, раз пошла такая пьянка...
Еще несколько ударов – и голова покатилась по земле.
Хватаю рацию, лежащую около оператора.
– Ястреб – Пастуху!
– Слушаю.
– Отбой! Вы меня поняли?
– Нет.
– Операцию завершаем!
– Как хотите. Деньги вы уже отдали. Возврат невозможен.
– Да! Я так хочу! Не надо больше стрелять!
– Ждите. За вами сейчас придут.

Ага, из большой задницы мы, похоже, выбрались. Теперь – маленький подарок счастливой границе...

Засунув ствол винтовки между камнями, сгибаю его, сколько хватает сил. Не дюже до фи́га, но стрелять из нее теперь – себе дороже выйдет.

Подхватываю отрубленную голову, стараясь не запачкаться кровью. Так...

Ставлю ее на приклад снайперской винтовки и подхватываю камеру. Она лежит на траве, прислонившись к камню, и слегка жужжит мотором. В прозрачном боковом окошке видно, как вращается видеокассета. Объектив смотрит в небо – ищет ангелов? Неча от дела отлынивать, пускай трофейная техника поработает на всеобщее благо... Как пользоваться камерой, я знаю. Правда, не этой, ну да все они на один лад...

Ага, вот и кнопка зума.

Крупным планом снимаю безголовое тело сахиба и перевожу объектив на голову. Вот – теперь совсем другой коленкор...

Останавливаю съемку и, выдрав кассету, кладу ее на тело оператора. Вот привезут ее к счастливым буржуям, сядут они у телевизора на просмотр... то-то радости будет! Что не сами они сюда намылились... на сафари...

Камеру зашвыриваю в кусты. Обтираю нож о форму хозяина и одним взмахом разрезаю его ремень. Сдергиваю с него кобуру с пистолетом и ножны от ножа и прилаживаю их рядом с командирским стволом. Сую под труп сахиба расчекованную «эфку» и в темпе делаю ноги назад.

Уже почти добравшись до ребят, слышу сзади глухой взрыв. Надо полагать, охрана обнаружила непорядок...

Уж не знаю, кем там был этот сахиб, но шумиха была изрядная! Отголоски даже и до нас докатились. Особый отдел вынул из каждого душу по поводу этого боя, но ребята только пожимали плечами. Лежали, стреляли – по нам тоже кто-то стрелял. И все. Командир тоже недоумевал – какого рожна вам, товарищи, надобно? Скажите спасибо, что живыми вернулись да радиста раненого вытащили.

Про мою вылазку он молчал. Еще там, когда я, возвратившись, отдал ему пистолет и обо всем доложил, он, посмотрев на меня, тихо сказал: «Рукав об траву потри – кровь видно. И трофеи свои спрячь подальше, усек?»

А продолжение этой истории вышло и вовсе неожиданным. Неделью спустя Горбунов вызвал меня в штаб. Выслушав мой рапорт, буркнул: «Собирайся – с нами поедешь. Почту сопровождать».

Ничего необычного в этом не было, и вскоре я уже сидел на заднем сиденье «буханки».

Поплутав по городу, машина остановилась около какого-то домика. Водитель остался за рулем, а мы со старшим лейтенантом вошли в дверь. Это оказался ду́кан, причем я его знал. Стоял он напротив штаба, и наши офицеры частенько сюда заглядывали. Мне тут бывать не приходилось, но желание такое имелось.

Войдя внутрь, старший лейтенант обратился к хозяину, стоявшему вполоборота к нам и о чем-то разговаривавшему с каким-то лейтенантом. Тот был одет в новенькую форму, видать, только прибыл.

– Салам, уважаемый!

– Ваалейкум ваассалам, дорогой! Одну минуточку, сейчас я отпущу товарища лейтенанта...

Говоря это, он обернулся к нам, и мои руки сжались на автомате, сбрасывая предохранитель.

Щеку дуканщика пересекали два шрама...

Полосатый...

– Ястреб?

Лицо хозяина лавки изменилось, и его рука рванулась куда-то под прилавок.

Бац!

Перемахнувший через прилавок лейтенант вlepил дуканщику прямо в лобешник подкованным сапогом. Тот обмяк и сполз на землю. Из его руки выпал и глухо звякнул об пол пистолет.

– Что ж ты так? – укоризненно покачал головою лейтенант, вернее – капитан Лапшин, командир разведроты, подбирая оружие противника. А я и не узнал его! Лейтенантские погоны, непривычно новенькая форма – раньше-то я его все больше в полевой замызанной видел, да по вечерам. Днем и не встречались ни разу.

– Так... товарищ капитан... вырвалось как-то...

– Язык, любезный мой, за зубами держать надобно – дольше проживешь! Ладно, вяжи этого типа.

После быстрого обыска, который мы все учинили в магазине, предварительно заперев входную дверь, на свет божий появилась снайперская винтовка. Нашел ее Лапшин. Тайник был сделан в двойной стенке шкафа. Рядом на полу стояла пара ботинок. Подняв один из них, я удивленно присвистнул. Подошва на правом ботинке была в два раза толще обычной!

– Это чтобы следы путать, – увидев мой удивленный взгляд, пояснил капитан. – Когда в таком ботинке ходишь, у следопыта возникает мысль, что с правой ногой что-то не так. Вот и ищут колченогого.

Рядом с винтовкой обнаружилась тетрадь. Пролистав ее, Лапшин помрачнел.

– Это его бухгалтерия, – ответил он на немой вопрос Горбунова. – Когда и куда выходил, сколько положил наших. И сколько за это получил...

Да уж, сидя в этом логове, Саид мог почти досконально быть в курсе наших дел. Заходили сюда многие, даже и в обеденный перерыв забегали. Магазин стоял тут с незапамятных времен, и к его хозяину уже все привыкли. Так что и языки особо не контролировали. А мы-то все гадали – откуда у Саида информация?

– Ничего, – мрачно пообещал Лапшин. – У нас он тоже надолго не зависнет – по нему уже могила рыдает в три ручья...

Прибывшие вскоре солдаты из разведроты утащили слегка очумевшего хозяина. Привезли форму капитану, и он тут же переоделся. Для всех – дуканщик напал на Лапшина, что мы с командиром и засвидетельствовали. Капитан забрал с собой найденное оружие и бумаги.

Так и закончил свою деятельность «хромой Саид». А я сделал в памяти очередную зарубку...

Глава 15

Просыпаюсь оттого, что чья-то нежная рука гладит меня по голове. Не сразу врубаюсь в происходящее, в глазах все еще мелькают вперемешку то сухая трава, то дощатый пол магазина. А в ушах еще звучат сухие щелчки выстрелов. Надо же... столько лет прошло, а я,

оказывается, вижу все так отчетливо. Странно, с чего бы мне именно сейчас вспомнились эти давние события?

Поворачиваю голову вбок. Мирна сидит около меня, и ее тонкая ручка поглаживает мой лоб.

– Ты что же, так и не ложилась?

– Нет. Успею еще... Ты так метался во сне, звал кого-то. Мне стало страшно, и я начала гладить твою голову.

– Помогало?

– Да. А когда я убирала руки – все повторялось снова.

– Спасибо! – обнимаю свою сероглазку и прижимаю к себе. – Что бы я без тебя делал?

Она молчит, только плечи слегка вздрагивают.

Сколько мы так просидели, сказать трудно. К реальности меня вернул осторожный стук в дверь. Поворачиваюсь в ту сторону и только сейчас вижу, что Мирна спит. Осторожно укладываю ее на кровать и прикрываю одеялом. Бедная, она так всю ночь около меня и просидела...

Подхватив клинок, подхожу к двери.

– Кто там? – негромко спрашиваю я, приблизив губы к дверному косяку.

– Шесть.

Какой на сегодня пароль? Набор цифр до двадцати?

– Четырнадцать.

– Это Норн.

Открываю дверь. На пороге стоит Кот. Глаза его покраснелись, видимо, поспать не удалось.

Выхожу в коридор и киваю часовому на дверь. Он понимающе наклоняет голову и, вытащив клинок, загораживает проход.

Показываю Норну на лестницу и поднимаюсь по ней наверх.

– Что у нас нового? – спрашиваю его по пути.

– Один из постов видел чужих.

– Где?

Он указывает рукой на старую башню.

– Туда хотели пройти.

– И как?

– Похоже, что один из них словил-таки болт. На полу нашли следы крови.

– И все?

– Они успели куда-то нырнуть...

Наверху прохладновато. Солнце уже взошло, но еще не начало греть в полную силу. А еще ветер, что постоянно тут гуляет туда-сюда. У парапета стоит Лексли и смотрит на виднеющуюся вдали дорогу. Услышав наши шаги, оборачивается.

– Утро добрым не бывает, – вместо приветствия говорю ему.

– Это точно... – соглашается он. – Есть хочешь?

– И пить.

– Все на столе.

Лексли поворачивается к Норну:

– Иди поспи хоть пару часов.

Тот кивает, и его шаги стихают внизу.

Наливаю себе кваса. Он холодный! Аж зубы сразу свело. Надо чем-то его зажевать... А вот ветчина на столе лежит. И хлеб. Да еще яблоки! Живем!

– Гонец привез письмо, – говорит мне Кот, усаживаясь напротив.

– Угум... и что в нем?

– Отец Варшани с группой...

«Быстрого реагирования», – проносится мысль у меня в голове.

– ...монахов прибудет завтра утром.

– Неплохо, – отрываюсь я от поглощения пищи, – но лучше бы он с собою роту солдат прихватил. Мы тут скоро с ног падать будем от усталости.

– Две сотни солдат подойдут к полудню.

– Откуда это такой подарок?

– Барон Вольте направил к нам почти всех своих стражников.

– С какого бодуна?

– В городе живет его дочь... так что он считает себя твоим должником.

– Надо же! А отчего не в поместье? Есть же у барона свой замок?

– Есть. Но его дочь приехала в город, чтобы навестить свою подругу. А тут – Шерн... Говорят, барон чуть весь не поседел, когда про это услышал.

– Чуть?

– Борода осталась черной.

Надо же! Вот как мужика-то припекло!

– Сочувствую барону.

– Дочь – его единственный ребенок. Он в ней души не чает.

– Ладно, хоть проблему с охраной частично решим. И то – божий дар! А жизнь-то налаживается!

Лексли усмехается – этот анекдот я ему рассказывал.

– Слушай, – отгрызая зараз половину яблока, спрашиваю я у него, – а этот, стрелок подвальный, что, молчит пока?

– Интересно, – ухмыляется Кот, – а как это он сможет говорить с эдаким-то украшением во рту?

Сразу после задержания арбалетчика я посоветовал ребятам забить ему в рот деревяшку, дабы этот типус не откусил себе язык на манер японских ниндзя.

– Ну... – смущаюсь я, – по-разному же говорить можно...

– Покажешь? – ехидно спрашивает Лексли.

Черт, я тоже хорош – забыл про пленного! Надо было сразу его колоть, аж до самой задницы!

– Виноват! – поднимаю обе руки. – Признаю свою вину – меру, степень, глубину! И прошу меня направить на текущую войну!

Во как меня проняло! Стихами заговорил! Правда, не своими, а Филатова, но и их тут никто не знает.

– Здесь твоя война, – не понимает юмора Кот. – Куда ж ты еще ехать собрался-то?

– Да я это так, к слову.

Собеседник понимающе кивает.

– Стрелок пока молчит и желания к беседе не высказал.

– А слуга? Ну, тот, что на присяге сдриснул?

– Обычный жулик. Утащил несколько серебряных ложек и чуть не уписался со страху.

Посадили пока в холодную, пускай зубами постучит, авось поуменеет. Потом выгоним этого болвана за ворота, пускай убирается отсюда подобру-поздорову.

– Жаль... я думал, он хоть что-то интересное поведает.

Лексли разводит руками:

– Что есть – то есть.

– Ладно. Как с ходами тайными быть? Замок, похоже, весь ими пронизан, а мы и не знаем ничего. Где и какие входы, куда ведут? Ни хрена не ведаем!

– Тут Мирна вчера одну вещь подсказала...

Вскидываю голову и с удивлением смотрю на Лексли. Даже жевать перестал от удивления. И голод как-то притух...

– Она тут шерстила местную библиотеку...

– Тут и такая есть?

– А чего ты удивился? Граф считался просвещенным человеком, даже архивариусов держал, чтобы они порядок в ней наводили.

– Надо же... не ожидал от него!

– Ну, по правде это так было или для виду – сейчас сказать трудно. Но библиотека тут есть. И самое любопытное, что там же отыскался и архив графа! Его переписка, отчеты управляющих и прочие бумаги.

Так вот какие письма просматривала тогда моя сероглазка!

– Там есть ряд интересных моментов... – продолжает Кот. – Судя по ним, граф был осведомлен далеко не обо всем, что здесь происходило.

– Это как? – непритворно удивляюсь я. – Он же хозяин замка!

– Видишь ли... Мы с Норном всю ночь разбирали эти документы.

Вот отчего у того глаза были такие красные!

– Ну да, он даже спать не пошел, – утвердительно кивает Кот. – Так вот, все бумаги можно разделить на две части. Переписка графа и бумаги управляющего. И если граф в своих письмах касается вполне обыденных тем, то его управляющий... Полное впечатление, что он живет вообще в другом месте! Ни графа, ни замка для него вроде бы и нет вовсе! Он ни разу даже не упомянул о них! Все его письма (те, что нашли, разумеется) и ответы на них – исключительно отчеты о некой таинственной работе и ее результатах.

– О какой же?

Лексли пожимает плечами.

– Ну, если тут еще что-то делали, кроме того, что ты нашел... то я готов сожрать свои сапоги! Прямо он, конечно, ни о чем не пишет. Правда, мы прочли только черновики, подлинных писем немного, но прямых указаний ни на что нет.

– Интересно, зачем он вообще все это сохранял?

– Бог весть!

А похоже, я теперь понимаю – зачем. Дело, судя по всему, шло неважно, и дядя просто заранее готовил себе алиби на случай возможной неудачи. Рухнуло все, пришли с предьявой – а у него, нате вам – история в письмах! Вот, мол, я же предупреждал! Писал, просил – и все без толку! А что? Могло и прокатить. В наше время еще и не такие ляпы с рук сходили.

Глотнув еще квасу, объясняю свою теорию Коту. Поразмыслив, он с ней соглашается. Действительно, с этой точки зрения – все оправданно.

– А что бы нам его за хвост не подергать? – спрашиваю я, кровожадно потирая руки.

– Можно, – соглашается мой собеседник. – Сейчас лопаты принесем – и приступай.

– А их-то зачем?

– Ну, его же сначала откопать надо? А потом и дергай, за что хошь.

– То есть?

– Так ты же сам его и убил... Вместе с графом. Еще тогда.

Вот же черт! Что ж мне, тогда надо было предварительный разведдопрос среди всех этих злодеев проводить? На предмет их возможной нужности в будущем? Так в этом-то случае граф первый бы и уцелел!

Заметив мои терзания, Кот ухмыльнулся:

– Да забудь ты про него! Чай, головы у всех нас есть, сядем, почитаем – все по полочкам разложим... Что-нибудь да всплывет.

– Сам знаешь, что в первую очередь всплывает.

– Не без того, – кивает Кот. – Ничего, разберемся и с этим, слава богу, не в первый раз.

– Что, – удивляюсь я, – приходилось уже?

– По-всякому бывало, – неопределенно отвечает он.

Весь день мы с ним мотаемся по замку. Припомнив все, что я когда-либо читал о всяких там подземельях и тайных ходах, пытаюсь обнаружить хоть один из них. Но то ли из меня хреновый сыщик, то ли в книгах писали и вовсе несусветную заумь, ничего интересного найти не удалось. Тот коридор, в котором подрали неизвестного, мы дважды прочесали самым тщательным образом. И – фигушки!

Отогнав уже совсем бредовую идею залить пол водой и посмотреть, куда она будет

стекать, сажусь на какой-то выступ и задумываюсь.

Рядом устраивается Лексли. Он трет покрасневшие глаза и зевает.

– Может, ну их на фиг, эти поиски? – спрашиваю его.

Кот пожимает плечами.

– Наверное, мы не там ищем.

– Но данную парочку видели именно здесь!

Еще раз оглядываюсь по сторонам.

Как я уже упоминал, башня эта стоит почти особняком. Пройти к ней можно только по улице. Или, как это сейчас делаем мы, по подземному коридору. Он длинный, метров сто пятьдесят. И извилистый – делает два поворота. Так что его средняя часть ниоткуда не просматривается. Отсюда и возникло вполне обоснованное подозрение, что выход из подземелья как раз и находится в слепой для часовых зоне. Надо ли говорить, что этот отрезок коридора мы исследовали особенно тщательно?

Но – без толку.

Очередной раз разглядываю кровавые пятна на полу. Вот тут бежал раненый, здесь он на секунду остановился – чего-то ждал? На пол в этом месте натекло чуток побольше крови. Снова побежал, вот до этой точки. И – исчез! Кровавых следов тут больше нет. Не доходя до поворота коридора, они заканчиваются.

– Интересно, а что тут, наверну? – спрашиваю своего спутника.

– Внутренняя стена. Она здесь относительно нетолстая – чуть больше метра, тайный ход в ней сделать сложно.

– Но возможно?

– Сомнительно.

– Обожди... ведь в стене ворота есть, так?

– Есть. И что?

– А рядом будка привратника...

– Там сейчас наш человек, ворота закрыты.

– А как давно он там сидит?

– Ну... сразу после покушения. Это – мой приказ!

– Приказ правильный – не спорю. Но скажи мне, пожалуйста, он туда как скоро прибежал?

Лексли чешет затылок.

– Ну... с полчаса точно прошло. А что?

– Давай-ка мы еще и вот тут пост поставим. Только не прямо здесь, а у поворота. Есть у меня одна мысль...

Поднявшись наверх, некоторое время сидим просто на свежем воздухе. Все-таки свет фонарей и факелов в коридорах – это не яркое солнышко на улице. Нас слегка разморило, а Кот даже вздремнул минут десять. Не мешаю ему, пусть хоть чуток передохнет. Мы по этим коридорам почти четыре часа лазили, какой-то передых совершенно необходим, а то и ноги можно протянуть от перегрузки. Да и я сам чуток размяк на солнышке.

Глава 16

Будит нас обоих звук трубы. Продрав глаза, пулей несемся в привратную башню.

Из амбразур видно, что снизу поднимается колонна солдат. В передовых рядах везут знамя. Герб с этого расстояния не виден.

– Барон подошел? – спрашиваю у Кота.

– Похоже. По численности их как раз человек двести, как он и сообщил.

– Ладно. Стрелков на башнях предупреди – мало ли что...

Хотя я прекрасно понимаю, что две сотни солдат сметут нас за несколько минут. Тем

более что мы все уже давно на ногах, уставшие и измотанные бессонной ночью.

Свесившись вниз, даю команду впустить прибывших.

Скрипя, открываются огромные створки ворот, и в их проеме показывается всадник. Рядом с ним знаменосец.

Оба они покрыты пылью, видно, что торопились ребята сюда не на шутку.

Должно быть, барон этот тут немалая шишка. Двести стражников – сила! Так ведь он еще, поди, и не всех сюда отправил, должен же кто-то и в его владениях порядок поддерживать?

Мы с Лексли стоим в середине двора, и оба всадника направляются прямо к нам. За их спинами в проеме ворот показываются и все остальные. Спокойно и без суеты они разъезжаются по сторонам и выстраиваются в четыре шеренги. Парни, судя по всему, неплохо обучены и дело знают. Во всяком случае, их маневры вызывают одобрительную оценку у моего спутника:

– Грамотные ребята! Несколько часов марша, а снаряжение ни у кого не болтается, в седлах сидят крепко.

Подъехав к нам метров на десять, оба передовых всадника спешиваются. Следом за ними такую же операцию повторяют и остальные.

Первым идет крепкий и уже порядком немолодой дядька. Совершенно седые волосы резко контрастируют с черной бородой. Надо полагать, это и есть сам барон. Отстав от него на три шага, идет знаменосец. Отсюда я уже могу рассмотреть герб на знамени. На треугольном щите нарисован вставший на дыбы единорог. Не силен я в геральдике и не очень понимаю значение этого герба.

Подойдя на два метра, бородатый останавливается.

– Милорд?

Лексли кивает в мою сторону.

Бородатый делает шаг вперед, снимает шлем и опускается на одно колено. Знаменосец склоняет знамя, и по этому знаку все остальные солдаты следуют примеру своего командира. Остается на ногах только знаменосец.

Склонив голову, командир вынимает свой меч и протягивает его мне рукояткой вперед.

– Хоть я и не успел принести вам, милорд, вассальную клятву, однако же мой долг быть с вами рядом в минуту опасности!

Беру в руки меч и оглядываюсь на своего спутника. Тот молчит, предоставляя мне возможность самому принимать решение. Вот злодей! Я же ни уха ни рыла в этих церемониях! Что делать-то надо?

Шагнув вперед, я поднимаю барона на ноги.

– Принимаю вашу клятву, барон! И возвращаю вам ваш меч, ибо более достойного владельца ему не найти! Со своей стороны обязуюсь защищать вас и ваших людей так, как это и надлежит лорду!

Ничего не напортачил?

Вроде бы нет – Кот не высказывает никаких сомнений, да и барон спокоен.

– С сего дня и навсегда вы, барон, будете первым из тех, кто стоит рядом со мной. В мирное время и в годину испытаний! И все потомки ваши унаследуют это право!

Ух ты! Вот это я сказанул! Лексли удивленно раскрывает глаза. Видать, данная привилегия тут немало значит. Ну и пусть. По крайней мере, этот дядька производит хорошее впечатление. Хоть разок награда найдет своего владельца вовремя и правильно.

Барон смущен, надо полагать, не ожидал.

– Милорд... Такая честь для меня... Ведь я не принадлежу к лучшим родам ваших

вассалов. Есть и иные, знатные своими предками и заслугами... Я всего лишь выполняю свой долг!

А дядька-то правильный!

– Барон, долг выполнять обязаны все. Посмотрите вокруг – где все эти знатные и заслуженные люди? Вы первый – вам и честь! Не спорю, возможно, их предки знатны и их личные заслуги весьма велики. Однако же не передо мною! Никого из них сейчас тут нет, и почетное место возле меня по праву принадлежит первому из явившихся!

Он поворачивается к своим солдатам и поднимает вверх свой меч. Секунда-другая – и над вставшими с колен солдатами с лязгом поднимаются вверх две сотни клинков. Впечатляющее зрелище, надо сказать...

Поворачиваюсь к Лексли:

– Давай, занимайся пополнением. Ребят наших озадачь, пусть помогут.

Оборачиваюсь к бородатому:

– Как ваше имя, барон?

– Лэн, барон Вольте.

– Ну а меня здесь зовут Сандром, Лэн. Так что – будем знакомы!

Отвожу его в сторону и кратко поясняю обстановку. Предлагаю ему взять на себя охрану внешних рубежей замка, занять стены и внешние башни.

– Для внутренних постов, барон, нужно выделить группы по десять человек. К каждой такой группе будет прикреплен один из Котов. Они хорошо знают устройство замка и помогут вашим солдатам в организации службы. На постах стоим по четыре человека, прочие отдыхают и в резерве. Порядок смены обговорите с Лексли – он тут всем этим заведует. Смените слуг, у них своя работа есть. Кто у вас отвечает за кормежку и прочее?

Лэн бросает несколько слов знаменосцу, и вскоре к нам подбегают двое крепких парней. Один из них – прямо-таки вылитый прапорщик Сойкин, и я совершенно не удивляюсь, узнав, что именно он и заведует всей хозяйственной частью отряда.

Оборачиваюсь назад и машу рукой управляющему. Он скромно маячит на заднем плане, не вступая в наш разговор.

– Логен! Займитесь-ка вместе с людьми барона обустройством солдат. Твоих подчиненных сейчас сменяют с постов. Половину отправляй спать, небось еле на ногах стоят, а с прочими займитесь размещением людей. Казармы у нас тут есть?

– Есть, милорд. Можем свободно разместить еще столько же и даже больше.

– Вот и размести. Организуй готовку пищи, места для сна приготовить. Сменившимся вина, но – в меру! Лошадей в конюшню, накормить и расседлать. Два десятка держать под седлом – мало ли что. Тебе для этого нужно что-нибудь?

– Разве что хлеба испечь... на столько людей я не рассчитывал. Да зелени из деревни привезти.

– Возьмешь сколько надо помощников, деньги у тебя есть – не скупись! Сопровождение им обеспечите? – оборачиваюсь я ко второму из баронских заместителей.

– Сделаем, милорд, – басит он. – Не сомневайтесь, люди у нас опытные.

– Ну и славно! Снаряжение, вооружение – что-нибудь вам нужно еще?

В глазах баронского «прапорщика» загорается огонек интереса.

– Ну... есть немного, милорд...

– Логен! Обеспечь! Выдай со складов все, что потребно.

Спихнув со своих плеч все заботы об организации службы и обеспечении гарнизона всем необходимым, мы с бароном поднимаемся на стену. Облокачиваюсь на парапет и подставляю свое лицо прохладному ветерку.

– Устраивайтесь, барон. Не могу вам сейчас сказать, сколько времени вашим солдатам придется здесь провести. Откровенно говоря – и сам пока не знаю. У вас-то в поместье остался хоть кто-нибудь для охраны?

– Еще пятьдесят человек, милорд. Так что – порядок будет.

Двести пятьдесят стражников? Чем этот барон тут занимается?

– Если не секрет, Лэн, зачем вам столько солдат?

– Мои владения граничат с горами. А тамошние жители не всегда отличаются сильным законопослушанием. Да и дорогу нужно охранять... по той же причине.

Ну, все как у нас. Такие же безбашенные горцы. И те же проблемы во взаимоотношениях с ними.

– Обещаю не задерживать вас и ваших людей сверх необходимого. Кстати! – спохватываюсь я. – Вы сами-то хоть перекусить успели? А то о солдатах я подумал, а про вас-то и забыл! Есть хотите?

Барон не ломается, и вскоре мы с ним и уже возвратившимся Лексли сидим на верхушке башни, куда из кухни уже приволокли всяческой еды. Ну а чего выпить, у нас и так было. Проведя «фунный тест» над всем принесенным, киваю на стол – можно приступать!

Попробовав кваса, барон одобрительно крикает. Обернувшись к стоящему позади нас слуге, приказываю ему обеспечить баронских солдат аналогичным питьем.

– Право слово, милорд, – смущается барон, – вы ставите меня в неловкое положение...

– Это каким же образом, барон?

– Заботиться о своих солдатах надлежит мне... это же мои люди. Мне просто неудобно отвлекать ваше внимание еще и на это.

– Сейчас ваши солдаты охраняют мой замок, Лэн! Долг хозяина – проявить заботу о госте, не так ли? Кстати говоря, вы ведь не все наши напитки попробовали... Лексли, плесни барону... ну, сам знаешь чего...

Продукция Мирны оказывает свое обычное воздействие – барон пару минут хватается ртом воздух.

– А вот этой настойкой солдат мы поить уже не будем! Во всяком случае – не всех!

– Да уж... – соглашается барон. – У меня так и сон весь куда-то пропал... Мощное зелье!

– Иногда – так и слишком мощное, – ворчит Кот.

– Не буду спорить, – соглашается барон. – И все же, милорд, мне как-то непривычно видеть лорда, который настолько погружен в решение, в общем-то, совершенно рядовых вопросов.

– Как сказать, барон... – качаю головой. – Мне вот приходилось быть солдатом. Причем самым обыкновенным. И я помню, как много значит для него сытная и своевременная еда и теплая постель.

– Вы были солдатом? – удивляется он. – Где же?

– Далеко отсюда... даже слишком далеко. И война у нас была жестокая и безжалостная. Не дай бог вам, Лэн, хоть когда-нибудь увидеть что-то подобное. Пусть даже и во сне.

Собеседник мой переваривает сказанное.

– Но... ведь война вообще жестокое дело, милорд. Как же иначе? Да и куда же еще быть более жестоким?

– Увы, барон, есть куда. Мне приходилось видеть, как командиры отрядов жили в тепле и удобстве, в то время как их солдаты страдали даже от нехватки воды, не говоря уж обо всем прочем. Говоря о командирах, я не имею в виду сотников и десятников – те были вместе со своими солдатами. А вот генералы – те жили очень хорошо. А что касается меня... так я и лордом-то стал совершенно случайно – убил в поединке прежнего графа. Кто же знал, что мне придется занять его место?

– Я что-то об этом слышал, – после некоторого раздумья говорит барон. – Но всех подробностей просто не знаю.

– А оно вам надо? Хотя, если так хотите... – кратко пересказываю барону ту версию событий, которую мы вместе со Стариком и епископом придумали для всеобщего

распространения.

Он молча вертит в руках пустой кубок.

– Вы, милорд, перешли дорогу кому-то очень сильному, – наконец разлепляет он губы. – Боюсь даже предположить, кто это такой может быть.

Уж не жалеет ли он о своей торопливости? Накликал таким макарон на себя чью-то немилость. А что? Всякое может быть. Своя-то рубаха к телу ближе.

– Нехорошо говорить о мертвых плохое... но лгать – еще хуже, – Лэн ставит кубок на стол. – Покойный граф был... весьма своеобразным человеком. И в кругу его общения порою попадались очень странные и неприятные люди. Я говорил вам, что у меня частенько возникают стычки с горцами?

– Да, я помню.

– Еще мои предки построили в ущельях сторожевые башни. И этим очень сильно затруднили выход горцев на равнину. А уж вернуться назад с награбленным добром – стало и вовсе невыносимо. В то время в моем баронстве была всего лишь сотня стражников – и этого хватало.

– А отчего же сейчас их стало больше?

– Три года назад граф договорился с горцами и повелел мне снять посты из башен.

– Почему?

– Он не объяснил. Просто приказал – и все. Правда, не помешал набрать еще солдат.

– И что же? Горцы выполнили свою часть договора?

– Возможно, что договор с графом они выполнили. Хотя я, естественно, не знаю, о чем горцы с ним договорились. Но вот нам жить стало хуже – и здорово! Маленькие кучки разбойников постоянно проникают в наши поселения. Воруют скот, нападают на людей. Мы их по мере сил ловим. Но... – Лэн развел руками.

– Интересно! Я про это ничего не знал!

– Вам же должен был об этом доложить управляющий графа! – изумляется барон. – Он-то ведь был полностью в курсе дела – сам же эти переговоры и вел!

– Он был убит вместе с графом.

– Тогда... архивариус – вот! Этот тоже должен был знать!

– Увы, барон, я его вообще не видел. Во всяком случае, он тоже ничего для этого не сделал.

Мой собеседник пожимает плечами.

– Не знаю, милорд, отчего так произошло.

– Скажи-ка мне, Лэн, а те башни... они целы до сих пор?

– Целы. Горцам они не нужны – к ним и так никто не ходит, даже купцы. Там нечем торговать, и им нечем платить за товары. Так что и защищать проходы никому не интересно. Зачем, когда можно вместо этого угнать стадо или ограбить деревню?

– А разрушить башни они могли?

– Для этого надо всем собраться, несколько дней тяжелого труда... зачем? Кто будет за это платить?

– Ну... есть же общие для всех интересы?

– Это у горцев-то? Да там каждое поселение имеет своего вождя и не признает никаких авторитетов! Какое бы предложение ни выдвинул один из таких вождей, другой обязательно выступит против. Чтобы не показаться зависимым от соседа.

– Хм... Вот что, барон, я про этот договор ничего не знаю, его не подписывал и никому ничем не обязан. Короче – занимайте башни! И никого оттуда на равнину не пускать! Вообще!

– Совсем никого? – удивляется он. – А торговые караваны?

– Вы же сами сказали, что им нечем торговать. Или я не прав?

– Торговцы к ним не ездят – это факт. Но они сами часто ездят на рынки и...

Тут он замолкает и несколько минут сидит в размышлениях. Лексли осторожно толкает меня ногой и указывает взглядом на барона. Тот чем-то сильно озадачен. Наконец, морщины

на его лбу разглаживаются, и он поднимает голову.

– Вы правы, милорд, я действительно не знаю, что они там продают. Никто не залезал к ним в мешки.

– Большие хоть мешки-то?

– Приличные.

– Ну так вот, барон, больше никто никуда не поедет. Пешком – милости прошу! Далеко все равно не уйдут и назад особенно не притащат ничего. С сего дня и до особого распоряжения – хрен им, а не рынок! А вот когда на переговоры попросятся – тогда и приведете их ко мне!

Глаза барона вспыхивают довольными огоньками.

– С превеликим удовольствием, милорд! А если кто-нибудь спросит, на основании чего закрыты проходы?

– Во-первых, они не закрыты. Пешком ходить можно. Во-вторых, ссылайся на меня. Так и говори – приказ лорда. Эти горы ведь не входят в мои владения? – поворачиваюсь я к Лексли.

– Они и в наше королевство не входят. Вообще никуда.

– Чего так?

– А кому они нужны? Ничего интересного там нет, даже пастбищ нормальных всего ничего. Ими владели наши короли, потом эти земли захватили у нас соседи, но быстро об этом пожалели. Нервов и крови им это стоило прилично, а вот прибытка они не получили никакого. Даже в армию обитателей тех мест стараются не брать. Вояки они так себе, больше пограбить мастера. Делать же что-то иное им, по их понятиям, неприлично. Поэтому, воспользовавшись какой-то очередной смутой, соседнее королевство вывело оттуда свои войска... да так и забыло их туда вернуть. Обрадованные горцы подняли было очередное восстание, но быстро обнаружили, что воевать с ними никто не собирается, а выходы на равнину перекрыты стенами и башнями. С тех пор они и варятся в своем котле. Периодически воюют друг с другом за пастбища, за угнанный скот, еще за что-то...

– И как давно?

– Да уж лет тридцать.

– Тридцать шесть, – поправляет барон.

– Прилично! – качаю я головой. – И много их там?

– Кто знает? По приблизительным подсчетам – десять-пятнадцать тысяч войска они выставить могут. Из них около трети – конные, остальные пехота.

– И как?

– Полку латников и полку пехоты с арбалетчиками – на два часа работы, – наливая себе квас, проворчал Лексли.

– Три, – не соглашается барон.

– Ну, пусть будет так.

– Интересно, – берусь за баклагу с квасом и я, – их что же, всегда так мало было?

– Отчего же? – пожимает плечами Лэн. – Пока пусть и номинально, но имелась верховная власть, было получше. Войну из-за косо брошенного взгляда не затевали – все-таки коронные войска там стояли и шутить они не любили. Какие-то дороги строились, более-менее торговали с ними, даже и на заработки часть людей выезжала на равнину. Тогда мы оценивали их военные возможности гораздо выше. У них только конных было около пятнадцати тысяч. Ну а как начали они жить по-своему... так быстро друг друга поперерезали. Да и лошадей стало меньше – мы же перестали выпускать их табуны на выпас в предгорные равнины. Тем более что и предлог для этого был – они перестали быть подданными нашего королевства. Опять же – только травой лошадь кормить или еще и овсом, разница есть! А овес у них почти не растет – и сажать негде, да и не занимаются горцы таким делом, с их точки зрения, это не мужское занятие. Чуток выращивают, конечно, но лошадей этим не прокормить. И запрет на торговлю оружием с ними соблюдался неукоснительно. А сами они многого не накуют – некому, да и не из чего.

– Соблюдался?
Барон мнется.
– Ну... последнее время стали мы замечать у горцев доспехи неплохие, опять же мечи у них появились наши. То есть нашейковки, их кузнецы так не делают.
– А соседи? Не могут они с ними оружием приторговывать?
– До такой степени сумасшествия там еще никто не дошел. Это все равно что раненого волка в своем хлеву выхаживать. Встанет на ноги – тебя же и сожрет!
Интересные тут дела происходят... Все больше и больше знакомых моментов проявляется! Или это общее для всех миров? А бардак в управлении – такой же, как и у нас? Да ну... быть того не может, наш бардак – вещь исключительная и неповторимая! И, слава богу, откровенно говоря...

Глава 17

Заморив червячка, наша команда спускается вниз. Появляется Норн, и я тут же отсылаю Лексли спать. В приказной форме и не менее пяти часов. Обновившимся составом обходим замок. Баронские солдаты уже на постах, совлом не торгуют, службу несут грамотно.

Заглядываем и в казарму. Тут тоже все в ажуре, народ распределили правильно, не в тесноте, благо места хватает, но компактно. Опять же – все друг у друга на виду. Выставили и посты – это уже заместители Лэна подсустились, мы таких команд не давали.

Вообще надо отдать должное – барон оказался дядькой неплохим. Вояка опытный и дело свое знает добре. Вот таких-то в мирное время и задвигают, куда Макар телят не гонял. Зато во время войны на их горбу выезжает все верховное руководство. Мне даже становится неловко, что я к нему на «ты» обращался. По нашим-то меркам, он почти подполковник – а я кто? Тихонько консультируюсь на эту тему с Норном. Он меня успокаивает – по местным понятиям, это серьезный знак доверия со стороны сюзерена. Оказывается, даже тот факт, что я сам поднял барона с колен, а не просто приказал ему встать – уже серьезно выделяет его из прочих. Впредь надо лучше башкою думать, вот так кого не того поднимешь – а он и нос задерет на полном серьезе. И ведь прав будет, стервец!

Блин, надо будет епископа попросить, чтобы советника какого-нибудь знающего дал, что ли? Со здешними обычаями шутить – все равно что на минном поле плясать!

Кстати говоря, а чего это у нас городской голова не чешется? Тут его родной лорд пашет, понимаешь, как раб на галерах, а от него ни слуху ни духу!

Озадачиваю на этот счет Норна, пускай пошлет кого-нибудь в город – накрутят там хвоста некоторым товарищам...

Интересно, мелькает у меня мысль, а вот полки, что в город вошли, – они-то что сейчас делают? Нет, в замок я их, ясен пень, не пушу, хватит тут и баронских солдат. Но все-таки?

Ну, ладно – в городе солдаты эти проходом были. Куда, кстати, они после этого пошли? Лес-то и здесь есть?

А разбойники?

Они-то тут как – водятся?

А куда ведет дорога из баронского поместья, та, которую охраняют его стражники? Самый что ни на есть – торговый путь.

Как это в моем мире говорилось? «Было бы болото, а черти напрыгают!»

Дорога есть, купцы присутствуют. Даже стража есть. Стало быть – и разбойники наличествуют. Помимо отморозженных горцев – ну да это другая статья... отчего же полк сюда не пошел?

А хрен его знает!

В общем, день оказался насыщен заботами и хлопотами. Хотя, конечно, барон со

своими солдатами оказался очень даже к месту. По крайней мере, головная боль с охраной замка немного отошла на второй план. И даже сидящие где-то в тайниках злодеи не казались мне настолько опасными.

Смеркалось, когда мы наконец закончили обход замка и возвратились на свой командный пункт. Тут уже горели фонари, и вместо тента был установлен походный шатер, что сразу сделало это место каким-то уютным и домашним. Даже еду нам принесли не солдаты, а две симпатичные девчушки. Впервые за все это время удалось пожарить горячей пищи.

Сижу в кресле и просто-таки чувствую, как из ног понемногу уходит усталость. Однако же и поспать охота – просто сил нет! Надеюсь, что хоть сегодня ко мне не будут приходить воспоминания о военных временах. Так хочется просто подряхнуть в мягкой постели!

Прощаюсь со своими собеседниками и топаю вниз.

Как я добрался до кровати и оказался под одеялом – откровенно говоря, не помню до сих пор...

Разбудил меня звук рога.

Несколько минут лежу и пытаюсь собраться с мыслями. Потом, как-то сразу, в мозгах щелкает и все становится на свои места. Так, пора вставать. Новый день и новые заботы. Взгляд вбок – Мирны уже нет. Это сколько же я спал?!

Наскоро одевшись, накидываю перевязь с Рунным клинком и вылетаю в коридор.

Наверх или вниз?

Наверх.

Выйдя на площадку башни, застаю там Норна, который что-то помечает на карте. Стараниями моей сероглазки в библиотеке обнаружили карты не только замка, но и прилегающих земель. И когда Мирна вчера притащила нам целый ворох свитков, я при всех расцеловал ее в губы – ценность таких подарков была несомненной!

– С утром! – приветствую я Кота.

– И тебе того же! – серьезно отвечает он, не прерывая своей работы.

– Что там? – киваю я на карту.

– Отмечаю расположение постов и пытаюсь прикинуть возможные варианты прорыва из замка.

– И как?

– Понемногу... – рассеянно отвечает Кот, не отрывая глаз от карты.

Ну, с ним все ясно – с головой ушел в работу, и дергать его сейчас не нужно. Подхватив со стола пару бутербродов с ветчиной, топаю вниз. Кто-то же там трубил в рог? Вот и встретим как полагается...

Во дворе суета.

Баронский зам гоняет свободных от несения службы солдат. Заставляет их сдвигать ряды, поворачиваться и перестраиваться на ходу. Рядом с ним стоит парочка Котов и наблюдает за всеми этими маневрами. Отлично, ребята начали притираться друг к другу, это здорово.

Туда-сюда снуют слуги, тащат какие-то тюки, подметают двор.

В общем – и без лорда обошлись, каждый своим делом занят. Никого никуда не надо подгонять, все и так знают свою задачу.

Подавленный ощущением собственной брошенности и ненужности, уныло топаю в сторону ворот.

Там уже спешиваются очередные гости. Около них вижу Лексли и барона Вольте.

Подхожу ближе, и вот тут меня наконец замечают. Барон степенно кланяется, а Кот после приветствия тащит к приезжим.

От группы гостей отделяется коренастая фигура в рясе. Отец Варшани? Ну, слава богу!

Хитропоп благословляет меня и с ходу загружает тучей вопросов. Насилу

отбредавшись, предлагаю всем заинтересованным лицам проследовать в башню и обсуждать все дела там, где гарантированно не будет ничьих посторонних ушей. Попытку Лэна улизнуть на проверку постов пресекаю в зародыше.

Рассевшись вокруг стола, мы согнали с него Норна, который, что-то ворча под нос, вместе со своими бумагами переместился на нижний этаж. Вчерашняя девчушка принесла мне завтрак. Восхитительная яичница с колбасой – просто прелесть как хорошо! А холодный квас окончательно выгнал из головы все остатки сонливости.

Отец Варшани тем временем увлеченно роется в наших трофеях. С ним вместе пришли еще четыре монаха. И если двое из них выглядели вполне себе по-ученому, то вот оставшаяся парочка больше напоминала мне ребятишек из дивизии Дзержинского. Крепкие, атлетически сложенные фигуры, внимательные глаза, мягкие отточенные движения – спецназ да и только! Интересно, а как в этом случае сочетаются призывы к умерщвлению плоти и такие вот мордовороты? Или у здешних попов это не принято? Надо будет при случае выяснить...

Кстати говоря, Лексли тоже взял на карандаш эту парочку. Судя по взглядам, которые он время от времени на этих ребят бросает, относится он к ним предельно серьезно.

Хитропоп между тем о чем-то спорит со своими научными монахами. Разглядывая какие-то бумаги, они тычут в них пальцами и оживленно обсуждают какие-то, только им понятные, вопросы.

Ну и ладушки, я хоть перекусить успею, пока они там к общему мнению придут. Подмигиваю Коту и барону и указываю им взглядом на столик с едой. Они не заставляют себя долго ждать и присоединяются ко мне. Лексли при этом делает приглашающий жест и обоим монахам-спецназерам. Те не ломаются и подсаживаются к нам. Правда, мяса они все-таки не едят. Зато все остальное сметают со стола за милую душу. Попробовав квасу, удовлетворенно переглядываются и наливают себе еще. Ну вот, внеслужебное общение, да еще и за вкусным хавчиком, всегда способствует сближению и общему согласию.

Между монахами и Лексли завязался разговор, больше похожий на обмен ударами между боксерами в начале боя. Аккуратные прощупывания, малопонятные для непосвященного человека намеки и такие же невнятные, но, судя по всему, достаточно исчерпывающие для них ответы. Похоже, что взаимопонимание между представителями двух силовых структур успешно налажилось.

Не успели еще наши дебаты развернуться в полную силу, как хитропоп вдруг обнаружил отсутствие доброй половины собеседников, о чем и не замедлил уведомить нас негодующим возгласом. Пришлось заканчивать трапезу и перемещаться за общий стол.

– Ну, что ж, милорд, теперь можно с большой долей вероятности сказать, с кем мы имеем дело в настоящем случае.

Все сидящие за столом замолкают и внимательно слушают оратора.

– Посоветовавшись с братьями, – кивает хитропоп на научных монахов, – мы пришли к однозначному выводу: нашим противником выступает Орден молчащих братьев.

Похоже, если бы на стол сейчас кинули взведенную лимонку, то и это не так сильно подействовало бы на окружающих. Барон прикусил себе ладонь, Кот нахмурился и помрачнел, оба монаха-спецназовца озабоченно завертели головами. Только на меня это подействовало весьма относительно. Ну, братья, ну, Орден. Молчащие? Да хоть пляшущие!

– Вы совершенно в этом уверены? – подал голос Лексли. – Вы не подумайте, отец Варшани, что я сомневаюсь в ваших словах, но последнего представителя этого Ордена видели в наших краях более ста лет назад. Где же они прятались все это время? И может ли быть так, что за сто лет их так никто и не обнаружил? Ведь, насколько я помню, практически везде они объявлены вне закона.

– Понимаю твои сомнения, сын мой, – печально говорит хитропоп. – Поверь мне, что такой вывод тоже дался нам весьма нелегко. Но сомнений нет, это они. Слишком много совпадающих признаков на это указывает.

– Может быть, хоть кто-нибудь возьмет на себя труд объяснить мне, что это за Молчащие братья такие? Чем они знамениты и чем опасны? – спрашиваю я.

После недолгого молчания слово берет один из научных монахов:

– Для начала позвольте мне представиться: брат Иан. По роду своей деятельности я очень тщательно изучал все, что связано с деятельностью этого зловещего Ордена. Как некоторые из присутствующих, возможно, знают, представители этой организации очень часто использовали яды и отравленное оружие. Не будет преувеличением сказать, что такого размаха в использовании отравы ни до, ни после них никому достичь не удалось. Первые подозрения зародились у нас еще до того, как был применен Шерн. Мало кто знает, но все члены Ордена имели при себе отравленные перстни, которые в основном использовались для ритуального самоубийства. Не следует считать их трусами, это было бы ошибкой. Основная идея Ордена состоит в том, что любой из братьев предпочтет безусловную, пусть и очень мучительную, смерть выдаче секретов Ордена. По их вере, в этом случае он попадает прямо в рай, так как положил свою жизнь ради жизни братьев. История не знает ни одного случая, когда бы хоть один из них раскаялся или изменил свои убеждения.

– А что является целью их деятельности?

– Власть. Необязательно явная. Она может быть и опосредованной. История знает случаи, когда им удавалось достичь своих целей в отдельных местах. И всегда это оборачивалось чудовищной резней. Члены Ордена не останавливались перед массовыми убийствами и уничтожением всех, кто представлял или мог представлять угрозу их планам. Нет ни одного преступления, на которое не пошел бы любой из них для достижения поставленной цели.

– Допустим, брат Иан. Как умно сказал один из известных мне полководцев, – обвожу глазами собравшихся, – для любой войны нужны только три вещи: деньги, деньги и деньги. Откуда берут деньги Молчащие братья? Где и как они вербуют своих сторонников? Где их обучают? Где и каким образом варят свои зелья?

– Увы, – разводит руками монах, – ни на один из этих вопросов у меня нет сейчас ответа. Считалось, что последние Молчащие братья были уничтожены более ста лет назад одним из Серых рыцарей. Ему тогда удалось собрать армию, окружить замок, в котором скрылись последние представители этого Ордена, и взять его штурмом. Все захваченные в замке люди были им казнены. Собственноручно.

– Это сколько ж голов он срубил?

– Около двухсот.

– Ничего себе! – качаю я головой. – У него крыша после этого не съехала? Или там одни головорезы были, и совесть его после не мучила?

– Нет. Там были и женщины. Слуги и служанки. Солдаты, оборонявшие замок. Была также и семья хозяина замка. Серый рыцарь не пощадил никого. Что случилось с ним после, никто из нас не знает. Ночью он ушел из лагеря, и больше никто его не встречал. Но сейчас, оглядываясь назад, я не могу бросить в него камень. Благодаря его страшному поступку мы получили сто лет спокойствия. И я не могу его осудить.

Некоторое время все молчат. Я тоже не нахожу слов. Впервые одна из возможных сторон моей деятельности предстала передо мной таким жутким образом. В душе я, пожалуй, понимал мотивы, которые двигали моим предшественником. У него не было никакого другого способа полностью искоренить эту страшную заразу. Смог бы я, окажись вдруг на его месте, совершить что-то подобное? Ответа у меня не было. Именно сейчас я вдруг ощутил жуткую глубину той пропасти, которая пролегла между мною и любым из присутствующих. Встань перед кем-либо из них столь сложная задача, всегда есть возможность если и не спихнуть ее на другого, то хотя бы посоветоваться. И, в крайнем

случае, разделить ответственность. Советоваться, в принципе, мог и я. А вот делить ответственность было не с кем.

– Да, брат Иан... умеете вы настроение поднимать...

– Увы, милорд, такова суровая правда, – разводит руками монах.

– Ну, будем надеяться, что хоть здесь обойдется без массовых казней. Замок – наш, и из противников тут присутствуют всего двое, которые где-то спрятались. Еще двое уже лежат на леднике, один сбежал. Больше никого подозрительного здесь нет. Во всяком случае – мы не нашли.

– Вместе поищем, милорд. И не только здесь.

– Кстати, – вновь берет слово хитропоп, – что у вас тут за интересная находка?

Мы с Лексли переглядываемся. Гонец, отправленный к епископу, в тайной комнате не был и должен был передать лишь то, что нами обнаружены некие предметы и вещи непонятного назначения. Для их изучения мы просили прислать самых опытных специалистов из епархии отца Варшани. Даже прочти перехваченное послание кто-либо посторонний, это мало что ему бы дало.

– Это надо видеть своими глазами, святой отец, – встаю из-за стола. – Вы готовы?

– Да, – пожимает он плечами. – Можем идти прямо сейчас.

– У вас есть с собой что-нибудь подобное? – выкладываю на стол перчатки, подаренные мне Мирной.

Третий из монахов, доселе сидевший молча, осторожно берет их со стола, осматривает и кивает:

– У нас есть такие вещи.

– Потрудитесь взять их с собой...

Приглашаю всю группу на выход и, пропуская монахов вперед, придерживаю за локоток барона.

– Лэн, – смотрю я ему в глаза, – то, куда мы сейчас отправляемся, может быть причиной серьезного потрясения.

Он молча глядит на меня.

– Барон, не подумайте, что я сомневаюсь в вашей храбрости... просто... это нечто большее, чем...

Чем что? Как найти слова, чтобы не обидеть этого, симпатичного мне, дядьку?

– ... чем просто смерть...

– Милорд, – тихо и очень серьезно говорит мне он, – дав мне право стать первым около вас, вы не оставили мне выбора.

– Сейчас можно выбрать, Лэн. Поверь, это не будет трусостью! Просто... не каждый человек сможет остаться человеком после увиденного там.

– Сандр, – берет он меня за руку, – я не молод и видел многое... И кое-что предпочел бы забыть навсегда. Но бог рассудил иначе – память моя тверда, как и раньше. Никто из нас не должен колебаться на своем пути, сколь труден и опасен бы он ни был. Ты сам это видел?

– Да.

– И не сошел с ума?

– Нет. Если и я поддамся такой слабости... то кто, кроме нас, спасет этот мир?

Барон кивает. Поднимает со стола свой шлем и надевает его.

– Милорд, прошу разрешения сопровождать вас.

– Прощу вас, барон, быть моим спутником.

Проходя мимо тумбочки, прихватываю с нее пару фляг с настойкой. Есть у меня ощущение, что лишними они сегодня не будут.

Выходим во двор. Научные монахи уже успели покопаться в своем багаже и теперь готовы следовать за нами.

Глава 18

Путь до мастерской Мирны не занял много времени. Вот и входная дверь. Около нее пост – десяток солдат. Проходим дальше. Вот и тайная дверь в стене, здесь помимо солдат присутствуют два Кота.

Подойдя к двери, командую: «Коты – со мной, прочим – обеспечить охрану двери. Сюда входить только в случае крайней необходимости, да и то, если на нас будет совершено нападение».

– Как мы об этом узнаем, милорд? – совершенно спокойно спрашивает меня седоусый десятник, командовавший здесь баронскими солдатами.

Разумный вопрос. Это уже я, лопух безмозглый, сразу не сообразил. Поворачиваюсь к Лексли.

Увидев в моих глазах невысказанный вопрос, он кивает.

– Сейчас подойдут еще трое Котов. Они пройдут с нами дальше вглубь, оставаясь стоять так, чтобы видеть и слышать друг друга. В случае необходимости один из них успеет выбежать назад и вызвать подкрепление.

Теперь все готово, и мы можем двигаться дальше.

Входим в коридор. Он не слишком узок, и идти тут можно достаточно свободно. Где-то наверху неведомые строители пробили в толще камня узкие шахты. Надо полагать, в них установлены зеркала или что-то наподобие этого, ибо через неравные промежутки коридор освещен. Не слишком хорошо, но пока можно идти, не пользуясь фонарями или факелами.

Коридор идет вниз, слегка заворачивая направо. По мере того как мы спускаемся, шахт-осветителей становится меньше, и вскоре мы выходим на небольшую площадку. На полках здесь стоят фонари и лежат связки факелов. Может быть, я и параноик, но после возвращения снизу каждый фонарь в свое время прошупал Рунным клинком – опасался отравы. Трудно, что ли, добавить какой-нибудь гадости в масло?

Киваю всем сопровождающим на полки.

– Прошу! Внизу не так уж и много света, так что выбирайте, кому и что больше подойдет.

Один из монахов-спецназеров достает откуда-то огниво и помогает зажечь фонари. Предусмотрительный товарищ, я вот как-то лопухнулся на эту тему!

Еще поворот, и вот перед нами дверь. Сейчас она закрыта.

Оборачиваюсь и оглядываю всех своих сопровождающих.

– Прошу быть предельно внимательными! Надеть перчатки тем, у кого они есть. Голыми руками ничего не трогать и вообще – быть максимально осторожными! Мы почти ничего не знаем о том, что здесь находится, и были тут всего один раз. Хозяева этого места могли оставить тут всякие неприятные сюрпризы для незваных гостей.

Отец Варшани кивает. Он уже в достаточной степени заинтригован, и на его лице явственно видно желание поскорее открыть эту дверь.

– Все готовы? Тогда – пошли.

Толкаю массивную дверь, и она неожиданно легко открывается.

Сразу за порогом начинается большое помещение. Откуда-то сверху падает рассеянный свет, освещая его, но дальние углы все-таки скрываются в темноте. Но даже и того, что можно рассмотреть, оказывается вполне достаточно, чтобы шокировать моих спутников.

Окружая невысокий постамент в центре помещения, по кругу равномерно расставлены столбы. И почти на каждом из них висит человек... Здесь преимущественно дети, начиная с десяти-двенадцатилетнего возраста, и молодые девушки. Мужчин мало, в первый наш визит сюда мы насчитали всего человек десять. И это, как правило, зрелые, крепкие люди.

Тела людей обнажены, на многих из них зияют кровавые порезы. Несмотря на то что некоторые из них почти высохли, в помещении нет запаха тлена и разложения.

Здесь тихо, слышно, как поскрипывают песчинки под ногами кого-то из нас. Слышно, как где-то в глубине помещения капает вода. Монотонно и неторопливо.

Взвизгивает песок!

Не сговариваясь, все монахи разом опускаются на колени и наклоняют головы. Отец Варшани начинает читать какую-то молитву. Я не очень хорошо разбираю слова, читает он молитву негромко, но, судя по всему, она хорошо известна его людям, и все повторяют ее вслед за ним.

Оглядываюсь на Котов – они стоят, только сжимающие оружие руки побелели. Эти не спускались со мною в первый раз, и данное помещение видят впервые. Барон – так вообще стоит весь белый. Представляю, каково им сейчас...

Беру у одного из Котов факел и иду по кругу, зажигая укрепленные на колоннах светильники. В помещении понемногу светлеет, и некоторые, особенно жуткие, подробности становятся видны лучше. Эти люди не умерли просто так, от голода и жажды. Многих из них перед смертью подвергали пыткам, и на телах отчетливо видны следы истязаний.

Возвращаюсь назад и отдаю факел хозяину.

Монахи уже на ногах.

– Что это, сын мой? – хитропоп явно потрясен. – Какими ужасными делами занимался здесь прежний лорд?

– При всех его прегрешениях, истинная мера которых видна только Господу, не думаю, святой отец, что он к этому причастен.

– Отчего же? Граф был хозяином замка и должен был знать...

– Должен. Но, скорее всего – не знал. У меня есть основания так полагать.

– Это – то самое важное дело, ради которого вы и потребовали нашего приезда? – сухо спрашивает брат Иан. Он старается себя сдерживать, но я вижу, с какой силой сжимаются его руки на кольце фонаря. Молодец монах, понимает, что не время сейчас показывать свои истинные чувства.

– Отчасти. Пройдемте за мною. Только осторожнее! Сами понимаете, что тело, пробывшее здесь достаточно долго, неминуемо должно разложиться. Однако, как вы видите – этого не произошло. Бог знает, какие методы были для этого использованы и насколько они опасны для живого человека! Так что лучше воздержитесь пока подходить к телам близко.

Обогнув столбы с распятыми на них телами, прохожу в центр помещения. Здесь на небольшом постаменте стоит серебряное блюдо. В его центре имеются два углубления, в которых лежат знакомые шипастые шарики. Вытаскиваю Рунный клинок, и все присутствующие видят, как чернеет его острие. В воздухе повисает низкое гудение. Убираю оружие и поворачиваюсь к монахам:

– Ну, что, брат Иан? Я полагаю, что некоторые вопросы, остававшиеся до сих пор вам неясными, найдут здесь свое разрешение?

Он подходит к постаменту и некоторое время смотрит на него.

– А что находится там? – кивает он в глубь помещения.

– Какие-то столы, шкафы с книгами, пара комнат. Сейчас они пусты, и я не знаю, что именно там делали. Впрочем, вы ведь и сами все это можете осмотреть.

– Сколько их здесь? – отец Варшани обводит глазами столбы.

– Людей? Шестьдесят восемь человек. Думаю, что последний умер совсем недавно, на мой взгляд – около недели назад.

Он качает головою.

– Я предполагал, конечно, что встречу здесь что-то необычное, как и все, что с вами связано, сын мой... Но чтобы настолько... Моя фантазия просто не в силах измыслить такое... настолько жестокое и бесчеловечное деяние.

Понимаю попа. Я тоже не сразу сумел уложить в своих мозгах все, что здесь увидел. Более всего потрясло даже не то, как жестоко умерщвляли здесь всех этих людей, а

холодный и трезвый ум того, кто этим процессом руководил.

– Посмотрите сюда, – наклоняю вниз факел. – Видите? Столбы не замурованы в пол, их можно передвигать.

– Зачем?

– Трудно сказать. Но столб расположен к постаменту тем ближе, чем меньше и моложе человек, распятый на нем. Наверное, это имеет какое-то значение, только вот какое?

Мы пробыли в этом страшном месте еще около часа, после чего я в приказном порядке погнал всех наверх.

Даже я, хоть и спускался сюда уже не в первый раз, начинал чувствовать нехватку воздуха. Это не было связано с его отсутствием – что-то, а вентиляция здесь сработана на совесть. Нет, просто вся атмосфера этого жуткого места начинала понемногу сводить меня с ума. Хотелось вытащить клинок и методично настрогать в мелкую лапшу автора данного кошмара.

Оглядываюсь на барона и понимаю, что, судя по его внешнему виду, кровожадность моих помыслов существенно отстает от его воображения. У него даже глаза кровью налились, того и гляди – рванет. Догоняю и, отвернув пробку, сую ему в руку флягу. На полном автомате Лэн делает глоток. Еще один – и только после этого приходит в себя. Вполне осознанно глотает из фляги еще разок и лишь потом возвращает ее мне.

– Благодарю вас, милорд... это именно то, что сейчас мне нужно.

– Я же предупреждал...

– Дело в том, милорд, что там, внизу, на одном из столбов висит дочь моего солдата... Она пропала пару месяцев назад, все думали – заблудилась в лесу. Ее искали. Долго. Даже мои солдаты прочесывали лес. Но... А сегодня я увидел ее там...

Барон замолкает и вытирает пот со лба.

– Что я ему скажу? Ведь я держал Лайну на руках...

Да... плохой из меня советчик в таких вопросах.

Поднявшись наверх, все рассаживаются вокруг стола. Тишина, говорить никому не хочется. Пускаю фляги по рукам – не помогает.

Ладно, раз уж так дело пошло – беру вожжи в свои руки.

– Итак, мы все это видели. Отец Варшани, понимаю, что требовать от вас каких-то выводов сейчас рано, но все-таки – что это за место? То, что там присутствует Шерн, – очевидно. Что еще там может быть? И зачем меня настойчиво уговаривали покинуть замок на один день?

Хитропоп молчит. Он разом постарел лет на десять, и теперь хорошо видно, что это, в сущности, уже немолодой и сильно загруженный заботами человек.

Брат Иан поднимает голову:

– Брат Манрике, может быть, вы...

Встает третий научный монах. Проведя рукою, сбрасывает капюшон. Он совершенно седой, лицо изборождено крупными морщинами. Надо полагать, что этот дядя тут по возрасту самый старший.

– Пожалуй... Я многое видел... еще больше слышал и вот что могу сказать по этому поводу. Сами того не ожидая, мы нанесли страшный удар прямо в сердце этого зловещего Ордена!

Глаза присутствующих оживляются. Ну, хоть что-то!

– Я... трудно сейчас утверждать... но, если мне не изменяет память, то, что мы увидели внизу, – его святилище. Здесь рождается Шерн и происходят основные обряды.

– Какие, брат Манрике? – Очень бы мне хотелось знать, как можно побольнее наступить на хвост этой ядовитой гадине. Подкованным и окольчуженным сапогом. И давить, давить, давить – пока кровь не брызнет через кожу.

– В основе верований Ордена лежит культ Незримого. Это их божество, властное над

жизнью и смертью всего живого. Ему поклоняются адепты Ордена, его именем совершаются все их злодеяния. Последнее такое святилище было уничтожено почти сто пятьдесят лет тому назад, и с тех пор о них никто более не слыхивал.

– То есть, если я правильно понимаю, во взятом сто лет назад замке его не было?

– Замок был разрушен, и это место перепахано. Сейчас уже невозможно ничего утверждать... но, думаю, что такой факт, как обнаружение святилища, наверняка был бы как-то отмечен в летописях.

– Ага... значит, эти ухари отсиделись здесь? И потихоньку восстановили структуру Ордена?

Манрике качает головой.

– Я бы не спешил с выводами. Мы слишком мало знаем о них. Как-никак, а сто лет прошло! Что-то старое могло отмереть...

– А новое народиться?

– И так тоже могло быть.

– Может быть, есть смысл попытаться об этом нашего пленника? Да еще двое его соучастников где-то ныкаются, может, заодно и их поищем?

Среди монахов наблюдается явное оживление. Особенно воспряли спецназеры. Кратко поясняя всем сложившуюся ситуацию.

– Ну, – потирает руки брат Иан, – это уже веселее...

– Вы уверены, что сможете заставить говорить пленного? – поднимает бровь Лексли.

– Сын мой, – нравоучительно говорит монах, – за сто лет и мы кое-чему научились...

Воображение услужливо подсовывает мне зрелище «испанского сапога». А ведь там и еще чего-то подобное было...

– Опытом не поделитесь? – заинтересованно спрашивает Кот.

– Охотно, сын мой. Только вот боюсь, что толку с этого для вас будет не так уж и много...

– Ничего, – кивает Лексли. – Посмотрим...

– Я готов снова спуститься вниз, – говорит Манрике. – Возьму с собою троих помощников и тщательно осмотрю все помещение. Брат Монер!

– Да, ваше преподобие! – встает один из монахов-спецназеров.

– Мне потребуются также и ваши братья. Троих человек будет вполне достаточно.

– Они будут ожидать ваших распоряжений внизу.

А монах-то, монах! Даром, что в летах, а хватка у него...

– Может быть, брат Манрике, мы тоже можем быть вам чем-то полезны? – вклиниваюсь в разговор и я.

Он качает головой.

– Я бы не хотел слишком уж травмировать души ваших солдат, милорд...

Яснее и не скажешь! Только что нас вежливо послали...

– Но я имею очень большой опыт осмотра мест преступления, брат Манрике!

– Уверю вас, милорд, когда дело дойдет и до этого – я лично попрошу вашей помощи!

– Но...

– Вы умеете искать следы ворожбы? Или колдовства? Можете отличить белую магию от черной? В таком случае попрошу вас приступить к делу немедленно!

Все! Уел меня монах! Виновато развожу руками и сажусь на место.

Тем временем хитропоп пришел-таки в себя. И вспомнил, кто тут главный бугор.

– Брат Рон!

Вскакивает второй монах-спецназер.

– Окажите помощь милорду в поиске и поимке скрывшихся злодеев!

Барон и Лексли почти синхронно фыркают.

Глава 19

Понимаю их ощущения, но посмотреть на этих ушлых ребяташек в деле – необходимо. Должны ли мы впредь смотреть и в их сторону тоже, или можно быть спокойным в этом отношении? Опережаю своих соратников. Только разногласий нам еще не хватало!

– Мы будем вам весьма признательны за помощь, отец Варшани! Ни один человек лишним не будет! Особенно в таком деле...

Караульный солдат отходит в сторону, пропуская нас к пленнику.

Бывший стрелок полулежит на охапке сена. После того как он, очухавшись от последствий задержания, попытался забодать голову стеной, его веревками закрепили в таком положении, что достать до нее теперь весьма затруднительно. Пленный в сознании и только злобно поблескивает глазами, глядя на нас.

Брат Иан опускается на корточки и, откинув с головы капюшон, внимательно его разглядывает. Удовлетворив свое любопытство, оборачивается к сопровождающим нас монахам. Перекинувшись несколькими тихими словами, они приступают к делу. Двое из них подходят к пленному, приподнимают и усаживают. Становятся по бокам, положив свои руки ему на плечи. Еще один садится напротив и кладет руки ему на голову. Никаких приспособлений, способствующих эффективному допросу, у них не видно. Прячут под рясками? Ну, уж от нас-то могли бы и не скрывать...

Попытка злодея очередной раз забодать хоть кого-нибудь резко пресекается дюжими ребяташками из церковного спецназа. Их двое, и они действуют жестко, но без особого садизма. Голова стрелка зажата их крепкими руками, словно в тиски.

Сидящий напротив него монах что-то тихо начинает... напевать? Или монотонно говорить? От порога камеры, где мы стоим, это не слишком хорошо слышно, а ближе нас попросили не подходить. Вот и стоящие по бокам монахи включаются в это действие. Их голоса тоже вплетаются в тихий речитатив поющего. Пленник выгибается, стучит ногами по полу, но монашеский спецназ держит его крепко. Станный напев продолжается, и я чувствую, как у меня самопроизвольно закрываются глаза. Клонит в сон. Бросив взгляд на Лексли, вижу, что и у него то же самое.

Гипноз – вот это что!

Провожу рукой по лицу, стряхивая наваждение.

Ага!

Щас!

Монахи свое дело знают добре, сонливость только усиливается.

Касаюсь правой рукой рукояти Рунного клинка...

Словно холодная волна окатывает меня всего!

Слух резко усиливается, и теперь я различаю малейшие интонации в голосах монахов.

Сидящий монах простужен, а тот, что стоит справа – слегка картавит. Слышу напряженное дыхание пленника и скрип его зубов по деревянному кляпу. Всю сонливость снимает как рукой!

Касаюсь левою рукой Кота и вижу, как аналогичный эффект происходит и с ним. Он встряхивает головой и поворачивается ко мне.

– Что это было, Сандр? – тихо шепчет он.

– Тс-с-с! Не мешай им! Это страшная штука – гипноз! Потом расскажу... – так же шепотом отвечаю ему я.

Спецназовцы отпускают пленного. Он более не рыпается, сидит тихо, плечи его безвольно обвисли.

По знаку сидящего монаха один из них извлекает изо рта стрелка деревянный кляп. Он почти пополам перегрызен! Обернувшись к Коту, показываю ему на эту деталь. Тот кивает и, забрав деревяшку, выскакивает с нею в коридор. Через минуту возвращается и снова становится рядом.

Надо же, пленный начинает повторять слова вслед за монахами! Эх они его...

Повернувшись к нам, брат Иан призывно машет рукою.

Подходим ближе и становимся так, чтобы все видеть и слышать.

– Как твое имя, брат? – негромко спрашивает сидящий монах.

– Брат Лорус... – словно сквозь сон отвечает стрелок.

– Каких высот ты достиг на пути своего служения?

– Я Ищущий.

– Сколь долго продолжается твой путь?

– Три года.

– Зачем ты пришел сюда?

– Мы сопровождали брата Манна. Он должен был донести до высших содержание разговора нашего брата и Исчадия.

– Кого?

– Люди называют его Серым рыцарем. Это исчадие ада на земле – одна из самых страшных угроз нашему делу.

Стрелок говорит монотонно, не открывая глаз. Его глаза закрыты, он словно бы спит. Практически не делает пауз между словами, отчего я не сразу понимаю его слова.

– Почему тот, кто говорил с ним, убил себя?

– Он выполнил свой долг и заслужил единение с Незримым. Исчадие должно было видеть мужество нашего брата.

– Это было все, что ты должен был здесь делать? Ты не должен был уходить из замка?

– Нет. Мы должны были оставаться здесь. Ждать указаний, а до этого времени исполнять свою работу, на которую нанялись.

– Сколько вас тут было?

– Шесть человек.

– Где могут скрываться твои братья?

– В замке много таких мест.

– Их как-то можно отличить?

– Около входов обычно есть знак – спираль.

– Обычно?

– Есть и другие входы, я про них ничего не знаю.

– Как можно открыть двери в эти ходы?

– Надо нажать руками на два рычага. Один открывает запор, второй открывает дверь.

– В каком порядке надо на них нажимать?

– В любом...

– Твои братья ушли в сторону старой башни, что им там нужно?

Лорус молчит. Его тело еще больше обвисает в руках монахов.

Сидящий монах озабоченно наклоняется к нему и вслушивается.

Но даже со своего места я различаю, что пленный уже не дышит. Отпускаю рукоятку клинка, и обостренные чувства приходят в норму. Надо же! Какими свойствами обладает мое оружие!

– Он мертв, – поворачивается сидящий монах к брату Иану. – Жизненная сила покинула его. Это был крепкий человек – он долго сопротивлялся.

Все монахи встают в шеренгу и, наклонив головы, читают молитву.

Ну, ни хрена ж себе! Да уж... это будет покруче «испанского сапога»...

По пути в башню, не удержавшись, спрашиваю брата Иана об их методе допроса.

– Только немногие способны проводить этот ритуал, – вздохнув, отвечает он. – Это требует огромного расхода сил, и им теперь долго придется восстанавливаться. А в данном случае их еще ожидает месячный пост на хлебе и воде. И долгое молитвенное бдение.

– Почему?

– Допрашиваемый умер, и мы не сумели этого предотвратить.

– Это враг, он и так стремился к смерти.

– Прежде всего это человек! Наш долг – спасти его, а не покарать. Как бы то ни было, не проводи мы допроса – он бы еще жил.

– Боюсь, брат Иан, что недолго. Он почти перегрыз кляп. Еще немного – и мог откусить себе язык. И тогда он просто захлебнулся бы своей кровью. Я такие случаи знаю.

– Интересно! Не знал о таком способе самоубийства, учтем. Изначально я был удивлен вашей жестокостью – засунуть человеку в рот деревянный кляп! Теперь понимаю.... Но это не умаляет нашей вины.

Глава 20

И вот мы снова в башне.

Отсутствует только брат Манрике – уже спустился вниз. Ну, помогай ему бог!

Брат Иан подробно рассказывает о результатах допроса.

Некоторое время идет обсуждение, после чего мы решаем вплотную заняться поисками уцелевших злодеев. Заодно и замок прочешем на наличие тайников. Будем искать спирали на стенах или еще где-нибудь. Подробно рассказываю о том, каким образом мне удалось обнаружить рычаги, открывавшие дверь в святилище. Показываю, как искать следы в косопадающем свете. Первая в этом мире лекция по криминалистике имеет ожидаемый успех.

Сформировав из Котов, солдат барона и монахов группу поиска и захвата, топаем к стене, отделяющей старую башню от прочих строений замка.

Вот и будка привратника, в ней сидят солдаты барона.

Они выходят на улицу, и монахи начинают методично осматривать стены и пол строения. Минут через двадцать один из них поднимает руку – нашел!

Мелкие трещинки на полу образуют замкнутую фигуру – люк. После недолгих поисков обнаруживаем и рычаги, открывающие его.

Ломиться в подземелье в лобовую нельзя – крайне высока вероятность обнаружения в помещении двух покойников. Монахи это учитывают и соответствующим образом готовятся. Принесенными с собою кусками ткани они тщательно заделывают все щели в окнах и в двери.

После чего один из них разливает по полу какую-то жидкость и, зажимая мокрой тряпкой нос и рот, выскакивает на улицу. Дверь тут же закрывают и тщательно герметизируют мокрыми тряпками все щели.

– Что с ними там будет? – интересуется Лексли.

– Если внизу кто-то есть – уснет. Очень крепко и будет спать долго. Правда, голова у него будет после этого болеть...

– Главное – чтобы осталось то, что будет болеть, – философски замечает Кот.

Стоим и ждем. Из-под двери просачивается тяжелый запах, и мы отходим в сторону. Так проходит примерно полчаса, после чего старший монах (эту роль исполняет брат Рон) делает своим ребятам знак, и они сноровисто начинают раскупоривать и проветривать помещение. Один из монахов зажигает какой-то необычный факел и заходит с ним внутрь. Факел трещит и брызгается искрами. Но воздух очищается достаточно быстро.

– Ну, – говорит мне Лексли, – показывай! Никто из нас пока что не умеет отрывать эти двери.

Становлюсь около люка – один из солдат тут же выставляет между мною и крышкой свой щит, и кладу руки на рычаги.

Левый... не идет.

Правый – поддался!

Еще раз левый, ага, пошел...

Щелчок – и крышка приподнимается над полом. Совсем немного, но ее уже можно зацепить и приподнять еще выше.

Кто-то из монахов это и делает.

Перед нами спуск вниз, в стене колодца видны металлические скобы.

Из колодца несет таким же запахом, который только что мы ощущали наверху, значит, зелье туда все-таки попало.

Слышно, как внизу что-то звякает – сигнал? Монахи сноровисто разматывают веревку, и один из них пулей соскальзывает по ней вниз. За ним – второй. Лица их замотаны мокрыми тряпками, и второй, прежде чем спрыгнуть вниз, кидает первому свой хитрый факел.

– Полагалось бы плеснуть туда сонным зельем, – говорит мне брат Рон, – ведь подземелье достаточно глубокое, и мы не знаем, как далеко оно проникло. Но был звонок, и те, кто там сейчас сидит, могут успеть что-то сделать. Так что приходится действовать без подготовки...

Беру у него мокрую тряпку и обматываю себе лицо.

– Куда вы, милорд?

– А что, тут есть еще что-то, чего я не видел?

Не слушая протестующих возгласов, соскальзываю по веревке вниз.

Здесь полумрак, только откуда-то слева падает неяркий свет – опять световая шахта?

Оглядываюсь вокруг и вижу рядом с собою одного из монахов. Он подносит руку к губам. Понятно, будем молчать.

А факел-то наш где? Задохнемся еще тут...

Вот он – неяркий отблеск пламени колыхнется чуть сбоку.

Что это там?

На двух массивных опорах лежит неслабое бревнышко – ворот. На нем хорошо видны витки толстого каната. Это еще что за хренотень? Чего им тут поднимают? Или опускают?

Ладно, и после можно будет выяснить... А пока смышленные монахи нашли для него нетрадиционное применение. Факел засунули в отверстие одной из опор так, что эта конструкция почти полностью закрывает и без того не слишком яркий огонь. Ну да, все верно – его основное назначение не светить, а очищать воздух от испарений.

Еще раз оглядываю комнату. Она относительно невелика – десяток шагов в длину и столько же в ширину. Большую часть комнаты занимает ворот. А в дальнем от нас углу виден темный проход куда-то в сторону. Около него сейчас присел на корточки первый монах.

В проходе слышно что-то непонятное. Шорох? Царапанье?

Легкий толчок в плечо – второй монах просит освободить ему дорогу.

Не вопрос – отодвигаюсь вбок.

Кстати...

Кладу руку на рукоять клинка.

Сразу же обостряется слух, и даже зрение вроде бы улучшилось.

Так...

В проходе слышно дыхание – там кто-то есть, и он движется в нашу сторону. Только как-то медленно...

Похлопываю по плечу монаха.

Он оборачивается, и я показываю ему один палец. Тычу им в сторону прохода. Монах кивает и скользящим движением перемещается к своему товарищу. Отодвигаюсь чуть в сторону и пытаюсь разглядеть проход. Видно не очень, свет туда практически не попадает. Где же тот тип, что только что дышал?

Ответ приходит неожиданно.

Передний монах делает ныряющее движение вперед, что-то бумкает, и по полу катятся два тела.

Так он полз!

То-то я его и не видел...

Однако же помощь моя не потребовалась, возня затихает, и неподвижное тело ползуна оба монаха оттаскивают в сторону.

Один есть...

Сверху слышится возня, и в комнату опускается еще один монах. Этот уже никуда не идет, наклоняется над лежащим, и через несколько мгновений бесчувственное тело отделяется от пола и ползет куда-то вверх.

Ага, так он его веревкой обвязал!

Поддерживая пленного, монах карабкается по лестнице вверх.

Ловко это у них... ни одного лишнего слова.

Осторожно продвигаюсь по проходу. Он ведет вниз, периодически поворачивая из стороны в сторону. Воздух тут уже чище, это можно ощутить даже сквозь мокрую тряпку.

Возле очередного поворота останавливаюсь. На противоположной стене дрожит отблеск огня – в комнате горит свет.

Оба монаха уже здесь – прижались к стене. Задний оборачивается ко мне и делает вопросительный жест.

Так, поработаем детектором...

В комнате кто-то есть, и этот человек не спит, я слышу его движения. Что-то поскрипывает. Слышно напряженное дыхание – человек взволнован. Зелье не сработало? Похоже... А тот, второй, полез вверх на звоночек идохнул этой смеси со всей дури. То-то он и полз – стоять уже не мог.

Хорошо, и где же этот неспящий?

Поскрипывает... что там может скрипеть? Кожа? А ведь и верно – кожа скрипит! Память тут же подсказала картинку – деревянная рама с натянутыми ремнями. Койка в помещении привратника. Стало быть – он лежит.

Почему?

Кровь на полу коридора!

Так он ранен!

Чуть сместившись вбок, наклоняю лезвие клинка – теперь у меня в руках примитивное зеркало. Не шибко хорошее – мешает узор на клинке. Но часть комнаты я вижу. Она узкая, кровать если где и стоит, то уж точно не поперек – не хватит места, чтобы человек лег, вытянувшись во весь рост. Значит, кровать стоит у стены. У какой?

В спину чуть толкает легкий ветерок – сквозняк?

Ага!

Если поставить кровать у стены, противоположной входу, – насморк обеспечен. Сон на сквозняке укреплению здоровья не способствует.

На пальцах поясняю монахам расклад. Они сближают головы, о чем-то шепчутся.

Чуть погодя один монах оборачивается в мою сторону и показывает растопыренную ладонь.

Пять пальцев – пять секунд?

Четыре.

Три.

Два.

Один...

Пошли!

Кувырком вкатываюсь в комнату.

Монахи уже здесь – опередили. И здорово!

Комната действительно узкая. И длинная – метров восемь.

Кровати, как я и предположил, стоят вдоль ближней к нам стены. Их две, и на дальней от нас полулежит здоровенный парень. Он ранен – вижу на бедре повязку, сделанную из разорванной одежды.

А в руках этот подземный житель держит арбалет.

В моей памяти всплывает совсем недавнее зрелище – щелчок выстрела, и переднего Кота отбрасывает в сторону...

Руки раненого перестают дрожать (еще бы – поддержи-ка на весу этакую хреновину! Это тебе не ПМ в ручке подкидывать – здесь килограмма четыре как минимум!), и он

вскидывает арбалет, выбирая цель. В этот момент всякое дрожание рук и их гуляние из стороны в сторону обычно прекращаются – стрелок прицеливается, и все его мускулы напрягаются. А попутно с этим и утрачивается возможность быстро смещать оружие из стороны в сторону, перенося точку прицеливания... За все надо платить. Для знающего человека, кстати говоря, это является признаком скорого выстрела. Оружие уже наведено, цель определена, и стрелок вот-вот нажмет на спуск.

Ага... нажмет... а вот цели-то как раз и нет...

Оба монаха плавными движениями ныряют куда-то вбок-вниз и исчезают из поля зрения стрелка. Арбалет дергается вправо – там уже пусто, перемещается влево – то же самое. После секундного замешательства стрелок выбирает новую цель – меня. Благо я никуда не прыгаю, а просто несусь к нему по кратчайшему расстоянию.

Но получить в лобешник толстенный подарочек (а арбалет заряжен тяжелым болтом – это я хорошо вижу) меня отнюдь не прельщает, и я тоже нырком лечу на пол, каждое мгновение ожидая услышать щелчок спускового механизма.

Кубарем пролетаю пару метров – выстрела все нет, выхожу вприсядку, пора уже и вдругорядь в сторону уходить...

И вижу, как вынырнувшая откуда-то снизу нога смачно долбит стрелка точняк в район морды...

Хрустнула кровать, злодея отбросило в сторону. Вывернувшийся сбоку второй монах (и как только он там оказался?) одним движением вышибает у него арбалет и буквально сворачивает оппонента в бараний рог.

Тот еще пытается трепыхаться – его рука рвется к шее. Ага, там у него кольцо!

Не придумав более ничего лучшего, поворачиваю клинок в руке и, подскочив к стрелку, плашмя луплю его по скуле.

Клинок все-таки не полкило весит, да и замах у меня отнюдь не женский – так что клиенту поплохело... Руки его обвисают, и он откидывается на стену.

Хрустят кости – это монахи заворачивают стрелку руки за спину. Один из них выдергивает откуда-то нож и резким движением распарывает злодею одежду. Срезает с шеи ремешок с мешочком и отбрасывает его в сторону.

– Ф-ф-у...

Оборачиваюсь назад – у выхода из коридора стоит Лексли. В руках держит арбалет. Это он прикрывать нас собирался?

Кот опускает оружие и вытирает лоб.

– Я уже собирался стрелять...

– Спасибо, – серьезно отвечает один из монахов. – Слава Всевышнему – не понадобилось.

Наверху вдыхаю воздух всей грудью – хорошо! Монахи и Коты все еще обшаривают подземелье, выволакивая на свет какие-то трофеи. Осматривают ворот, пытаюсь распознать его назначение. А я сижу на лавочке, около входа в будку привратника, подставив лицо яркому солнышку.

Ну какого, скажите, рожна меня понесло в это подземелье?

Путаться под ногами у таких профи, как Коты и монашеский спецназ?

Да они и без меня слепили бы эту парочку, как слепых котят!

А вот шанс словить болт имелся. И весьма основательный!

Сбоку обозначается движение – брат Рон.

– Присаживайтесь, – киваю ему на лавочку, – тут еще полно места.

– Спасибо, – он садится рядом со мною. – Пить хотите, милорд?

– Хочу. И есть хочу тоже. У меня так всегда после драки – быка бы съел!

Монах понимающе кивает и достает откуда-то из-под рясы небольшую фляжку.

– Еды у меня нет, а вот жажду утолить можно.

Чуть кисловатый напиток приятно освежает горло. Эх, надо будет рецептик попросить

– Мирна будет рада.
– Спасибо, – возвращаю ему полупустую флягу. – Ничего, что я так много выхлебал?
– У нас у каждого запас, милорд. Не волнуйтесь, хватит всем.
– Ну и славно.
– Должен сказать вам спасибо, милорд! Вы здорово помогли моим товарищам там, внизу.
– Да ладно вам... Под ногами не мешался – уже хорошо. Мне-то до их уровня еще, как до Пекина раком...
– Куда? – Рон удивленно приподнимает бровь.
– Ну... словом, далеко еще. Есть чему учиться.
– Не скажите, милорд! Так видеть и слышать в темноте – этого никто из нас не может. Да и ваш фокус с использованием клинка вместо зеркала – учтем!
– Дарю.

Подходит Лексли. Этот без долгих слов лезет за пазуху и вытаскивает сверток. Разворачивает его и протягивает нам обоим по куску хлеба с ветчиной. Для себя у него тоже кое-что остается.

Киваю ему на скамейку – садись!
Он присаживается, и монах протягивает ему флягу.
Кот удивленно поднимает бровь, но не ломается, а отпивает из нее приличный глоток. Благодарно кивает и возвращает ее владельцу.
Рон тоже не ломается и уплетает ветчину за обе щеки.
– Ну как там? – спрашивает он.
– Роем еще... Выход в нижний коридор нашли. У них вода кончилась, так что не сегодня завтра вылезли бы сами.
Монах пожимает плечами.
– Ну и хорошо. По крайней мере, уйти незаметно не смогли бы.
Неслышно ступая ногами по брусчатке, подходит еще один монах.
– Пленный очнулся. Тот, которого вторым вытащили.

Глава 21

Подходим к нему. Мужик мрачно смотрит на нас. Во рту у него торчит деревяшка – монахи быстро усвоили полученную от меня информацию.
Увидев меня, пленный дергается, пытаясь отползти.
Боишься?
Значит, уважает.
В моей голове вспыхивает мысль, и я присаживаюсь перед ним на корточки.
Вытаскиваю клинок и втыкаю его в землю, так, чтобы он его хорошо видел.
– Знаешь, что это такое?
Кивок – знает.
– Я ударил им тебя по лицу. Плашмя. Ты знаешь, что это означает?
Откуда ж ему знать? Я и сам-то про это не в курсе.
Он мотает головой – точно, не знает. Жаль, я думал, что хоть кто-то расскажет мне что-нибудь новое.
– Теперь я могу сделать тебя его рабом. Как здесь, так и после смерти. Если бы я хотел тебя убить – ты был бы мертв. Но я пока этого не хочу. Ты еще нужен мне, пока еще не знаю – надолго ли? Хочешь спросить – зачем?
Он кивает.
– Став его рабом, ты предашь все, во что верил. Предашь всех, кого знал. Я скажу – и ты убьешь их своими руками.
В глазах пленного вижу неприкрытый ужас.

– Хочешь – я прикажу, чтобы ты убил своего товарища? Разорвал его голыми руками? Это будет интересно и необычно – я от души посмеюсь.

Вы считаете меня исчадием ада? А как следует вести себя такому персонажу? Учитывая то, что сами эти ребяташки далеко не примеры для подражания, мне они должны приписывать и вовсе жуткие злодеяния. Такие, чтобы им самим не по себе стало бы. Или я ничего не понимаю в психологии. Смею надеяться, что это не так. Вот на моем знании некоторых тонкостей и сыграем...

Своим руководителям этот тип обязан верить безоговорочно. Стало быть, все, что обо мне они ни понарасказывали – должно им восприниматься как «Отче наш»! Усомниться хоть в малости – усомниться в праведности своих учителей. А этого он сделать не может. Во всяком случае – не должен. Да и вся история только подтверждает мои нынешние слова. Как там мой предшественник у них порезвился? Такую зачистку организовал, что и до сих пор они его помнят небось. У меня и у самого мурашки по коже бегают, а уж у этих-то товарищей Серый должен просто беспредельный ужас вызывать. И такую же ненависть.

Резюме – мне он поверит. Если я буду и дальше изображать из себя запредельного негодяя, каковым, с их точки зрения, и являюсь. Кстати говоря, то, что их посланец покончил с собой после нашего разговора, должно косвенно играть на мою версию.

– Ты в курсе, отчего ваш посланец, тот, что со мною говорил, покончил с собой?

Отрицательный жест.

Не ведает – и это хорошо.

– Ваши иерархи осведомлены о том, что я могу сделать рабом клинка любого человека. Вот и в данном случае они постарались этого избежать. Мне пришлось просто его убить. Ты же знаешь, куда он теперь попал...

Судя по выражению морды лица – знает. И активно туда не хочет.

– Так вот – у тебя есть два пути. Первый – ты станешь моим рабом и будешь слепо исполнять мою волю. И здесь, и после смерти. Хочешь этого?

Не хочет – вон как головою замотал, того и гляди – оторвется.

– Путь второй. Расскажешь мне то, что я хочу знать. Потом я развяжу тебя и верну кольцо. Ты будешь волен делать то, что хочешь. Это, с вашей точки зрения, будет меньшим злом по отношению к Ордену. Хочешь – живи, нет – можешь умереть так, как и положено любому из вас.

Втыкаю в щель между камнями щепку.

– Когда ее тень дойдет до твоей ноги – дашь ответ. Не разочаруй меня...

Мы отходим в сторону. Брат Рон с интересом смотрит на меня.

– И вы думаете, что это с ним сработает?

– Бог весть, – пожимаю я плечами, – но попробовать можно. Я поставил его сейчас в такую ситуацию, что как бы то ни повернулось, а он неминуемо предаст Орден. В его воле свести этот ущерб к минимуму. И чем сильнее он предан интересам Ордена, тем больше вероятности, что он согласится на мои условия. Как вы знаете, жизнью они не дорожат, а вот правильная смерть – это едва ли не самое главное для него. И это тоже серьезный аргумент для его раздумий.

Рон кивает и отходит к своим ребятам. Со мною остается только Лексли.

Кот ничего не говорит. Присев на лавочку, он с любопытством рассматривает нашего пленника.

– Ну а ты-то чего молчишь? – спрашиваю его.

– А я просто смотрю. Мне интересно, сколь велика его преданность Ордену. В твоих рассуждениях есть здоровое зерно. Но поскольку это первый из Молчащих братьев, с которым хоть кому-то удалось пообщаться, я обожду пока делать какие-либо прогнозы.

Посмотрев на отошедшего в сторону монаха, он спрашивает меня:

– Флягу свою он тебе сам предложил?

– Да. Я только сказал ему, что пить хочется.
– Эти ребята никогда и ни с кем не делятся своей едой и питьем.
– Это еще почему?
– Устав их Ордена прямо запрещает преломлять хлеб и делить воду с тем, кто не является членом Ордена.
– Это что же за Орден такой суровый? Это нельзя, то нельзя..
– Орден Стражей Спокойствия. Про них вообще мало чего известно. Почти как Молчащие братья – только внутри церкви. Я так и вижу-то их в первый раз. Они вообще мало появляются на людях. А про их монастырь ходят всяческие легенды. Никто даже не знает, где он находится. А гости никогда не переступают его порога.
– Как раз в этом-то ничего удивительного нет. Какова болезнь – таково и лекарство. И в моем мире так же поступали. И не раз.
– Ну... может быть. А вот то, что он тебе свое питье дал, – весьма интересно! Что он тебе при этом сказал?
– Да ничего особенного. Поблагодарил за помощь внизу.
– Мне, однако, он ничего подобного не сказал, – язвительно замечает Лексли. – А ведь я тоже там был.
– Но флягу-то он дал и тебе!
– Пожалуй...

Рон возвращается и присаживается рядом с нами.
– Ну как там наш пойманный? Добралась до него тень?
Монах кивает:
– Да.
– Ну, что, пойдём, поговорим с ним?
Мы встаём и дружно топаем к пленнику.
Он выглядит постаревшим и осунувшимся, судя по всему, мысли его одолевают достаточно тяжкие.
– Ну, что – решил?
Клиент кивает. Рон делает знак, и у него изо рта вытаскивают деревяшку. Стрелок сплевывает на песок и прокашливается, прочищая горло.
– Что бы ты ни надумал, – предупреждаю я его, – помни: умереть мгновенно ты можешь только от моего клинка. Возможно, ты рискнешь измыслить что-нибудь и вовсе хитроумное, но на выполнение любого твоего замысла все равно уйдет какое-то время. А мне достаточно будет произнести несколько слов. И все – ты мой раб. При жизни и после смерти. Понял меня?
Он кивает.
– Понял, – говорит он хриплым голосом.
– Хочешь воды?
– Хочу.
Лексли делает знак, и кто-то из солдат подносит к его рту кружку с водой. Он выпивает воду несколькими крупными глотками. Солдат убирает кружку и отходит в сторону.

– Я не спрашиваю твоего имени. Но как высоко ты стоишь в иерархии Ордена?
– Я Наблюдающий.
Краем глаза я вижу кивок брата Рона. Значит, ранг пленника достаточно высок.
– Ну, что ж, значит, разговор с тобой будет интересным.
– Пусть отойдут все остальные. Я не буду при них говорить.
Рон поворачивается и отходит в сторону. За ним это делают все монахи и Лексли. Отойдя метров на пятнадцать, они присаживаются, не сводя с нас внимательных глаз.
– Расскажи мне о вас, – спрашиваю у стрелка. – Чего вы хотите достичь в этом мире?

Его глаза слегка оживляются. Судя по всему, не этого вопроса он ждал.

– Мы были первыми в этом мире, кто пришел к пониманию его сущности. Все прочие верования возникли уже позже.

– Иными словами – вы единственные, кто познал истину?

– Да! – с некоторым вызовом отвечает мой оппонент.

– Ну, тебе виднее, – отвечаю я. – В конечном итоге я всего лишь прохожий в этом мире. И не собираюсь вникать в то, кто из вас прав, а кто нет. У меня и своих дел хватает, знаешь ли...

Оппонент снова кивает. Судя по всему, моя репутация на всю голову отможенного и беспринципного негодяя пока что находит подтверждение в его глазах.

– Мы единственные, кто правильно понимает свое место в этом мире.

– И каково же оно?

– Предназначение человека – служить высшему существу. Ведь и ты являешься его слугой, хотя и понимаешь это по-своему.

– Интересно! С чего это ты взял?

– Ты можешь убить не только тело человека, но и его душу. Никто из нас так не может, а значит, тебе доступен более высокий уровень мастерства, чем нам. Но ты – один. А нас много.

– Ты говоришь – служение... А в чем оно состоит?

– Не будешь же ты спорить, что еще никто из людей, живущих под этим небом, не сумел избежать смерти?

– Не буду.

– Что может быть более высокой целью, чем облегчить путь человека к своему венцу?

– То есть как живет человек, с вашей точки зрения, не так важно. Важно, как он умирает?

– Не только. Важно еще то, во что он верит при этом. Мы все, умерев должным образом, соединяемся с Незримым, тем самым усиливая его мощь. И в последующем своем перерождении становимся еще более сильными и могучими. Наступит день, когда весь мир будет подчинен истинной вере.

– И что тогда?

– Тогда и откроются нам пути к дальнейшему совершенствованию и росту.

– Ты так уверенно об этом говоришь...

– Я знаю, что говорю. Иногда божественное просветление сходит на некоторых из наших братьев. Телесно оставаясь здесь, духом своим проникают они сквозь пространство и время. И, возвращаясь сюда, рассказывают нам о том, что видели и чувствовали.

– Интересно. И как часто такое происходит?

– С начинающими – редко. Может быть, раз или два раза в год. Чем выше поднимаешься в своем познании, чем больше твои заслуги перед братьями, тем чаще снисходят на нас моменты просветления.

– А скажи мне, как это происходит? Видишь ли ты сны? Или все это бывает наяву?

– Сны, после которых на теле остаются настоящие раны? Где ты видел такое?

– Ты будешь удивлен, но видел. Этот мир не единственный, в котором я был.

– Я знаю, – кивает мой оппонент. – Вы всегда приходите из чужого мира. Мысли ваши неясны, а помыслы неизвестны. Язык труден для восприятия, а сердце выковано из железа. Наверное, мы недостаточно тверды в своих помыслах, раз Незримый посылает нам такие испытания.

Я пытаюсь сложить в голове воедино все то, что сообщил мне пленный. Нечто похожее было и в нашей истории. Знаменитый Старец Горы и его банда убийц-наркоманов. Надо же, как тесен мир! Вместо того чтобы встретить здесь что-либо приятное, натываюсь на местный аналог хашишинов. Факт, что эти ребята балуются наркотой, – и к бабке не ходи. Ничем иным их видения и просветления не объясняются. Теперь понятно, почему они так дружно держатся за свою вершушку. Надо полагать, тема наркотиков в данном мире – одно из самых

сильных табу. Не буду удивлен, если выяснится, что верхушка Ордена прикладывает к этому все возможные усилия.

– Скажи, – обращаюсь я к пленному, – зачем тогда было искать встречи со мной?

Он сразу мрачнеет.

– Таково было указание Высших.

– Ну, хорошо. Замок этот мне особо не нужен. В крайнем случае, я могу убить владельца еще какого-нибудь замка. Деньги, по большому счету, мне тоже не слишком нужны. Все, что мне надо, я и без них достану. Но вам-то все это зачем? Как-то странно получается: возвышенные цели – и деньги? Что я получу, если отдам вам эти стены и башни, и те жалкие крохи, что лежат у вас, в ордене святого Вайта? Кстати, а почему вы положили эти деньги от имени графа? Что, помимо него не было сговорчивых купцов?

– Не всякий купец может распоряжаться большими деньгами. А кто будет спрашивать у графа, да еще у наместника короля?

Он косится на стоящих в сторонке Лексли и Рона.

– Так что – граф знал, чьи это деньги? – интересуюсь я у него.

– Нет. Мы дали ему деньги для успеха восстания. Надо было нанимать войска, закупать оружие. Собственных средств графа могло и не хватить. Тем более что он привык жить на широкую ногу.

– Да уж. Содержать при себе сотню бездельников – не каждый бюджет вынесет. Вы-то сами куда смотрели? Не видели, куда уходят ваши денежки?

– Лориен говорил графу, – с досадой отвечает пленник. – Но он уже привык так жить.

– Да и вас такое многолюдство устраивало, ведь так?

– Ну, можно и так сказать.

– Как давно вы стали работать с предками графа?

Пленный снова замыкается в себе.

– Я не знаю. Мы приезжали в замок еще десять лет назад.

– Если я захочу уйти из замка, что я получу взамен? Только не надо пугать меня покушениями, отравлениями и прочей ерундой. Отравить меня нельзя, а убить достаточно сложно.

В глазах моего оппонента внезапно пробуждается интерес.

– Я не уполномочен решать такие вопросы.

– Кто уполномочен? И где его найти?

Пленный молчит, и видно, что он лихорадочно обдумывает свои слова.

– Пусть кто-то поедет в город. Около центральной площади есть харчевня. Пусть он закажет там горную рыбу.

– А что – такая существует?

– Когда закажет, тогда и узнает.

Он снова замолкает и поднимает на меня взгляд.

– Ты доволен? Я ответил на все твои вопросы?

– Ну, в общем-то, на все.

– Я хотел бы уйти.

Так. Клиент выложил все, что мог. Спрашивать его дальше? Не факт, что я услышу правдивые ответы. Он может и не врать, просто будет говорить не всю правду. И тогда я рискую попасть впросак с этими сведениями. Поднимаюсь на ноги, в коленках аж закололо. Подхожу к монахам и забираю у них срезанный с шеи пленника мешочек. Возвращаюсь назад и клинком разрезаю веревки на его руках. Бросаю мешочек рядом.

– Ты исполнил свое обещание, я исполняю свое.

Поворачиваюсь и отхожу назад. Присаживаюсь на лавочку рядом с Роном и Лексли и смотрю на пленника. Некоторое время он сидит неподвижно. Потом протягивает руку и поднимает с земли мешочек. Открывает его и вытряхивает на ладонь кольцо. Поворачивается в мою сторону. Несколько секунд сидит неподвижно, потом резко сжимает кулак. Тело его выгибается дугой, и он падает навзничь. Некоторое время еще бьется в

судорогах и, наконец, затихает.

Глава 22

– М-да... – говорит брат Рон. – Надеюсь, оно того стоило?

– Да, – киваю я, – искусству ведения разведдопроса я мог бы поучить и его учителей.

– Но я не слышал, чтобы ты что-то спрашивал у него напрямую.

– Он тоже. Оттого и был так откровенен.

Потрошение второго пленника, ввиду его абсолютной бесчувственности, отложили на потом. Оставив команду спецов разгадывать загадки странного механизма, топаю назад в башню. Рон, назначив вместо себя заместителя, идет со мной. Кот сворачивает куда-то в сторону, пообещав нас догнать в самое ближайшее время.

По пути наверх я, поразмыслив, тоже отклоняюсь от маршрута, чтобы провести Мирну. Надо ли говорить о том, что уйти от нее немедленно не получилось? И ведь так всегда... Кажется, я часами готов сидеть с ней рядом, слушать негромкий мелодичный голос и смотреть в ее глаза. Просто наваждение какое-то! И как могло так выйти, что никто раньше не рассмотрел эту красоту? Вот и тону я каждый вечер в бездонных озерах ее серых глаз...

Забегая наверх и вижу – все в сборе.

Даже брат Манрике пришел, надо полагать – просто не выдержал. Да и то сказать – монах геройский, я бы столько в этом подземелье не просидел...

Отец Варшани неодобрительно на меня зыркает.

Чегой-то он вдруг?

Не иначе – Рон настучал про мое обещание пленному.

Так оно и оказалось – начиная совещание, хитропоп проехался вскользь по некоторым... э-э-э... лицам, дающим необдуманные и непоследовательные обещания врагу. Ага, это уже в мой огород камешек!

Ну, что ж, святой отец, ловите обратный мяч!

– Как я понимаю, отец Варшани, этот кирпич – в мой адрес?

– Ну, сын мой, если тебе угодно это признать самому...

– Нет, святой отец! Неудобно! И, дабы и впредь все такие непонятки снять, вопрос уже от меня. Кто-нибудь слышал, что я советовал пленному покончить с собой?

Молчание. Рон, в ответ на вопросительный взгляд хитропопа, только пожимает плечами. Мол, о таком не слышал и не видел.

– Никто не слышал? Странно, но почему-то я именно так и думал. Так вот, господа хорошие, хочу сразу внести ясность! Если мы начнем играть по всем правилам, которые нам навязывает противная сторона, то только укрепим их ряды! Мы можем быть хитрыми, умными, да и много еще какими можем стать. Вот только врать в глаза никому не следует! Не в смысле военной хитрости говорю – тут проблема в другом. Я! – стучу себя кулаком в грудь. – Я лично! Дал слово Серого рыцаря! В том, что отпущу пленного после разговора. Отпущу! Я ему сказал: «Хочешь – живи, нет – можешь умереть так, как и положено любому из вас». И что я ему при этом пообещал?

– Ты отдал ему кольцо! – переходит в контратаку хитропоп. – Но ведь знал же – это оружие! Можно было бы предположить, что совершит после этого твой пленник!

– Это со связанными-то ногами? За полчаса до этого он был свободен, вооружен и то ничего сделать не сумел.

– Но он умер!

– Предыдущий наш пленник – тоже. Кого будем в этом винить? Покончить жизнь самоубийством у него, кстати говоря, не вышло.

Поп осекается. Такого поворота событий он не ожидал. Сбоку от меня довольно хмыкает Лексли.

– Ладно, – примиряюще говорю я. – Помер Максим – и хрен с ним! Только нам тут из-за этого сейчас ссориться не хватало. Если кто не понял – сейчас идет война!

– С кем? – спокойно спрашивает Кот.

– С Орденом! И хоть никто ее официально не объявлял – менее кровавой от этого она не станет.

Рон кивает. Похоже, что для них эта война никогда и не завершалась.

– Так что, святой отец, – обращаюсь я уже к Варшани, – мы тут все в одной лодке сидим. Если завтра вы, чтобы выяснить нечто, жизненно важное для всех нас, совершите что-то подобное – первый вам руку пожму! Мы пока... Пока! Опережаем их на крохотный шагочек! Так давайте же использовать преимущества своего положения в полную меру!

Народ переглядывается, и хитропоп уже более миролюбиво ворчит: «И все же... могли бы и меня предупредить...»

– Он не стал бы при вас разговаривать, святой отец. Вон, даже Лексли с Роном попросил отойти в сторону.

– Даже так? Ну, хоть что-нибудь полезное он сообщил?

– Да. И весьма немало. А каковы успехи у брата Манрике?

Седой монах поднимается с места. Проводит рукою по лицу, словно убирая сонливость и усталость.

– Мы осмотрели подземелье... Там еще много нашлось интересного. Документы, описания опытов... если это можно так назвать. Рецепты препаратов, назначения которых мне пока не ясны. Яды, их описания и рецепты противоядий.

– И от Шерна тоже? – перебиваю его я.

– Увы, сын мой... от этого ужаса противоядия нет. Но мы нашли нечто большее – рецепт его получения!

– И чем же это может нам помочь? – отец Варшани скептически поджимает губы. – Мы-то его производить не собираемся!

– Там есть подробное описание процесса. Из него следует, что для того, чтобы получить одну дозу этого яда, надо в течение года умертвить медленной смертью восемьдесят человек. Причем процесс этот крайне сложен и... очень жесток...

Могу себе представить! Монаха аж перекосило.

– Иными словами, – поднимает голову брат Иан, – эти злодеи сидят в подземельях замка не менее года?

А братец-то! Смышлен и сообразителен! Как он главное-то из всего вычленил сумел! Сработаемся...

– Да, – кивает Манрике. – Судя по обнаруженным записям – так и существенно дольше.

– Насколько дольше?

– Ну... я успел просмотреть бумаги за восемь лет...

– Больше десяти лет, брат Манрике, – вставляю свою реплику. – Когда вы проверите и остальные записи, не исключаю, что и этот срок окажется не окончательным.

Монахи переглядываются.

Оба спецмонаха, посмотрев друг на друга, медленно кивают. Брат Монер встает и выходит из помещения. Слышно, как постукивают по ступеням его сапоги. Кстати, вот еще одна интересная деталь! Монахи из ордена Стражей Спокойствия носят сапоги, а все прочие – сандалии. Означает ли это что-нибудь? Даже наверняка – только что именно?

Надо будет епископу на ноги глянуть – он что надевает? Черт! Куда-то меня не в ту степь понесло...

– Там еще много работы, – заканчивает свой короткий доклад брат Манрике. – Возможно, что завтра у меня будут новые данные. И еще. Надо похоронить людей. Исследование их тел нам уже ничего не даст, а оставлять их в этом месте...

– Похороны и отпевание надо делать не здесь, – не вставая с места, говорю я. – За замком наблюдают – это совершенно точно. Увидев столь массовое захоронение, лазутчики Ордена поймут, что мы обнаружили их тайную комнату. Я не берусь предсказать их дальнейшее поведение.

– Атакуют замок? – барон аж с места привстал. – Прекрасно! Тут мы их и встретим.

Он даже руки потер в предвкушении этого.

– Нет, барон, – качая головой. – Они захватят в плен несколько десятков человек крестьян, горожан... еще кого-нибудь. Подбросят еще один шарик с Шерном в город – и выдвинут нам ультиматум. Уходите из замка – иначе всем им смерть.

– Но... – растерянно говорит он. – Это же... подлю!

– А вы чего от этой братии ожидаете? Картеля на поединок?

– Так! – вступает в беседу отец Варшани. – Милорд прав! Брат Рон! Обеспечьте скрытый вывоз тел из замка.

– Сделаем, – кивает спецмонах.

– Милорд, – поворачивается ко мне хитропоп, – ваши люди помогут?

– Разумеется, святой отец. А как же иначе-то?

– Ну а вы, милорд, что можете нам рассказать? – брат Иан вопросительно смотрит на меня.

Подтаскиваю к себе кружку с квасом и отпиваю добрую половину. Что-то у меня в глотке пересохло...

– Итак, как вы, должно быть, уже знаете, мы захватили двоих пленников. Один из них оказался весьма строптивым и ловиться не хотел. Пытался нас застрелить, ногами-руками махал, невзирая на ранение... в общем – это ему помогло мало. Разве что вдобавок еще по морде ногою хлопотал. Говорить он тоже поначалу не хотел. Пришлось сделать ему предложение...

«От которого он не смог отказаться!» – проскальзывает в голове шальная мысль. Прогоняю ее и продолжаю свое повествование, как и положено серьезному человеку.

– ...которое он, по некоторому размышлению, принял. И рассказал мне кое-какие, на его взгляд, совсем незначительные вещи. С его точки зрения, это выглядело как удовлетворение праздного любопытства недалекого лорда...

Брат Рон саркастически хмыкает.

Ага, друг мой ситный, так ты и по губам читать умеешь? Полезное знание, учтем...

– И все-таки, милорд, что он поведал вам интересного? – Брат Иан откуда-то уже добыл толстую тетрадь и карандаш.

– Попробую быть кратким. Пленник назвал свою должность в Ордене – Наблюдающий. Это как – серьезно? Или так себе?

– Переводя на армейский ранг – приблизительно равно капитану, – делает пометку в тетради брат Иан.

– Ага! Далее – они пользуются замком не менее десяти лет – во всяком случае, он сюда ездил все это время. Среди людей графа Дарена были adeпты Ордена. Надо полагать – тайные. И они занимали серьезные посты, ибо могли прикрывать все свои делишки здесь в течение долгого времени.

Отец Варшани кивает. Видать, для них эта информация не нова.

– Деньги, положенные графом на хранение в орден святого Вайта, – частично получены им именно от Молчащих братьев. Официально – на подготовку восстания. Неофициально – тут можно долго гадать...

Монахи оставляют этот момент без внимания.

– В своей деятельности Орден всю использует наркоту...

О как! Озадачился народ!

– Простите, милорд, что используют? – это уже седой монах, брат Манрике.

– Э-э-э... дурман-траву...

– Понятно! – кивает он мне.

– Этой травой и препаратами, полученными из нее, обрабатывают неофитов и некоторых adeптов из более высокой касты. Под ее воздействием человек видит фантастические зрелища, слышит голоса и смех людей.

– Ну... это не так страшно, – разочарованно произносит брат Иан.

– Угу... и еще он попадает в полную зависимость от данного препарата. До такой степени, что уже перестает отличать реальный мир от вымышленного. И ради того, чтобы еще раз испытать подобные ощущения, готов пойти на все, что угодно. Такому человеку можно внушить все – и он свято поверит в это. Одурманенные люди могут стать страшным оружием в руках своих руководителей. Зелье вызывает стойкое привыкание, и, попробовав несколько раз, уже невозможно от этого отвыкнуть. Да, это может дать человеку новые ощущения, увеличить его силу и сообразительность, снизить порог чувствительности к боли... да и много чего еще.

– А вылечить такого человека можно?

– Нет. Это как смерть – нельзя умереть на чуток. Начавший принимать эти препараты человек умрет неминуемо и очень мучительной смертью.

– Но неужели это не отвращает от зелья остальных?

– Не отвращает, ибо они уже не в состоянии правильно оценивать происходящее. Все эти люди живут там – в воображаемом мире, и все окружающее воспринимают не так, как мы с вами.

Наступает молчание – присутствующие переваривают услышанное и пытаются вообразить себе описанную мною картину.

– Это все? – спрашивает хитропоп.

– Не все. Замок зачем-то о ч е н ь нужен им. Зачем – выяснить не удалось. Что тут можно сделать за один день? Вывезти их мастерскую?

– Нет, – отвечает брат Манрике. – Это невозможно! Ни за день, ни даже за неделю – там слишком много всего надо унести. Запасы препаратов, записи...

– Запасы препаратов? А посмотреть на них можно? Сколь они велики? И как все это выглядит?

– Это бочонки с какой-то темной массой... как сироп... Не очень большие – примерно на пару ведер. Их много – только в прилегающих комнатах я насчитал более сотни таких бочонков.

– Пусть один принесут сюда!

По знаку отца Варшани один из спецмонахов, дежуривший у двери, спускается вниз. А я продолжаю свой рассказ:

– Пленный дал мне указание на то, где я могу найти их связного...

Видя недоумение на лицах окружающих, поправляюсь:

– ...человека, который передаст Молчащим мои слова.

– Так! – встает с места брат Рон. – Ваше преподобие, – обращается он к отцу Варшани, – я бы не стал обсуждать э т о т вопрос сейчас. Лучше...

– Согласен! – поднимает раскрытую ладонь тот. – Милорд, вы уж сами определитесь, кто будет занят решением этой конкретной проблемы, хорошо?

– Не вопрос, святой отец! Вы совершенно правы. Два-три человека решат такую задачу эффективнее, нежели десяток.

Еще минут двадцать отвечаю на всевозможные вопросы окружающих. Приятно удивлен, ибо вопросы оказались весьма грамотными и по делу. Да-а-а... хитропоп явно привез с собою лучших специалистов. Их интересуют даже интонации в голосе пленного.

Топот ног – на башню приволокли бочонок.

Отгоняю всех в сторону и велю поставить его в угол. Надев на руки перчатки Мирны, сворачиваю с бочонка крышку. Рунный тест... опаньки! А цвет-то знакомый! Меня здесь такую пищей уже угощали...

Внимательно разглядываю содержимое... темно-коричневая вязкая масса с характерным лакричным запахом...

Опиум!

Точно, я же его еще там, у себя, видел...

Глава 23

– И откуда тут взялось такое количество этой дряни? – сержант Шадрин озадаченно почесал в затылке.

Ему никто не ответил – бойцы молча рассматривали помещение, сплошь заставленное пятилитровыми пластиковыми флягами. Одна из них сейчас лежала на полу, около ног сержанта, и из ее распоротого бока медленно вытекало тягучее маслянистое вещество с характерным запахом.

– Да тут его тонны две! – присвистнул Володька Кикоть, осветив фонарем дальние углы. – Нефигово местные «духи» затарились!

Скрипя подошвами ботинок по песку, вошел старший лейтенант.

– Ну, что здесь у вас интересного? – оглядев бойцов, спросил он.

– Хреновое дело, товарищ старший лейтенант. Полная пещера наркоты, – ответил Шадрин.

– Точно?

Вместо ответа сержант толкнул ботинком разбитый бочонок. Голованов присел и посветил себе фонарем.

– Опиум?

– Он самый, товарищ старший лейтенант.

– И сколько ж его здесь?

– В каждом таком бочонке – не менее пяти килограмм. А бочонков этих тут, – Шадрин показал рукой в глубь пещеры, – не менее нескольких сотен. Вот и посчитайте.

Командир сплюнул на пол и выматерился. Да и было с чего. Мы все прекрасно понимали, что такие места «духи» охраняют как зеницу ока. А значит, где-то совсем рядом должно сидеть не менее двух-трех десятков вооруженных басмачей. А нас всех и на отделение не набиралось. Наверняка «духи» уже слышали стрельбу и успели об этом дать знать своему командованию. Так что и помощь к ним подоспеет достаточно быстро, это и к бабке не ходи. Бросить склад на произвол судьбы и в темпе сделать отсюда ноги – затея не самая лучшая, нас просто перещелкают по дороге. Склад здоровенный, и быстро его с этого места не вывезти – накроют в пути с воздуха, караван-то будет немаленький! Стало быть, тем, кто про него что-то знает, уйти просто так не дадут – слишком велик риск того, что по нашим данным сюда нагрянет парочка рот из ДШБ. У этих ребят с юмором фигово, и полученные приказы они обычно исполняют буквально. Скажут им: «Сровнять с землей эту горку» – и сровняют. Вместе со всеми, кто под руку попался...

– Сидорчук!

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Радио в штаб! Открытым текстом! Доложишь всю обстановку и потребуешь подкрепления.

– А что не кодом, товарищ старший лейтенант? Нагорит же нам опосля!

– Нагореть, Сидорчук, может только живому. Мертвому строга ч до фонаря. Зато, если открытым текстом передашь, нас не только в штабе услышат. И потом уже очень трудно будет придумать такую отмазку, что наша радиogramма не прошла. «Духи» и так про все уже знают. А чем больше наших ребят тебя услышат, тем выше шанс, что хоть кто-нибудь сюда да припрется. Шадрин, собери всю взрывчатку, заминируй эту проклятую яму так, чтоб здесь все завалило – к чертям собачьим! Остальным наверх, занять оборону, времени у нас мало.

Мы все очень хорошо понимали Голованова. Шансов уйти отсюда живыми было не то чтобы мало – совсем не оставалось. То, что лежало в пещере, по самым приблизительным прикидкам, стоило чертову уйму денег. Ясно было и ежу, что за просто так никто такую уймищу бабла нам не отдаст. Для командира «духов», провалившего задачу по транспортировке этой дряни, проще было бы в таком случае застрелиться самому. Поэтому жалеть своих солдат он не станет. А про нас – и говорить нечего.

Да и наше командование от такой находки будет не в восторге. Не в том, конечно,

плане, что с наркотой мы не боролись. Боролись. И вроде бы серьезно. Ловили и сдавали местным наркокурьерам, еще какую-то шушеру – все так. Да и не мы этим занимались, откровенно говоря, были для этого специальные люди. Мы о них только краем уха и слышали. Говорили, что и там воевали не по-детски.

Но одно дело накрыть курьера с парой килограммов «дури» – и совсем другое хапнуть разом несколько тонн первоклассного опиума! Озверевшие от такой потери басмачи буквально встанут на уши, и по всей округе скоро забабахает. Да еще как... Со спокойной жизнью можно будет попрощаться надолго.

Так что, как ни парадоксально, о нашей радиогамме лучше было бы забыть... если бы не открытый текст...

Вообще, на этот склад мы вышли совершенным дуриком. Просто когда длинноногий Володька увидел мелькнувшую за камнем тень, да еще и с характерным силуэтом «калаша», то тут же запулил туда из подствольника.

Злодея накрыло моментом, а из-под земли, совсем недалеко от нас, вдруг выскочил еще один – совсем мальчишка. Правда, несмотря на молодые годы – тоже с автоматом. На свою беду, он вспомнил еще и об этом. Повернулся, ловя нас на мушку... да так и остался там лежать... залп сразу из трех стволов шансов на выживание не оставляет.

Отставшая группа сразу залегла, оцетинившись стволами во все стороны. Но больше никто ниоткуда не выскакивал.

Обождая пару минут, старший лейтенант дал команду проверить яму, откуда выскочил «бегун».

Вот таким образом и отыскался вход в наркопещеру.

По-быстрому обшмонав подстреленных «духов», мы разжились двумя потертыми «калашами», тремя сотнями патронов и парой гранат. Не бог весть что – но в нашем положении тоже сойдет.

Шадрин уже заканчивал минирование подземелья, и, прихватив из его запасов парочку «монок», я в темпе поскакал их устанавливать. К этой дыре вообще нормальный подход был всего один – тот, по которому мы и пришли. Если бы не оползень, заваливший немаленький участок привычной для нас тропы, то сюда бы никто и не сунулся. На карте тут была обозначена «козья тропка», что сулило пешеходу дополнительный бонус в виде карабканья по скалам. Оттого-то здесь особо и не ходили. Хитрые басмачи, надо полагать, об этом знали, потому и устроили тут свое хранилище. И от основной тропы недалеко, и случайно никто не забредет – незачем.

Выгодное со всех сторон местоположение тайника имело, однако, и некоторые неудобства. Так, например, подойти сюда можно было только двумя путями. Тем, по которому мы и пришли, и еще одним, выводящим в ущелье. И если спуститься в него было можно без особых затруднений, хотя и не сразу, то вот залезть назад... Без веревки, сброшенной сверху, – дохлый номер. Сделав себе в памяти зарубку, продолжаю установку «сюрпризов». Обе мины я поставил так, чтобы они гарантированно перекрывали своими осколками тропу на протяжении ближайших пятидесяти метров. С этой стороны финиш, тем более что и мин не осталось. Возвращаюсь назад и начинаю искать. Чего? Я и сам поначалу не понимал, но какое-то чувство меня подстегивало – ищи!

Почти десять минут поисков ни к чему не привели. Усевшись на камень, осматриваюсь по сторонам. То, что «духи» не страдают массовым отупением головы, никто уже давно не сомневался. Оттого и я не считал их идиотами, загнавшими свой архиважный объект в тупик с одним входом. Итак, попробую встать на их место. Вот он – подход снизу к подъему. Сбрасываем сверху веревку, и вперед. Вернее – нам сбрасывают. Кто? Охрана склада? А как они об этом догадаются? Рации у них нет и телефона тоже. Что же им тогда остается? Орать во весь голос? Угу... Еще раз осматриваю край скалы. Вот следы от трения веревки. Все правильно – здесь подъем легче. А крепят ее за что? Руками держат? Вряд ли – двоих человек для этого недостаточно, а больше в пещере никого нет, там только одно спальное место есть. Один спит – второй стережет.

Значит, веревку за что-то привязывают... или перекидывают – вот через этот камешек, например, как через блок. Точно! На его боковой поверхности вижу потертости – следы от веревки. Они огибали камень слева, если смотреть со стороны обрыва, значит, ее крепили справа.

Еще через пять минут все стало ясно.

Свернутая в кольца веревка была упрятана в скалах. Вниз спускался тонкий витой шнур серого цвета. Его и вблизи-то рассмотреть почти невозможно, а уж издали – и подавно. Так... надо идти на поклон к сержанту – просить взрывчатку.

– А ху-ху не хо-хо? – нелюбезно отвечает мне Шадрин. – У меня тут что – склад снабжения? Пещеру заминировать – и то еле-еле наскреб!

– Не жлобись, Михалыч! Там можно будет «духам» такой сюрпризик устроить нехилый! Да ты сам посмотри!

Оценив мою задумку, сержант отогнал всех в сторону, заявив, что серьезную работу должен делать специалист, то есть – он сам, ибо других в ближайшем окружении не усматривается. А всех прочих еще ожидает добрая тонна каменюк, коими мы должны перегородить тропинку повыше. Подошедший командир, оценив красоту моего предложения, поддержал сержанта, и вскоре над тропкой загремели перекатываемые булыганы. Судя по размаху, старший лейтенант решил возвести тут пирамиду Хеопса в миниатюре.

Однако закончить сие монументальное строение в срок нам не удалось. Чуть выше по тропе ударил пулемет. В ответ захлопали винтовочные выстрелы и огрызнулись несколько автоматов.

Из-за поворота стремглав вылетел Пашка Вершинин – наш пулеметчик.

– Ф-ф-у! – брякнул он на камни «ПК». – «Духи» прут!

– Много? – Командир уже стоял рядом и рассматривал в бинокль верхушки окружающих ложбинку скал.

– Пока не слишком. Харь тридцать будет.

– Минометы?

– Не видел. Обычная стрелковка.

– Тоже не сахар... Ладно, хорош базарить – по местам!

Долго ждать не пришлось.

Мне, по боевому расписанию, достался участок тропы, слегка прикрытый редким кустарником. Черт его знает, что это было за растение – но колючки у него... лишний раз не полезешь. Разве что у самой земли – там они чуток пореже. Туда-то я и смотрел во все глаза. И не зря! Вскоре один из таких просветов в ветках потемнел. А надо сказать, что скала позади него была светлая, почти белая. И в промежутках между листьями просматривалась весьма отчетливо. Скалам внезапно и без видимых причин темнеть несвойственно. А значит, что? «Дух» ползет... Вернее, полз. После моей очереди он затих и более не дергался. Минус раз. И тут же – минус два, «духи» попались упертые. Оставшимся это шибко не понравилось, и по мне, точнее – в мою сторону, долбанули из автоматов.

На здоровье... метровой толщины камешек пулей не взять.

Тем не менее обрадованные моим молчанием басмачи вскочили на ноги... и тут же снова залегли, прижатые огнем с левого фланга. Среди нас тоже особых лопухов не водилось.

Пущенная из Володькиного подствольника граната улетела за поворот, где ее приветствовали криками, мало похожими на радостные.

Уцелевшие басмачи откатились за скалу, и наступило некоторое затишье.

Спустя пару минут из-за угла высунулся шест с когда-то белым платком. Державший помахал им в воздухе пару раз и явил нам свое лицо.

– Эй, русский! Говорить будем!

– Говори! – крикнул в ответ командир.

Басмач вышел на тропку. Оружия при нем не было, только на поясе висел кинжал в

роскошных ножнах. Сделав по тропинке пару десятков шагов, он остановился. Положив на камни автомат, Голованов поднялся из укрытия.

– Командир! Ты это... может быть, я пойду? – повернулся к нему Шадрин. – Черт его знает, бандюка бородатого...

– Вместо меня будешь! – Старший лейтенант поправил форму.

Выйдя из-за укрытия, он сделал несколько шагов навстречу парламентарю.

– Ну? Что скажешь?

– Вас мало и долго здесь не продержитесь!

– Еще что?

– Слушай! Ты влез не в свое дело, русский! Уходи отсюда – спускайся с той стороны, и мы не станем тебя догонять!

– Это все?

– У тебя есть десять минут!

– За это время мы никуда не успеем уйти.

– Тебе нужно еще?

– Полчаса. И мой солдат проверит тропу. Потом вернется и скажет мне. Тогда и посмотрим. Ты ведь не самый главный в этом месте – там, внизу, могут быть и другие... те, у которых есть и свои командиры.

– Не веришь мне, русский?

– Нет.

– Ладно. Я буду ждать полчаса. За это время сюда принесут минометы... сам можешь понять, что вас всех тут ожидает после этого.

Басмач повернулся и пошел назад.

Голованов завернул за угол и подобрал с земли свое оружие.

– Врет, командир?

– Конечно. Но полчаса у нас есть. Хотя, если он сказал правду о минометах...

Со скалы спустили Макарова. Мишка был самым легким, и тащить его назад было удобнее. Мы сбросили вниз свою веревку – «духи» не должны были знать, что мы отыскиали их тайник.

– Как думаешь, сержант, не подстрелят его там? – спрашиваю я у Шадрина.

– Если не лопухи, то не подстрелят. Им это чертово зелье нужнее. По крайней мере, туда-сюда он сбегать сможет, хотя бы время потянет. Они же тоже не дураки – увидят, что никто из нас никуда не пошел, поймут, что мы притворяемся.

– А если лопухи?

Мой вопрос остается без ответа.

Бегу назад к пещере, надо доложить Голованову.

Застаю его сидящим у рации. В руке он держит наушники.

– Да. Понял. Есть. Будем думать.

Он опускает наушники и поднимает на нас глаза.

Тихо.

Все молчат, боясь неосторожным словом нарушить напряженную тишину.

– Значит, так, бойцы. Это Рюмин был.

Полковника Рюмина мы знали. Крутой и властный дядька – он, однако, был хорошим командиром, и солдаты его любили. Попросту не рисковал, отличаясь методичной подготовкой операций. Нимало не смущаясь, мог послать в задницу кого угодно, если от него начинали требовать ускорить выполнение порученной задачи. Одному из таких подгоняльщиков он ответил прямо: «Занимайте мое место – и вперед! В том числе и под трибунал – если сорвете операцию и положите бойцов! А я рапорт хоть сейчас напишу!» Особой любви у руководства ему такие высказывания не приносили, но у командующего он был на хорошем счету, и трогать его пока опасались.

– К нам на помощь идут ребята из десантно-штурмового батальона. Через полчаса-час

на дистанцию выстрела подойдут артиллеристы. Попробуют нам обеспечить и воздушное прикрытие. Ну, это уж как выйдет, я бы особо губы не раскатывал. Это все пряники.

– А есть и кнут? – интересуюсь я.

– Ну а куда же без него? Этот склад принадлежит Одноглазому Хафизу.

Нам всем поплохело очень основательно. Указанный персонаж был весьма злобным и умелым дядькой. Воевал грамотно и подлжки всяческие изобретал очень хитроумные. Противник был жесткий и безжалостный. Пленных старался не брать, а над захваченными солдатами издевался очень изобретательно, так что в живых никто не оставался. Даже среди своих он числился полным отморозком.

– Более того, он сейчас рядом и изо всех сил спешит сюда. Так что на полчаса можно не рассчитывать.

– То есть Мишку могут и не пустить назад?! Так надо его предупредить! – Поворачиваюсь я к выходу.

– Стоять! – окрик командира пригвозждает меня к земле.

– Но... как же так, товарищ старший лейтенант? Его же там убьют!

– Как только ты его окликнешь – убьют мгновенно. И сразу же атакуют нас. А как долго мы тут продержимся?

Все так... но в моих глазах стоит Мишкина фигура. Я вижу его улыбку и взмах рукой перед спуском вниз. Понимаю, что командир прав, но чтобы вот так... понимать, что имеешь возможность спасти бойца и не можешь этого сделать... Наверное, я никогда не стану офицером – не смогу выдержать груз подобных мыслей.

– Еще вопросы есть? – обводит нас взглядом Голованов. – Нет? По местам!

Глава 24

«Духи» не дали нам обещанных полчаса. Не дождались пяти минут.

Когда на площадке перед тропой легли первые мины, все сразу стало ясно.

Мишка не вернулся, и я так никогда и не узнал, что же там, внизу, произошло. Наверное, он оказался слишком гластастым... и не сумел этого скрыть.

Мины летели густо, можно было подумать, что «духи» решили перепахать ими всю землю на этом пятачке. Спасало то, что сидели мы практически вплотную к противнику – сюда они мин не бросали.

– Чего они так жарят-то? – спрашиваю у Голованова. – Да и в тыл им для чего стрелять?

– Они не лохи, Ершов! Просто пресекают всякую возможность перемещения по этому месту.

– Для чего?

– А там уже под обрывом наверняка кто-то есть. Вот они нас от него и отгоняют.

Вот оно, значит, как... Сейчас, по задумке ихнего командира, снизу поднимется группа и возьмет нас тепленькими. Но, если это так, стрелять басмачи скоро перестанут.

Делюсь с командиром этими соображениями, тот кивает.

– Все так. Будем ждать пока. Как кончат стрелять – беги к обрыву, мало ли что...

Стрельба стихла неожиданно, и я как-то прозевал этот момент. Только толчок командирской ладони вернул мне способность соображать.

– Давай, Саня! Бегом!

Вскакиваю на ноги и выбираюсь из узкой щели между скалой и наваленными около нее камнями. Старший лейтенант молодец – это он придумал такие на первый взгляд странные укрытия. А вот поди ж ты! От мин они нас спасли на ять!

Несусь по перепаханной разрывами площадке, слыша, как у входа уже заработал «ПК». Стало быть, «духи» начали отвлекающую атаку по тропе.

Вот он, обрыв.

Прижимаюсь к скалам и осторожно высовываю голову.

Так и есть – внизу стоят моджахеды. Человек двадцать.

Один из них ковыряется около стены – ищет шнур. Нашел. Отходит назад и резко его дергает.

Шнур был привязан к обыкновенному автомобильному колесу, точнее – к покрышке. Стена на этом участке имеет отрицательный уклон, и свободному падению груза ничего не препятствует. Так что и веревка разматывается без затруднений. А когда разматается почти вся, сдвигается с места жердь и смещает веревку вдоль склона, так, что она оказывается метра на два левее. И вот тут уже можно лезть вверх. Веревка при этом будет играть роль перил, надо только слегка поддержнуть ее нижнюю часть. Простенько и со вкусом.

Вот только наш сержант уже внес в этот нехитрый механизм свои усовершенствования...

Веревка тем временем уже на месте, и, прислушиваясь к недалекой стрельбе, вверх лезут первые «духи». Лезут с оглядкой, держатся не только за веревку, но и на скалах находят какие-то ступеньки и зацепки. Ну да, они тут, судя по всему, не в первый раз – дорогу знают. Пора бы...

Повернувшись жердь заодно приводит в действие простейший механизм зажигательной трубки. Даже двух...

И если первая из них попросту пережигает веревку недалеко от места ее крепления, то вторая...

В скалах глухо бахает, и стена содрогается, сбрасывая на головы стоящих внизу душманов немаленькое количество булыжников. А если учесть, что падают они с высоты примерно пяти-шестиэтажного дома... Да и вес имеют приличный... В общем – не хотел бы я туда сейчас. Камни разлетаются далеко, и убежать от них проблематично – Шадрин долго голову ломал, как половчее накрыть большой участок.

Камни обрушиваются на басмачей, и я вижу, как они падают, сбитые с ног ударами. Наблюдая за ними, пропускаю второй сюрприз – зажигательная трубка пережигает веревку. И все первопроходимцы, вопя, катятся вниз, сшибая друг друга по дороге. Тропа-то здесь неширокая, заныкаться на ней не выйдет. Особенно когда на голову вместе с камнями летят твои же товарищи... Только один «дух», шедший последним, как-то ухитряется зацепиться на стене. Снимаю его одиночным выстрелом.

Под стеной каша, не разобрать, кто и где. Живые точно присутствуют, слышно, как они орут. Уж всяко не от радости... Непострадавших не видно, но наверняка они тоже есть. Даю вниз парочку неприцельных очередей – пусть знают, что тут тоже сидит засада.

Прислушиваюсь и понимаю, что выстрелы на тропе тоже затихли. Это как понимать?

Осторожно пробираюсь назад и вижу Вершинина – он перезаряжает ленту к пулемету. Ага, значит, наши целы.

Не все...

Володька лежит ничком, и около его головы расплывается лужа крови. В левой руке зажата граната для подствольника. Осторожно его переворачиваю – все. Убит... Забираю его автомат – у меня подствольника нет. Подбираю гранату и из подсумков вытаскиваю еще одну.

Сбоку выворачивается Шадрин. Совершенно целый, даже и не поцарапанный. Только весь засыпанный пылью.

– Ершов? Как там? – кричит он еще издали, кивая в сторону обрыва.

– Как сковородой по яйцам! Два десятка басмачей, словно тараканов тапком, прихлопнуло.

– Эх! – сокрушенно качает он головой. – Такое зрелище пропустил...

Увидев Кикотя, он осекается.

– Что с ним?

– Амба. Холодный.

– Ах, ты ж... – сержант садится рядом с его телом. – Эх, Вовка, Вовка... Как же так?

– Да, вот так...

Голованова я нашел около начала тропы. Привалившись к стене, он снаряжал магазин к автомату. Коротко докладываю ему об обрыве.

Он кивает.

– Еще могут с той стороны полезть?

– Сомневаюсь. Я сверху стрелял, они это видели. Залезть на этот склон под огнем – самоубийство. Они-то думают – там засада сидит.

Рассказываю ему про Кикотя, командир печально вздыхает.

– Сидорчука тоже убило. Мина – прямое попадание в окоп.

Совсем хреново. Теперь нас осталось семь человек.

Со стороны душманов опять замахали белой тряпкой.

– Опять говорить хотят? – прищурился командир. – Тоже неплохо, нам сейчас каждая минута дорога.

По тропинке на этот раз шли двое. Давешний «дух» и еще один – в простой одежде. Его лицо пересекала черная повязка, закрывавшая левый глаз.

– Неужто сам Хафиз пожаловал? – удивляется старший лейтенант. – Ну, что ж – пойдем, поговорим.

Мы оба выходим на тропу. Оружие оставляем у скалы, но вот одну гранату я все же прихватываю с собой.

Обходя побитых басмачей, подходим к парламентарам. А прилично их тут ребята покروшили! Понятно, отчего Хафиз атаку остановил – не ждал таких потерь.

Вот и гости.

Одноглазый стоит чуть справа, к нему и подходит старший лейтенант.

– Ты хотел со мною говорить? – спрашивает он.

– Я хотел тебя увидеть, – спокойно отвечает «дух».

– Твое желание исполнилось. Можем расходиться.

– Ты так спешишь умереть?

– Все там будем... – флегматично отвечает командир.

– Хм! Но некоторые будут существенно раньше!

Старший лейтенант разводит руками. Мол, что поделаешь?

– Вы храбро сражались! – меняет тон Хафиз. – И поэтому у меня есть к тебе предложение.

– Опять уйти по тропе дальше? Пробовали – знаем. Не хочу.

– Ты не хочешь жить?

– Не хочу умереть как собака! Хлопну дверью так, что содрогнутся все.

– Это как же? – удивляется Хафиз.

– Да уж, способ отыщется... Заминирую твой склад – уничтожу плоды долгого труда твоих людей.

– Ты не рискнешь!

– Уже рискнул! Есть желание проверить? Прикажи открыть минометный огонь – и посмотри. Там, в пещере, пятьдесят килограммов тротила – такой салют будет видно издалека!

Хм, ну уж насчет пятидесяти килограммов – тут командир загнул! Да у нас столько и не было! Хотя «дух-то» про это и не знает... вон как его повело!

– Ты пожалеешь об этом, сын свиньи! Я лично вырву твои глаза! – Хафиза просто трясло от ярости.

Оно и понятно – столько бабла зараз потерять! Да еще и учитывая его отмороженность...

– Ты сначала до них доберись... – Голованов внешне абсолютно невозмутим, и только я понимаю, что он тоже уже на взводе.

– Что ты хочешь?! – выдыхает Хафиз.
– Уведи своих людей. Совсем. Мы проверим это – и тоже уйдем. Последнего заберет вертолет, который мы пришлем. И тогда он перед отлетом разрядит мины.

– Лжешь!

– А мне плевать на то, что ты думаешь. Сейчас сильнее я! Поэтому условия будешь ставить не ты!

«Дух» буквально обалдевает от такой наглости. Вот-вот его кондрашка хватит.

– У меня тут четыреста человек! Мы сотрем вас в порошок!

– Я уже предлагал вам посмотреть на взрыв? Последний из нас взорвет склад.

Голованов поворачивается назад, давая понять, что разговор окончен.

Хафиза буквально трясет. Внезапно, резким движением, он выхватывает откуда-то кинжал.

В следующую секунду на камни, звеня, падает кольцо с чекой.

– Остынь! – Граната в моей руке покачивается перед лицами душманов. – Только дерни рукой – и я разожму пальцы!

– А тебя, собачий сын, я найду даже на том свете! – цедит сквозь зубы одноглазый. – И всех вас, куда бы вы ни скрылись. Заройтесь в землю на полкилометра – и оттуда выну!

– Все сказал? – осведомляюсь я нарочито безразличным тоном. – Тогда – катись отседова!

Второй «дух» тянет Хафиза за рукав и что-то шепчет ему на ухо. Тот успокаивается и, мрачно на нас посмотрев, поворачивается назад.

– Уходят, товарищ старший лейтенант! – шепчу я Голованову.

– Да и нам пора...

Вернувшись назад, командир расставил нас по местам.

Потянулись минуты – все понимали, что долго ждать не потребуется, «духи» уже наверняка готовят новую атаку.

В наступившей тишине неожиданно громко прозвучал динамик радиостанции: «Береза-два! Береза-два! Ответьте двадцать восьмому!»

Одним прыжком Голованов оказывается у радиостанции и хватает гарнитуру.

– Здесь Береза, двадцать восьмой!

– Как обстановка?

– Держимся.

– Могу помочь оркестром – координаты давай.

Старший лейтенант быстро называет несколько цифр, смотрит на карту, морщит лоб и еще добавляет какие-то обозначения.

Слышу я его краем уха – в верховьях тропы уже началось нездоровое шевеление. Не иначе как басмачи атаку готовят.

– Ершов! – окликает меня командир. – Давай сюда!

Стоит только мне подбежать, он сует мне в руки гарнитуру.

– Давай, артиллеристам поможешь, а я – к ребятам. «Духи» вот-вот пойдут!

Беру в руки еще не успевший остыть наушник. Прикладываю к уху.

– Береза?

– На связи!

– Даю пристрелочный, смотри там...

Спустя несколько мгновений что-то хрипит в воздухе.

Бабах!

Разрыва я не вижу, о чем честно сообщаю собеседнику.

– Так и знал... вечно вы там напугаете... Где хоть бахнуло-то?

– Дальше где-то. Почти на тропе. От нас метров пятьсот будет, а то и больше.

– Урежем... Еще один...

Похоже, что упавший где-то в тылу у душманов снаряд только их подстегнул. Из-за поворота молча и без выстрелов разом выперла атакующая шеренга басмачей. Это было

настолько неожиданно, что первые секунды никто из нас не стрелял. Потом ударил Пашкин пулемет. Его поддержали автоматы.

Без толку...

«Духи» заорали все разом и поперли просто безостановочно. Очереди валили их и пробивали бреши в плотной стене тел, но атакующие продолжали бежать.

– Береза! Уснул?!

– А? Нет... еще ближе надо!

– Держи...

Где-то наверху ухнуло, и на тропу обрушился ливень камней. Хвостовым душманам, должно быть, пришлось несладко...

– Есть! Есть! Только еще ближе – метров на сто! И левее на полсотни!

– Ага...

А передние басмачи уже были метрах в двадцати от наших позиций. Разом ухают две «монки», накрывая тропу визжащими в воздухе шариками. Первые ряды атакующих словно косою срезало. На секунду атака замерла. Но чей-то громкий крик «Аллах акбар!» снова толкает их вперед.

Хренак!

Черный столб разрыва встает на правом склоне. Ближайших басмачей отбрасывает, и сломанными куклами они катятся под ноги набегающим сзади.

– Здорово! – ору я в микрофон. – Как надо легло! Еще давай! Не спи там!

– Ну, ты и нахал! – отзывается собеседник. – Ладно, лови там... Четыре пошло!

Спустя несколько мгновений тропу накрывают сразу три снаряда. Один падает где-то в стороне. Но и этого вполне достаточно. Орудия бьют серьезные, не меньше чем стодвадцатки, а то и поболее. Не силен я в этом деле и разрывов раньше вот так близко не видел никогда.

Но как бы то ни было, «духам» хватает и этого. Взрывы разбрасывают душманов, и они начинают прятаться. Атакующий порыв слегка поутих...

– Давай! – снова кричу в микрофон. – Что вы там зависли? Еще столько же вали! Даже два раза по столько!

Собеседник только хмыкает.

И на тропу обрушивается еще пяток снарядов.

Все затягивает дымом и пылью. И в этом непроглядном облаке внезапно грохочет сразу десяток автоматов. Оборачиваюсь вправо и вижу...

Скользя по сброшенным веревкам, стреляя во все стороны, сверху спускается десяток басмачей. Вот оно как... был, значит, у одноглазого в колоде пятый туз. Они же уже в тылу у наших!

– Ближе двести, правее полтораста! Десять снарядов!

– Сдурел?!

– Кто тут из нас более глазастый?! Я здесь – а ты за три версты! Давай!!!

Меня подбрасывает в воздух и шмякает боком о камень – хреново я все-таки расстояние определять умею... Слишком близко снаряды легли.

Снова стрельба на тропе.

Да когда ж они только кончатся?

– Ориентир прежний! – кричу я в микрофон. – Еще давай!

Тишина...

Дергаю к себе рацию и обнаруживаю в боковой стенке неслабую дыру.

Приплыли...

Не слышу уже пулемета, сбили? Вразнобой трещат выстрелы, но их как-то мало.

Неужто нас всех положили?

Как же так, ведь все сложилось уже?!

Вскакиваю на ноги и сталкиваюсь лицом к лицу со здоровенным «духом», вынырнувшим прямо из пылевого облака. В руках у него винтовка – «бур». Увидев меня, он

вскидывает ее, но, не поднимая автомата, прямо от бедра, я луплю длинной очередью. Басмач, выпучив бешеные глаза, делает в мою сторону шаг... и мягко заваливается на бок. Но он еще пытается ползти ко мне.

Так он под кайфом! То-то и глаза такие... нехорошие...

В пыли орут еще «духи», и я выстреливаю на звук остатки магазина. Тональность криков резко меняется....

Где склад?

Рядом же где-то...

Точно!

Вот она – яма!

Черт!

А дергать-то за что?

Или поджигать?

Чего? И где?

Вскидываю автомат и пускаю внутрь гранату из подствольника.

Не детонирует!

Сваливаюсь вниз.

Тут пусто, только вонючий дым от разрыва еще висит в воздухе.

Где шашки?! Взрывчатка где?

Снаружи снова орут, и, высунувшись в коридор, запускаю вдоль него еще одну, последнюю гранату.

Бах!

Снова крики.

Да вот же они!

Пучок тротильных шашек, да еще и детонирующий шнур, ведущий куда-то в глубь склада, – вот и все мои достижения.

Больше ничего пока не нахожу.

Да и света тут мало – только тот, что от входа попадает. Но там сейчас пылица до небес, и ни хрена не видать даже наверху.

В растерянности оглядываюсь по сторонам, автоматически заменяя расстрелянный магазин. Над головой вжикает – «духи» спустились в пещеру, и кто-то из них на всякий случай шархнул вдоль по коридору из автомата.

Падаю на пол и щедрой очередью перекрещиваю коридор от одной стены до другой. И назад, но уже чуток пониже... Затвор лязгает – патроны все.

В отличие от басмачей, мне везет больше – у входа слышны крики и вопли, значит, прилетело гостям основательно. Перекатываюсь вбок, меняя магазин, и локтем натыкаюсь на какую-то хрень. Взгляд вниз...

Да это же зажигательная трубка! Быстро хватаю ее в руки – рывок, и бикфордов шнур выплюнул струйку дыма.

Так, полдела сделано, теперь бы самому ноги унести...

Автомат за спину, хватаю ближайшие бочонки – и вперед! Тут темно и пыльно, так что сразу и не разглядеть – кто там навстречу бежит. А вот белые бочонки видно неплохо. Тут все просто – спасает наркоту, значит, свой.

Так это или нет, сейчас и проверю. Воевать мне тут уже незачем – с минуты на минуту все сержантское хозяйство рванет так, что мало не будет. Пятьдесят не пятьдесят, а килограммов двадцать тротила вперемешку с пластиком он сюда запихал. Пора делать отсюда ноги...

Навстречу мне по коридору кто-то бежит.

Момент истины – будет стрелять или нет?

Не стреляет, пытается отобрать у меня ношу. Ага, сработало! Отпихиваю его локтем и, кашляя, пытаюсь что-то сказать.

Кашель, кстати говоря, вполне естественный – дышать тут уже вообще нечем. И

видимость совсем никакая – я только ноги бегущего и вижу. Да и то... Я-то с темноты смотрю, глаза уже привыкли как-никак, а он со света вскочил, еще толком ничего и не видит. А туда же – к наркоте!

Перестав со мною бодаться, «дух» что-то хрипит и бежит дальше.

Бежал...

Нож у меня острый, и работать им учил старшина – а он в этом деле мастер знатный!

Так что теперь мы имеем еще и халат. Нахлобучиваю на голову трофейную чалму, заодно прихватываю у покойника гранату и пару магазинов. Можно бы и больше, но по коридору уже бегут новые гости. Жадность фраера сгубила! Не хочу сейчас лишний раз подтверждать эту пословицу и, нагрузившись бочонками, топаю к выходу.

Толпа «духов» пробегает мимо – эх их к наркоте-то тянет!

Вот уже и выход наверх.

Тут по-прежнему хреновая видимость, снаряды продолжают где-то падать, и сквозь их разрывы можно расслышать отдельные выстрелы. Интересно... наши еще держатся где-то?

Отбегаю от дыры в земле метров на пятнадцать – тут уже что-то видно. Бросаю груз и скидываю вонючий, пропотевший халат.

Ну, вот теперь и пово...

Земля резко бьет меня в ноги, и чья-то громадная ладонь со всей дури лупит по ушам...

Жуткая вонища ударяет мне в нос, и я инстинктивно отворачиваю голову в сторону.

– Э! Хорош там!

Правой рукой пытаюсь отпихнуть от себя этого садиста.

Зрение понемногу фокусируется, и видно, что около меня стоит невысокий мужик в нашей форме. Свой?

Откуда-то сбоку выворачивается Голованов. Голова у него перебинтована, и левая рука висит на перевязи.

– Очнулся? – спрашивает он. – Ходить-то можешь?

– Попробую...

Земля угрожающе качается под ногами, но кое-как передвигаться я, похоже, могу. Нашариваю рядом автомат.

– Что тут, товарищ старший лейтенант? «Духи» где?

– Вспомнил! – хмыкает командир. – Да ты тут, почитай, час в беспамятстве валялся! Сачковал, можно сказать!

Как выяснилось, минут через десять после того, как бабахнул склад, над тропой появились вертолеты, сбросившие вниз роту из десантно-штурмового батальона. От таких подарков «духам» резко поплохело, тем более что и артнаводчики у десанта были – не чета мне. Так что совместными усилиями басмачам надавали по шее, и их остатки теперь где-то гоняют по горам.

Нам досталось основательно. Командира дважды ранило. Пулей в руку и ножом порезали голову в рукопашной. Уцелел Вершинин – у него только покорежило пулемет да легко контузило. Сашка Карпов получил пулю в ногу. И только сержант остался абсолютно целым, хотя всю форму на нем словно собаки рвали. Но ни одной раны у него не было. А вот всем остальным не повезло...

Кстати, мой собеседник-артиллерист оказался командиром артполка! Когда восстановили связь, он первым делом поинтересовался моей судьбой. Узнав, что я жив, велел передавать привет и пригласил нас всех в гости.

– Когда рванул склад, – рассказал мне командир, – «духи» словно оцепенели на мгновение. Даже стрелять перестали. Потом все бросились к месту взрыва. Что уж они тут найти хотели – бог весть! Но мы такой подарок упустить просто не могли и отошли на новые позиции. Так что, когда они вернулись, нас на прежнем месте уже не было. А потом пришли вертушки...

Так все и кончилось.

За уничтожение склада командиру чуть было не дали орден. Да не какой-нибудь – Знамя! Потом вдруг вспомнили, что опиум – это ценное лекарственное сырье. Потом... в общем, все закончилось Красной Звездой. Учитывая все обстоятельства происшедшего, это можно было считать не самым плохим результатом. Шадрин получил медаль «За отвагу». Посмертно наградили и Кикотя, и Карпова – тоже медалями. А всем остальным ничего не обломилось. Я, кстати говоря, не очень-то и жалел. Через пару месяцев светил дембель, и в мыслях моих уже прикидывались различные варианты будущей жизни.

А вот Хафиз пропал. Ни среди мертвых, ни среди пленных его не нашли. Да и после о нем уже никто не слыхивал. Надо полагать, пристукнуло его где-нибудь осколком или булыжником, и он теперь мирно валялся под каким-то кустом. И это, пожалуй, было самым важным результатом нашего боя...

Глава 25

– Ну и зачем им столько этого... э-э-э... зелья? На сколько же лет они собирались сделать тут запасы? – Голос отца Варшани возвращает меня к действительности. Только что в моих ушах еще слышались выстрелы и хрип голоса в наушниках – и вот я снова сижу в полутемной комнате башни. Только неяркие лучи заходящего солнца, проникая через амбразуры, освещают помещение. А вместо рукояти автомата моя правая рука сжимает подлокотник кресла.

– Г-х-м-м! – прокашливаюсь я. – Тут, святой отец, положение несколько иное... Само по себе это зелье может быть использовано не только во вред. Ну, это уже с целителями говорить надо, не наша с вами это епархия.

По тому, как вскинулись его брови, понимаю, что его епархия несколько более обширна, нежели я изначально предполагал. Учтем...

– Если эту... э-э-э... массу переработать определенным образом, то из нее может выйти как ценное лекарство, так и страшнейшее дурманящее зелье. Из одного такого бочонка можно получить не более горсти этой отравы.

Брат Манрике облегченно вздыхает.

– Однако и этой горсти хватит для того, чтобы навсегда поработить разум и чувства всех, кто сейчас находится в замке.

Монахи обалдело переглядываются.

– Эти бочонки нельзя слишком долго хранить – смесь утратит свою силу.

– Понятно, отчего их хранили именно в этом помещении, – кивает седой монах. – Муки умирающих должны были придать зелью новую силу.

– Ну, брат Манрике, тут я с вами мог бы и поспорить... Эта смесь и в исходном-то состоянии урочет хоть кого! Хотя, может быть, в ваших словах тоже есть зерно истины. Я-то в магии не силен – не то что вы!

– Ну... я бы не слишком преувеличивал свои способности. В конце концов, мои изыскания в данной области насчитывают всего тридцать лет... многое мне еще не открыто.

Вот так ни хрена ж себе! Монах-то уже три десятка лет колдунством и волшебством занимается! Вот это мастер! А на вид и не скажешь...

– Не спорю, возможно, что дальнейшее применение этого зелья и принесет пользу, но сейчас у нас есть более важные вопросы, – снова берет слово хитропоп. – Что с Орденом делать будем, братья?

– Вы не видели людей, святой отец, попавших под воздействие этой смеси... – качаю я головой. – Одурманенный человек может пойти с голыми руками на конного рыцаря...

Барон саркастически хмыкает.

– ... и выйти из этой схватки победителем! Причем не единожды!

Впечатлило – барон нахмурился. То-то, не следует недооценивать вероятного

противника! Хотя отчего же вероятного? Очень даже реального!

– Я очень хорошо представляю себе, на что способны люди, одержимые этим зельем, барон! И прошу всех присутствующих отнестись к этому максимально серьезно! Учтите, что на свете нет такого преступления, на которое не может пойти такой человек. Семья, вера, честность и порядочность – абсолютно все может быть принесено в жертву этому жуткому пристрастию.

– Это настолько страшно? – тихо спрашивает брат Манрике.

– Лишенный зелья человек испытывает адовы муки уже при жизни... За очередную дозу он готов продать в рабство собственную мать.

В итоге все бочонки затащили в соседнюю башню и, подняв на самый верх, выставили тройное кольцо постов. Так-то оно поспокойнее будет. А я почти до рассвета объяснял Мирне и монахам процесс приготовления различных веществ, которые можно было получить из опиума. Не оставляла меня мысль, что я не первый, кто в данном мире обратился к этому вопросу. И очень мне хотелось в этом ошибиться...

Спал я беспокойно, всю ночь вертелся, как карась на сковороде. Сны приходили какие-то странные. Чьи-то бородатые и бритоголовые морды лезли в двери и окна – я отмахивался от них кочергой. «Почему кочергой? – подумалось мне. – Ведь есть клинок?» Ответом был злобный гогот нападающих. Замахнувшись в очередной раз своим импровизированным оружием, я со всей дури лупанул кулаком по стене – и проснулся.

Горящий на полу светильник освещал сидящую около меня сероглазку. Ее тонкая рука гладила мой вспотевший лоб.

– Тебе снилось что-то страшное? Я боялась за твои зубы – ты так ими скрипел!

– Прости...

– За что?

– Напугал тебя... спать не даю.

– Глупый! – Ее рука вытирает пот с моего лба и приносит с собою какую-то прохладу и успокоенность. – Если я не буду рядом – кто защитит твой разум от ночных кошмаров?

– Ну! Это всего лишь сны!

– Не стоит быть таким легкомысленным! – хмурится Мирна. – Очень многих сильных воинов убили ночные страхи... это старая история, и она является правдой! Мы до сих пор не знаем, как бороться с этим...

– Ты самое лучшее лекарство от любых страхов и кошмаров! – притягиваю ее к себе. – И только ты способна усыпить меня эффективнее, чем бейсбольная бита по затылку!

Господи!

Что я несу?!

Хренасе комплимент для любимой женщины...

Нет, меня точно надо чем-то стукнуть – вконец уже оборзел!

– А что это такое? – заинтересованным голосом спрашивает Мирна. – Для чего нужна эта... бита?

Приплыли...

Рано утром, едва продрав глаза, выбираюсь из-под одеяла. Потихоньку, стараясь не разбудить сероглазку, прокрадываюсь к двери и, только оказавшись снаружи, надеваю наконец сапоги и перевязь с клинком.

Дежурный Кот смотрит на меня понимающе.

– Спит? – кивает он на дверь.

– Угу.

– Как она вчера вместе с седым монахом эти подвалы орденские разгребала! И мужиков-то мутило, а тут – почти девчонка!

– Э-э-э... какие подвалы?

– Ну, те – где их логово-то основное было.

Так... Шас я кому-то звездану... И даже знаю – кому. Ну, отец Варшани, готовьте свинцовую примочку... фонарь под глазом нимало не способствует повышению авторитета среди подчиненных.

Уже выбегая во двор, слышу звучание рога у ворот. А это еще кто?

Делаю крюк и выскакиваю к привратной башне.

Тут несут караул баронские дружинники. Несмотря на ранний час, барон тоже на ногах – расхаживает вдоль парапета.

– Утро, милорд! – приветствует он меня.

Надо же! Запомнил мою поговорку, что «утро добрым не бывает».

– И вам, барон, здравствовать! Не спится?

– Да уже час почти на ногах. Тревожно тут спать...

Понимающе киваю.

– Да, я тоже это заметил. У нас гости?

Он кивает на парапет.

– Городское ополчение.

– Ого! Много?

– Ополченцев около сотни. И прочих чуть не вдвое больше.

– И зачем они здесь?

– А вот городской голова с ними прибыл – пускай и объяснит что к чему.

И точно – впереди колонны красуется на коне Вилеас Брот.

Наконец-то! А то я уже заждался его появления, честно говоря...

Даю команду открыть ворота и вместе с бароном выхожу навстречу визитерам.

Увидев меня, городской голова быстро слезает с лошади и преклоняет колено.

Следом за ним, лязгнув железом, опускается на одно колено и все его воинство. Толпящиеся за ними гражданские тоже следуют их примеру. Причем, как я уже замечал это и раньше, они опускаются на оба колена. Хм, надо будет порасспрашивать знающих людей об этих обычаях.

– Как вам эти солдаты, барон?

– Одеты и вооружены неплохо. Ну а каковы они в деле... – разводит он руками.

За разговором мы подходим к прибывшим.

– Вставайте, Вилеас! – говорю городскому голове. – Да и всех прочих поднимите, земля с утра холодная.

Команда моя выполняется с похвальным рвением.

– Честь имею приветствовать вас, милорд! – снова кланяется Брот. – Услышав о происшедшем, мы не могли оставаться в стороне!

– Не очень-то вы и торопились, надо сказать!

– Милорд, войска господина барона проследовали через город, и мы были уверены в том, что на первое время все обойдется. Поэтому предпочли тщательно подготовиться и уже после этого выступить к вам на помощь.

Ну... известный резон в его словах присутствует, не спорю.

– В таком случае, Вилеас, представьте мне свое... своих сопровождающих.

– Город подготовил и вооружил девяносто солдат. Тридцать копейщиков, сорок мечников и двадцать опытных арбалетчиков. Они все готовы выполнить любые ваши приказания.

– То есть, – вклинивается в разговор барон, – все эти солдаты содержатся за счет городских средств? На какой срок они вступили в войско?

Надо отдать должное Лэну, суть происходящего он уловил значительно быстрее меня. На вопросительный взгляд городского головы я утвердительно киваю.

– Вилеас, барон Вольте командует всеми вооруженными силами, которые состоят

сейчас или будут состоять в будущем под моим знаменем.

Барон удивленно вскидывает бровь, но виду не показывает и вопросительно смотрит на Брота.

– Как обычно, господин барон. Один год и один день. Начиная со вчерашнего.

– То есть после этого срока платить им будет уже сам милорд?

– Так принято, господин барон, – разводит руками городской голова.

– Нормально, барон, – вмешиваюсь уже я. – Через год и посмотрим... А все остальные люди, Вилеас, они тут что делают?

– Время нынче тяжелое, милорд. Трудно верить кому-то, даже хорошему знакомому. Мы долго думали – как обеспечить преданность каждого солдата?

– Судя по всему, Брот, такое решение вы нашли?

– Да, милорд. Все эти люди – родственники солдат. Дети, у кого они достаточно взрослые, и жены. Эти люди готовы работать в вашем замке, ведь здесь большая нехватка в слугах, не так ли, милорд? А заодно они будут являться гарантами того, что их отцы и мужья будут служить вам честно. И наоборот...

– А платить им будет город? – ехидно спрашивает барон.

Ай да Брот! Вот это проныра! Разом пристроить на работу к лорду двести человек! Да его местное население на руках теперь носить будет!

Вилеас смущенно потупил глаза.

– Ну... про это в вассальной присяге ничего не сказано... но город готов... мы постараемся найти средства...

Засмеявшись, хлопаю его по плечу:

– Вилеас, от этих расходов я не обеднею!

Поворачиваюсь к стражнику у ворот:

– Пусть сюда вызовут управляющего – сегодня у него будет много работы! Барон, – оборачиваюсь к Лэну, – принимайте солдат! Вилеас, а вас я приглашаю в замок погостить на денек!

Уже во дворе замка барон деликатно трогает меня за локоть:

– Милорд...

– Да, Лэн?

– Вы только что назвали меня своим главнокомандующим...

– Ну да, назвал. И что нужно сделать еще? Издать постановление или указ? Что-то подписать? Не стесняйтесь, барон, я же не всегда был лордом! Многих вещей просто не знаю, мог и ошибиться...

– Нет, милорд, вполне достаточно вашего слова, произнесенного при других военачальниках или просто при свидетелях. Так что здесь все правильно.

– А в чем неправильно?

– Но вы еще не видели меня в бою...

– И что? Прикажете мне ждать войны? А до того времени командовать самому? Я уж вам накомандую... никому мало не покажется. Привыкайте, Лэн, со мною скучно не будет! Да и где еще я сейчас найду опытного командира? Вы уже несколько лет сдерживаете горцев своими силами. А они не слишком велики, не так ли, барон?

– Не слишком.

– И тем не менее – вы держитесь! Значит, умеете. Да и солдаты ваши хорошо обмундированы и вооружены, опытные и грамотные вояки. Какой еще рекомендации вам надо, Лэн?

Глава 26

Прибывшее пополнение оказалось более чем кстати. Особенно это касалось, так сказать, обслуживающего персонала – слуг катастрофически не хватало. Мрачный замок даже как-то ожил и, казалось, помолодел. Во всяком случае – чище точно стало. Лексли,

углядев среди новых солдат пару-тройку кандидатов, нагло упер их из-под командования барона. Тот обиженно засопел, и пришлось мне их примирять. Отобранные солдаты тут же попали в оборот к Котам, и те принялись их нещадно гонять. Прямо с первого же дня. На мой вопрос – зачем, Лексли ответил, что надо уже готовить внутреннюю охрану замка. Мою собственную, а не из числа Котов или баронских солдат. Возражений у меня не было. Да и не стал бы он их слушать, как я полагаю. Приказ Старика для него всегда будет приоритетнее, нежели мой.

Монахи тем временем продолжали активно обшаривать замок. Разгадали наконец секрет того странного механизма в подземелье. Это оказалась шлюзовая лебедка. Открыв шлюзы, можно было затопить не только замковый ров, но еще и часть подземных коридоров, окончательно отрезав любую возможность пройти в старую башню иначе, чем по земле. Хотя, откровенно говоря, мне в это верилось слабо. Не могли же древние строители быть уж совершенными лопухами? Отрезать себе пути отхода? Совсем надо из ума выжить! Наверняка какой-то ход они все же оставили...

Очнувшегося к вечеру пленника мы совместными усилиями выпотрошили быстро. Знал он немного, хотя и был в Ордене уже четвертый год. Показал парочку скрытых дверей. За одной из них отыскался весьма неслабый арсенал. А я-то думал, откуда эти ушлые ребятки себе арбалеты добыли? По окончании допроса его уволокли спецмонахи, брат Иан имел на него какие-то виды.

За разговорами и допросами я как-то позабыл свое утреннее намерение устроить ручную коррекцию физиономии отцу Варшани. Меня хватило только на недовольное ворчание в его адрес. На что хитропоп, нимало не смутившись моими претензиями, предложил мне самому попробовать остановить Мирну в процессе выполнения ею профессионального долга.

– Но ведь там уже не было живых, святой отец!

– А те, кто проводил исследования? Те, кто изучал подземелье?

– Ох, отче, умеете вы тень на плетень наводить...

А к вечеру появились очередные гости.

До зубов вооруженный караван – человек двадцать. Молчаливые коренастые парни в черной броне. Оглядевший их со стены Лексли коротко бросил: «Вороны» – и пошел вниз, к воротам.

Спускаясь вслед за ним со стены, по пути вытрясаю из него информацию о чернобронниках.

Это наемники. Но не простые, воюющие на чьей угодно стороне – лишь бы платили. Это, так сказать, наемничья элита – отряд Воронов. Их немного – всего человек триста. Но нанять их по карману далеко не каждому. Ибо деньги за свою работу они берут весьма основательные. Именно их частенько нанимает орден святого Вайта, когда нужно перевезти куда-нибудь приличную сумму денег. Или что-то очень ценное.

Так, надо полагать, к нам пожаловали представители сей почтенной и уважаемой организации. И поэтому, когда во въезжающем во двор всаднике я узнаю достопочтимого Огена, то только лишний раз удовлетворенно хмыкаю.

– Милорд... – склоняется в вежливом поклоне визитер. – Рад видеть вас в добром здравии!

– Взаимно, любезный Оген! Как вам дорога? Не устали? Может быть, отдохнете у нас?

– Дорога могла бы быть и лучше. Так что предложение ваше принимаю с благодарностью! Но, милорд, только после выполнения всех формальностей.

Ну, раз так...

Церемония проходит в командной башне.

На столе стоит тяжелый металлический ящик. Его бока покрыты какими-то завитушками и странными узорами. По бокам видны ручки, за которые его и втащили наверх четверо Воронов. Сами они после этого никуда не ушли, а выстроились вдоль стены.

Здесь же присутствует и барон вместе с Лексли. И вся верхушка монашеской братии.

– Милорд, – обращается ко мне Оген, – подтверждаете ли вы свое желание принять оставленную для вас посылку?

– Подтверждаю.

– Кто с вашей стороны готов выступить свидетелем того, что решение это было принято вами самостоятельно и без уговоров с нашей стороны?

Фигасе! Это что ж там у него такое в этом ящике?

Справа от меня делает шаг вперед Лексли. По знаку отца Варшани вперед выходит брат Рон.

– Достаточно, – кивает Оген. – Прошу вас всех осмотреть ящик и засвидетельствовать подлинность и целостность печатей.

Он выкладывает на стол свиток пергамента, расправляет его и прижимает края подсвечниками.

– Здесь, на документе, имеются три печати. Отделения Ордена в Граце, личная печать Серого рыцаря Хольдена и печать гильдии торговцев Граца. Аналогичные печати стоят и на ящике – прошу их осмотреть.

Осматриваем ящик и сверяем печати. Все правильно. С его стороны указанную операцию повторяют двое Воронов.

– Прошу вас подтвердить своими подписями указанный факт, – протягивает нам чернильницу с пером Оген.

Расписываемся.

Оген подписывается тоже и делает на подписях оттиск своей печати. Вороны отходят к стене и занимают прежнюю позицию.

Банкир достает еще один свиток.

– Я, Оген Вюртц, начальник Грабенского отделения ордена святого Вайта, настоящим подтверждаю передачу ящика, который был сдан в это отделение Ордена Серым рыцарем Хольденом. По условиям хранения данный предмет должен быть выдан тому Серому рыцарю, который выйдет живым из дома смерти и потребует у Ордена выдачи принадлежащего ему имущества. В подтверждение этого предъявляю вот это письмо. Прошу вас, милорд, его прочесть. Вслух, пожалуйста.

И он протягивает мне еще один свиток, который достает из кожаного футляра.

Разворачиваю. Пергамент очень старый, края уже осыпались, и чернила сильно повыщели. Но текст все еще читаемый, пусть и с затруднениями.

«Тот Серый рыцарь, что выйдет, несмотря ни на что, живым из дома смерти и придет за своим имуществом в орден святого Вайта, да заберет себе сей ящик и все, что в нем находится».

Подписи нет, есть только дата.

Действительно, сто пятьдесят три года назад!

Протягиваю письмо монахам, и они внимательно его осматривают. Кивают, и я возвращаю его Огену.

– Кто-нибудь имеет возражения или замечания по существу данного вопроса? – спрашивает он.

Молчание.

– Милорд, в таком случае прошу вас принять сей ящик и вместе с ним всю ту

ответственность, которая и возложена на его обладателя.

Опаньки, а вот это что-то новое! Он ничего про ответственность мне не говорил!

– Любезный Оген, а из чего это следует? – спрашиваю банкира.

– Простите, милорд, что именно?

– Ответственность.

– Это общеизвестный факт.

– Ну, как сказать... я вот ничего об этом и не слышал никогда!

– В хранилище Ордена, где находился этот ящик, дважды прорывались вору. И оба раза все они остались лежать рядом с ним. Мертвыми.

Однако!

Прямо не ящик, а мина замедленного (аж на сто с лишним лет!) действия.

– Э-э-э... а на их телах были какие-то следы? Раны?

– Мне ничего не известно об этом, милорд. Последний такой случай был более ста лет назад. Данные того времени, если когда-нибудь и существовали, – не сохранились. С той поры уже никто не дерзал проникать в наши хранилища.

Ох, темнит что-то банкир!

– Но вот ваши солдаты... Вороны – они же несли его сейчас? И ничего не произошло, как же так?

– Во-первых, милорд, я все время был рядом. А мы имеем право перемещать ящик по своему усмотрению. Это оговорено отдельным документом. Предъявить?

– Не нужно, Оген, я вам верю. А что во-вторых?

– Никто из них не пытался его взломать или повредить.

Оглядываю массивные стенки ящика. Да уж... такой сломаешь... Прямо как засыпной сейф у нашего главбуха.

– Понятно. Это все?

– Подойдите к ящику, милорд.

Мы оба становимся друг напротив друга. Оген кладет правую руку на овальную пластину, расположенную на верхней крышке ящика. Другой рукою он указывает мне на такую же пластину, расположенную напротив.

– Положите сюда свою правую руку, милорд.

– Что это?

– Завершающая процедура передачи. Только настоящий Серый рыцарь может ее пройти. Любого другого убьет на месте.

– Вот как? И что – кто-то уже пробовал?

– Да.

– И... как?

– Похоронили... Вы готовы, милорд?

– Да. А что надо делать?

– Я, представитель ордена святого Вайта, по праву и договору хранивший этот предмет, передаю его в руки того, кто заявил на него свои права.

Показалось мне или нет – но пластина под моей рукою потеплела?

Банкир смотрит на меня – что-то надо сказать? Что же?

– Я, Серый рыцарь, Сандр Ерш, принимаю этот предмет из рук представителя ордена святого Вайта. Подтверждаю свое право владения ящиком и всем его содержимым!

Пластина становится горячей – вижу, как закусил губу Оген, ему тоже несладко. Надо полагать, и его поджаривает сейчас весьма неслабо. А оторвать оттуда руку не могу – ее словно притягивает к крышке.

И вдруг – все заканчивается. Пластина остывает, и я могу легко убрать руку с ее уже совершенно холодной поверхности.

Надо же... средневековый детектор лжи... Ага, и приговор сразу выносит.

Лязг металла – Вороны опускаются на одно колено. Оген почтительно склоняет голову.
– Благодарю вас, милорд! Вы сняли с наших плеч тяжкий груз и большую ответственность!

– Да, ладно! Это вам спасибо!

– Нам-то за что? – искренне удивляется банкир.

– За хорошую память! И образцовое сохранение вклада в течение ста пятидесяти лет!

– Ста пятидесяти трех, милорд.

– Пусть так! Но от ужина вы все же не откажетесь?

– Как можно, милорд?!

Уже спускаясь вниз по лестнице, спрашиваю банкира:

– Оген, а что с ним дальше делать-то? Ключ от него есть?

– Нет, милорд, – серьезно отвечает он. – Вы должны сами его открыть. Но как именно – я не знаю. Открыть ящик можете только вы и в одиночку – это специально оговорено.

– Так, Оген, вы вот что – садитесь-ка около меня и не торопясь, обстоятельно, в промежутках между едой, расскажите мне обо всем, что связано с этим ящиком.

Ужин надолго не затянулся, слишком уж торопился я назад. Да и сотрапезники, понимая мое настроение, нисколько мне не мешали. Так что, наскоро перекусив, я пожелал гостям и сотоварищам приятного аппетита и заторопился в башню.

Глава 27

Тут уже стемнело, так что пришлось озадачить охрану организацией освещения. Торопливые слуги притащили наверх дополнительное количество светильников и подсвечников с толстыми свечами, благодаря чему видимость значительно улучшилась. Косясь на ящик, они быстро откланялись и спустились вниз. Ну вот, уже и среди челяди пошли гулять слухи о страшном ящике, который привезли Серому рыцарю неведомые всадники в черной броне. Как там, у Стругацких, писалось – «вот так и рождаются нездоровые сенсации»? Нездоровые слухи появляются на свет точно так же...

Подтаскиваю к ящику табурет и сажусь. Теперь, наконец, я могу его тщательно разглядеть.

Оген говорил – небольшой? Ну, это смотря с чем сравнивать. Ящик почти квадратной формы. В длину и ширину практически одинаков – чуть меньше метра. А вот в высоту сантиметров шестьдесят. Открывается он на манер сундука – откидывается верхняя крышка. Линия ее стыка хорошо просматривается. А вот петель я не вижу. Совсем. Ну, это проблема небольшая – такой метод открывания-закрывания мне известен. Крышка сдвигается назад, и после этого ее можно открыть – петли внутренние. При закрытии у нее наверняка есть хитрые рычажки, входящие в пазы корпуса. Кстати говоря, сломать такую крышечку – дело весьма непростое. А уж учитывая то, что сам этот ящичек сделан из металла – так и вовсе почти невозможное.

Постукиваю рукояткой кинжала по боковой стенке. Судя по звуку, она достаточно толстая для того, чтобы ее можно было бы распилить имеющимися у меня инструментами. Стало быть, этот вариант отпадает. Да, откровенно говоря, он изначально не прокатывал. Свою немереную крутость и жуткость тоже надо подтверждать. Хотя бы – иногда. Иначе среди народа возникнет легкое недоумение. Это сначала. Дальше – больше. Сомнения, недовольство.... На фиг! Взлся за гуж – пищи, но беги!

Спускаюсь этажом ниже и забираю из спальни «Кюлленберг». Кое-какие прибамбасы в нем еще остались, только большую часть инструмента уволокли на образцы любопытные монахи. Да и Мирна прошлась по нему своими цепкими лапками. Я не возражал – в ее хозяйстве многое оказалось как нельзя кстати. Криминалист тут еще долго не потребуется, а двигать местную науку нужно. Пусть даже и путем улучшения инструментального парка. После внимательного изучения моего оборудования брат Иан был весьма заинтригован

качеством его изготовления и клятвенно пообещал разбиться в лепешку, но повторить то, что сотворили неведомые ему мастера. Ну-ну... пусть попробует...

Батареи в фонаре еще не сдохли окончательно, так что, пользуясь этим, я с помощью лупы внимательно осматриваю ящик. Померли воры, да... Ну... собственно говоря, и неудивительно. На поверхности ящика обнаруживаю места, откуда что-то должно вылезать. Места эти искусно скрыты всяческими завитушками и накладными украшениями. Идут они по всему периметру ящика таким образом, что гарантированно достается любому взломщику, где бы он в момент открытия крышки ни стоял. Интересно – что оттуда вылезает? Или вылетает? Еще раз рассмотрев ящик в лупу, убеждаюсь – вылезает. Крышки, закрывающие отверстия, сдвигаются вбок. Полтора-два года назад зарядить этот ящик пороховыми стволами было нереально, да и калибр отверстий для этого маловат. То же самое касается и пневматики. Да и сработало бы все это только один раз – первый, он же и последний. А вот отравленная игла... да, пожалуй, что это самое верное средство. Особенно если использовать какой-то хитрый яд, не теряющий своих свойств со временем.

Как далеко эти иглы могут вылезти?

Комбинирую и так и эдак – больше десяти сантиметров не выходит.

Так, безопасная дистанция установлена.

А как ящик открывается?

Замочной скважины тут нет. Никаких кнопок или рычажков – тоже.

Ладно, включим голову...

Чтобы открыть ящик, крышку надо сдвинуть назад. Так? Так.

Значит как минимум надо отпереть замок, который ее держит.

Где он может быть?

После изучения и простукивания стенок определяю два возможных места. Слева и справа чуть смещены к одной из стенок. Условно назову ее передней.

Замки есть – где скважины?

Как там говорил Оген?

«То, что делает Серого рыцаря непобедимым, помогает ему всегда».

И что это?

Уж точно не шинель.

Клинок?

Похоже. Все равно больше ничего у меня нет. Не чемодан же? Уж он-то точно не входит в снаряжение Серого рыцаря.

Провожу клинком вдоль ящика. Ага...

А ведь он по-разному реагирует на некоторые его участки!

Напротив закрытых крышками отверстий клинок темнеет. Значит, моя догадка насчет отравленных шпучек является верной.

Хорошо, но мало. Подсказок к открытию замков это мне не дает. То, что туда не надо совать руки, я уже и так понял, даже и без рунного теста...

Стоп...

Не надо руки совать...

Туда – не надо.

А куда – надо?

Может ли клинок подсказать мне еще и это?

Перехватываю клинок поудобнее, на этот раз держу его острием вниз. Как кинжал, для удара сверху. Большой палец правой руки при этом попадает в выщерблину на торце рукоятки. Странно, но сейчас она уже не кажется мне случайным повреждением...

Кончик клинка белеет! По мере его перемещения вдоль ящика цвет изменяется, и в тот момент, когда он становится максимально ярким, клинок толкает меня в руку. Здесь!

Острие клинка указывает на небольшую впадину на боковой стенке ящика.

Такая же впадина обнаруживается и на противоположной стороне. Клинок

подтверждает правильность выбора и в этом случае. Что-то словно бы толкает меня в грудь, я даже не сразу это понимаю. Но эта мысль тут же вылетает у меня из головы – потом! Сейчас есть дело поважнее.

Более ничего полезного на поверхности ящика не нашлось.

Убираю клинок в ножны.

Кладу указательные пальцы в выемки. Чуть доворачиваю руки, чтобы они не приходились напротив закрытых сейчас отверстий.

Ну?

С чего начать?

Как в боевике – какой провод резать будем? Красный или черный?

Плюс или минус?

А не один ли хрен?

Утапливаю внутрь оба пальца...

Щелчок!

И из стен ящика выскакивают матово блестящие, хищные даже и с виду, иглы.

Я не ошибся – они действительно выскочили сантиметров на десять-двенадцать.

И вторая моя догадка подтвердилась – иглы прошли мимо рук. Хотя выходили они под разными углами и в разных направлениях.

Ослабляю нажим, и иглы скрываются в стенах.

Так... с умершими жуликами все ясно.

Ящик не пытались унести – пытались вскрыть. Надо полагать – остальные воры стояли рядом. Помощники... Скорее следили за тем, чтобы кто-нибудь что-нибудь не спер...

Вот и огребли – все разом. Да... жаба страшный зверь – душит насмерть.

Щелчок – шорох выскочивших игл, – и вот уже мои большие пальцы толкают крышку вперед. Она сдвигается на пяток сантиметров – и останавливается. Теперь ее можно чем-то подцепить. И поднять.

Так просто?

Ага, шас... тут тоже не фраера...

Рунный тест нижней части крышки – попадание!

В свете фонаря вижу зазубренные иглы, торчащие из нижней части крышки. Если не нагнуть голову, то их и вовсе не видеть.

Клинком приподнимаю ее вверх.

Крышка идет туго, с сопротивлением. Ясен пень – взводит пружину, еще не все сюрпризы закончились. Вспоминаю сэра Конан Дойля. Был у него такой рассказ – «Полосатый сундук». Аккурат про такие вот фокусы...

Щелчок!

Прячутся иглы.

Крышка открыта, и на ее торце уже не видно ничего. Иглы в бортах тоже уходят внутрь.

Все?

Да, все – ящик открыт.

«Я не знаю твоего имени. Как и ты, наверное, никогда не слышал моего. Да это и не так важно. Сколько времени пройдет после того, как я запечатаю это письмо? Год? Век? Больше или меньше? Не знаю. Мне хотелось бы надеяться на то, что оно так и останется нераспечатанным. Но если ты его читаешь, значит, зло вернулось в наш мир. Печально... выходит, все мои старания не привели к должному результату. А столько было положено усилий... Впрочем, навряд ли это сейчас кому-то интересно.

Если ты сумел открыть мой ящик, это означает, что в своем развитии, я имею в виду как Серый рыцарь, продвинулся достаточно далеко. В противном случае, перед ящиком лежал бы сейчас еще один труп. Цинично? Не стану спорить. Но выпускать

неподготовленного бойца против сильнейшей в этом мире тайной организации будет еще большим цинизмом. Следует помнить, что любая победа сил зла над одним из Серых рыцарей отбрасывает этот мир назад как минимум на добрую сотню лет. Не спрашивай меня, откуда я все знаю. Это невозможно объяснить. Просто поверь.

Я не думаю, что за то время, пока ты здесь находишься, кто-нибудь удосужился внятно рассказать о том, кто такие Серые рыцари и зачем они приходят в этот мир. Попробую заполнить этот пробел в знаниях насколько сумею.

Этот мир невообразимо стар. Даже не могу оценить, насколько он стар. Но почему он не развивается дальше? Этот вопрос задавали себе многие. Внятного ответа не получил пока никто. То, что я сейчас расскажу, всего лишь одна из гипотез. Насколько она верна, судить, увы, уже не мне. Не знаю, что ты сейчас увидишь на улице. Будут ли там ездить повозки с лошадьми или бегать самодвижущиеся экипажи? А может быть, в небе пролетит воздушный корабль? Хотя навряд ли. Если древнее зло вернулось – дай бог, чтобы ты увидел хотя бы всадников.

Вся история этого мира состоит в борьбе двух сил. Для простоты я назову их темными и серыми. Темную сторону в нашем случае олицетворяет орден Молчащих братьев. В своем стремлении к мировому господству они не остановятся ни перед чем. Никакое развитие там, где правят Молчащие, невозможно. Оно им просто не нужно. Они собирают вокруг себя все самое темное и мерзкое, что только есть вокруг. Им служат воры и портовые шлюхи, разбойники и графы. Любой человек может прийти к ним и предложить свою службу. Молчащие не отказывают никому. Чем платят они за услуги? Для всех эта цена разная. Один получает деньги, второй – власть, третий может стать одним из адептов Ордена. Но их всех объединяет одно – стремление встать выше всех человеческих законов. Главное для таких людей – исполнение их собственных, ничем не ограничиваемых желаний. Не скажу, что этого всегда удастся достигнуть. Но, по крайней мере, Молчащие дают шанс попробовать. Поэтому у Ордена нет недостатка в добровольных помощниках.

Кто такие Серые? Это мы. Мы приходим в этот мир по-разному. С разным багажом знаний, с разными умениями и возможностями. Среди нас есть солдаты и ученые, монахи и простолюдины. Не все мы однозначно становимся на праведную сторону. Увы, бывают исключения и здесь. Никто не совершенен – и нас это касается в полной мере. Не факт, что выбранная тобой сторона будет права на самом деле.

Очень редко мы что-то строим, кого-то учим. Вся наша жизнь здесь – это бой. И не всегда противник виден даже нам самим. Бой может быть и с самим собой: своими низменными инстинктами, ленью и праздностью... Да мало ли еще недостатков у любого человека!

Основная наша задача – сдерживать темных. Пока в этом мире есть хоть один Серый рыцарь, вся забота темных направлена на борьбу с ним. А раз так, все прочие могут жить. Жить так, как считают нужным. Растить детей, строить города, развивать науки. Мы являемся тем катализатором, благодаря которому мир движется дальше.

Ты спросишь себя, как далеко можно зайти в этой вечной борьбе? Не знаю. Лично я зашел настолько далеко, что оттолкнул от себя всех своих немногочисленных сторонников. Увы, но люди не всегда могут понять мотивы, которыми мы руководствуемся.

Серые действительно стоят над законом. Никто: ни король, ни епископ, ни самый строгий судья – не властен над нами. Ни одно решение, которое ты вынесешь, никогда не будет никем оспорено. Никто просто не рискнет этого сделать. Поэтому подумай пять раз, прежде чем сказать хотя бы одно слово.

Действительно ли человек, павший от нашей руки, попадает в ад? Лично я думаю, что это было бы для него еще не самым плохим выходом. Рунный клинок убивает в человеке абсолютно все: тело, душу и, может быть, что-то еще, чему пока нет названия. Человек умирает навсегда. Не знаю, поймешь ли ты меня. Но это действительно так.

Впрочем, эти вопросы ты еще сможешь изучить. Ко всем нам, если мы продвигаемся достаточно далеко, приходят эти знания. Не сразу – крупными, отдельными озарениями. У

каждого это по-своему. Остановлюсь на главном.

Чем силен орден Молчащих братьев?

Помимо причастия к атмосфере вседозволенности, братья имеют еще и жуткий рычаг воздействия на непокорных. Ты знаешь его – это Шерн. Природа этой страшной отравы – магическая. Чуть ниже ты найдешь подробное описание процесса изготовления этой гадости. Скажу одно, Шерн – смысл существования Ордена, его главный стержень. Пока в их руках остается это оружие – Орден непобедим. Очень трудно сражаться с противником, пока в его руках остается средство, способное опустошать целые страны. У Ордена есть две уязвимые точки. Святилище и их основное оружие – Шерн. Только в святилище возможно запустить процесс приготовления новой порции этой отравы. Он не быстрый и занимает почти три года. Это первое. Второе – и не менее важное. В природе может одновременно существовать только три дозы этого яда. Для получения новой дозы надо поместить предыдущую в святилище, где новый шар Шерна наберет свою силу от одного из двух существующих. Если это сделать еще раз, то одна из доз утратит свою силу. Противоядия от него не существует, во всяком случае – я его не отыскал. Как не удалось мне найти и святилище. В уничтоженном замке было все – ритуальный круг, свитки, описания. Не было только шаров с ядом. Меня поймали на обманку. Среди павших от моей руки обитателей замка, несомненно, присутствовал кто-то, кто успел сообщить об этом. И теперь есть шанс на то, что Орден вновь восстанет из небытия, куда я постарался его отправить.

Для освящения ритуального места нужно не менее ста лет. Все это время там необходимо приносить человеческие жертвы, чтобы оно в должной степени напиталось ужасом и болью. И только потом можно приступать к приготовлению Шерна. Да и то не сразу. Есть еще множество условностей и ограничений, которые я так и не удосужился изучить. А теперь уже и не успею.

Ты спросишь про магию. Она есть в этом мире, как бы к этому ни относиться. Не в таком большом количестве – но есть. Хотя тебя это может особо и не беспокоить. Серые невосприимчивы к магии. И все, кто находится не далее пятисот шагов от твоего местонахождения, – тоже. Это наш дар – и им стоит пользоваться осторожно. Мы останавливаем любую магию, направленную на причинение вреда. Просто самим фактом своего присутствия. Так что, если на нашей стороне будет кто-то владеющий боевой магией – пусть занимается своим делом подальше от тебя. Иначе он не просто впустую потратит свои силы – его заклинания обернутся против него же самого.

Пожалуй, на этом можно было бы и закончить, но есть еще кое-что, о чем надо знать. Наверняка уже кто-то заметил, или ты сам разглядел у себя на груди пятно, напоминающее Рунный клинок. Это именно он и есть. Серый рыцарь неразрывно связан со своим оружием. Чем больше пятно – тем больше твоя сила. Спросишь – в чем она? У всех разная. Кто-то больше воин, кто-то – судья или маг. Не удивляйся – маги среди нас тоже встречались. Чем дальше ты продвигаешься в своих свершениях – тем явственнее клинок прорисовывается на твоей коже. И наступит момент, когда он будет виден весь. Знак обретения наивысшей силы. И одновременно – знак окончания твоего пути. Ибо с этого момента твое оружие перестает тебя защищать. Нет, оно будет по-прежнему смертоносно. Но – и только. Ни о чем более клинок тебя уже не предупредит. Не разбудит ночью, почуяв крадущегося злодея, не уведет в сторону при ударе в бою. А ведь ты к этому уже успел привыкнуть... Спасти здесь может только одно – верные друзья и преданные соратники. Но много ли их останется с тобой к этому моменту? Наш путь – это путь одиночки. Ибо мало найдется людей, согласных добровольно разделить с тобой всю ту тяжесть поступков и решений, которая сопровождает Серого на всем его пути.

Ни один из Серых не прожил достаточно долго после этого момента, чтобы успеть рассказать о том, каково это – жить обычным человеком. Не проживешь и ты. Мой конец

тоже близок – за мною по пятам идут родственники тех, кого я обезглавил при взятии замка. Все, что я еще успею сделать, – это оставить тебе это послание.

В ящике есть некоторое количество полезных вещей. Они помогут в борьбе с Орденом – и только с ним.

Прощай.

Кто бы ты ни был – искренне надеюсь, что ты проживешь чуть дольше, чем я, и твой путь не будет отмечен настолько жуткими деяниями, чтобы потомки боялись произносить вслух твоё имя, как это произошло со мною...»

Откладываю в сторону письмо. Некоторые светильники успели потухнуть, и в амбразурах башни уже видно рассветное небо. Подхожу к ящику и поднимаю ткань, закрывающую его содержимое. Именно отсюда взял свиток, лежавший поверх этой самой ткани. Теперь письмо прочитано, остается только посмотреть, какие полезные вещи прислал мне сквозь года и времена мой предшественник.

Ящик разделен на три ячейки.

В левой лежат невзрачные кольца из серого металла. Вытаскиваю свиток пергамента, лежащий среди колец.

Так, с этим добром все ясно: носящий такое кольцо безошибочно определяет наличие адепта ордена Молчащих братьев рядом с собой. Кольцо нагревается. Тем сильнее, чем ближе находится такой человек к владельцу кольца.

Во второй ячейке тоже кольца. Эти, согласно прилагаемой записке, позволяют чувствовать любую враждебную магию. Враждебную по отношению к носящему кольцо. Заодно и защищает от нее, но только до определенного предела.

Как явствует из описаний, этими колечками была оснащена армия моего предшественника. Благодаря чему тогдашних членов братства Молчащих переловили (и попередили...) очень быстро. Полезные вещи! Прихватываю с собой по горсточке колец из каждой ячейки.

Третья – самая большая. В ней лежат наконечники стрел. Как явствует из описания, это предназначено лично для меня. Металл этих наконечников обладает теми же свойствами, что и металл Рунного клинка. В особой приписке меня предупреждают, что пользоваться ими могу только я. В чужих руках такая вещь может принести вред прежде всего самому неразумному стрелку.

Больше в ящике ничего нет. Понятно, почему он такой тяжелый. Он фактически весь набит металлом.

Глава 28

Оставляю крышку ящика открытой, только прикрываю внутреннее отделение той же тканью. Встаю. Сна ни в одном глазу. Да и сколько его осталось – времени на сон? И жрать охота, как будто неделю не ел. Спускаюсь вниз по лестнице. Ходящий по площадке часовой оборачивается на звук шагов. Вытягивается в строевой стойке и молча провожает меня глазами. Чегой-то он так сегодня? Вроде уж не первый день мимо них хожу, никогда так раньше не тянулись.

Во дворе замка пусто. Только на стенах маячат одинокие часовые. Поднимаюсь по лестнице на стену и усаживаюсь на парапет. Внизу под стенами еще лениво ползут клочья утреннего тумана. Сонно перекликаются в лесу какие-то ранние птички. Тихо. Даже не верится в то, что в такое утро кому-то может быть охота устраивать гадости ближнему своему.

Снизу слышен звук шагов. Кто-то поднимается по лестнице. Скашиваю взгляд в ту сторону. Лексли. Видно, что Кот тоже недавно встал. Его глаза еще слегка заспанные.

– Ты-то чего вскочил, ранняя птичка? – ворчливо говорю я ему. – Врагов у стен замка

нет, внутри тоже вроде бы всех повывели. Что не спать-то?

Кот не отвечает. Внимательно разглядывает меня и спрашивает:

– С тобой все в порядке, Сандр?

– Рога пока еще вроде не выросли. А что тебе не нравится в моем виде?

Вместо ответа Кот берет меня за рукав и подводит к стоящей около лестницы бочке с водой.

– Посмотри сам.

Смотрю в бочку. На фоне светлеющего неба явственно видна моя недовольная морда. Глаза воспаленные. Но здесь как раз ничего удивительного нет: попробуй, просиди всю ночь при свечах! А что еще там Кот углядел?

Вот оно... Смотрю на себя и не узнаю: виски совершенно белые. Ни фиги себе! Это что – результат прочтения послания из прошлого? Хорошо, что здесь только одна такая посылка. Представляю, что было бы со мной, если бы эдакие подарки приносили ежедневно.

Оборачиваюсь к Лексли:

– Ну да. Ящик я открыл. То, что ты видишь, – результат данной процедуры. А ты думал, все так легко с рук сошло?

– Нет, конечно. Но чтобы вот настолько... Откровенно говоря – не ожидал.

– Да уж... А как я теперь Мирне все это объясню?

Кстати говоря, надо будет подумать еще и над тем, как ей объяснить все остальное. Новостей за сегодняшнюю ночь я огреб изрядно. Теперь надо хорошенько подумать, кому и сколь подробно это сообщать.

Да, касательно новостей...

Лезу в карман и вытаскиваю оттуда кольцо. Из соседнего кармана еще одно. Протягиваю их Коту.

– Держи.

Он с сомнением их разглядывает.

– Так я вроде бы не женщина. Солдату на службе украшения не к лицу. Был бы я сейчас на отдыхе – другое дело, девушки такие вещи уважают.

Рассматриваю кольца при дневном свете. Они покрыты тонким узором. Причудливые линии завиваются по их поверхности, сплетаясь в странные фигуры. Мне кажется, что в моих ушах начинает звучать какая-то тихая мелодия.

– Это не обычные украшения, Лексли. То кольцо, что пошире, защищает носящего от любой враждебной магии. А второе – нагревается, когда рядом с тобой находится адепт ордена Молчащих братьев.

– Надо же! – он с интересом крутит в руках кольца. – Полезная штучка! И много у тебя таких колечек?

– Хватит, чтобы дать каждому, кто сейчас находится в замке.

– Ну, каждому-то, наверное, не нужно...

– Я и не имею в виду слуг. Но монахам дать совершенно необходимо.

Кот кивает головой. Со спецмонахами Коты сошлись на удивление быстро, и уже на второй день знакомства я застал их за совместной тренировкой. Пришлось и мне показать некоторые штучки. Ребят-то я этому делу уже обучал, а вот монахам это было внове. Поэтому после окончания тренировки брат Рон насел на меня, требуя изложить все подобные премудрости на бумаге. Насилу я отбоярился от немедленного бумагомарания, пообещав непременно сделать это в будущем. Но хитрый монах, поймав меня за язык, пообещал прислать своего писаря: «Полчаса в день, милорд! Это не будет вам в тягость». Пришлось согласиться. Единственное, что мне удалось выторговать, – так это недельную отсрочку.

Вместе с Котом мы спускаемся со стены. Замок понемногу просыпается. На улице видны спешащие по своим делам слуги. Чуть в стороне протопала сапогами очередная смена караула.

– Перекусим? – поворачивается ко мне Лексли.
– Отчего бы и нет? Пойдем тогда уж на общую кухню: пока там еще наш повар проснется. Дежурная смена пошла на посты. Стало быть, еда на кухне есть.

В просторном помещении трапезной царил полумрак. Только над столами висели светильники, а углы комнаты скрывались в полутьме. Проходящий через узкие окошки свет еще был слишком слаб, чтобы ее разогнать. Подхватываю по пути со стола кувшин с молоком, а Лексли, поймав за подол пробегающую служанку, озадачивает ее насчет завтрака. Садимся за стол и ждем, пока нам принесут поесть.

– В этом сундуке, кроме колечек, ничего полезного больше не было? – спрашивает Кот.
– Было. Хотя мне сейчас трудно оценить степень полезности этого документа. Все-таки со времени его написания прошло сто пятьдесят лет. Многие уже изменилось.

– Например?
– Молчащие сейчас употребляют дурманящее зелье. В письме об этом ничего не сказано.

Лексли задумчиво кивает.

– Да, за это время многое могло пойти не так. Но ты ведь не от этого поседел?

– Да, там хватало таких сведений, от которых не то что поседеть – позеленеть можно.

Коротко, не вдаваясь в подробности, рассказываю ему ту часть письма, которая касается лично меня. Секретничать перед ним я не вижу смысла. Коты единственные, кто стоял со мной рядом почти с самого начала. И если уж я не могу доверять Лексли и его ребятам, то на кого вообще можно положиться в этом мире?

Выслушав меня, Кот долго молчит.

Шустрая девчонка приносит нам по миске горячей каши с мясом, кладет на стол нарезанный хлеб. После чего быстро убегает – в комнату входят проснувшиеся солдаты и рассаживаются за столами.

– Да... – говорит сержант. – Даже и не знаю, что тебе сразу сказать. Я так понимаю, что ты прочитал свой смертный приговор? И как ты считаешь, много ли тебе еще осталось?

Расстегиваю на груди куртку и, приподняв рубаху, поворачиваюсь к свету. Клинок на моей груди явственно виден до половины.

– Однако... – почесывает в затылке Кот. – И давно у тебя... это?

– Впервые проявилось после ранения.

– Это когда ты с караваном попался?

– Угу.

– Мирна знает?

– Она много раз видела этот след...

– Она знает, что обозначает этот отпечаток на твоей груди?

– Откуда? Я и сам-то про это только сегодня узнал.

Лексли хмыкает:

– Ты напрасно ее недооцениваешь. Целители знают много больше обычных людей.

– Но она мне ничего не говорила!

– Понять любящую женщину не могли лучшие умы нашего мира. А ты хочешь это сделать за такой короткий срок?

Возразить мне совершенно нечего, и я только смущенно пожимаю плечами.

В дверях забухали сапоги. В трапезную, озираясь по сторонам, ввалились двое стражников. Оглядевшись, они направились к нашему столу. Я сижу вполоборота, и с их стороны трудно разобрать, кто именно уселся напротив Кота.

– Кого-то ищите, парни? – окликает их Лексли.

– Отец Варшани послал нас на поиски милорда... Вы не видели его?

Оборачиваюсь в их сторону:

– Да здесь я, здесь. Уже и поесть нельзя.

Стражник торопливо кланяется:

– Извините, милорд, но... отец Варшани очень волновался!

Пожрать толком теперь уже точно не дадут. Встаем, на ходу допиваю молоко, и идем вслед за стражниками к башне.

Тут, несмотря на раннее время, присутствует весь ареопаг.

– Утро всем присутствующим! – бурчу я, поднимаясь на площадку вслед за Лексли. – Сказал бы, что доброе, но, судя по вашим невыспавшимся лицам – оно таковым тут никому не кажется...

Все молчат и разглядывают меня.

Сонный, полуседой и небритый – тот еще персонаж...

– Милорд, – наконец нарушает тишину барон, – с вами все в порядке? У вас такой вид...

– Да цел я, барон, не волнуйтесь вы уж так сильно. Спать хочу, да и поесть толком не дали... А что за видок такой – ящик этот открывал.

По помещению проносится вздох. Ящик я оставил открытым, только ткань, что раньше у него внутри была, развернул да сверху набросил. Желающих ее потрогать не нашлось, так что факт открытия никому не известен.

– А вот это... – подносит руку к виску брат Манрике. – Следствие работы по его открытию?

– Нет, святой отец, – отрицательно качаю головой. – Там и без этого было, от чего поседеть... Вы что же, именно от этого и повскакивали ни свет ни заря?

– Сын мой, – встает с места хитропоп. – Ты не понимаешь... Господи, о чем это я? Сандр! Ну, ты, скотина бесчувственная, мог хотя бы предупредить нас о том, что все в порядке?!

– Каким образом, святой отец? Послать к вам в спальню посыльного? Разбуди святого отца и скажи ему, пусть спокойно спит дальше? И так к каждому из вас?

– Никто из нас, – обводит рукою монахов Варшани, – не сомкнул глаз! Мы молились за твой успех! Хорошо барону – он вместе с Лексли хоть на людях был, посты всю ночь проверял. За разговорами-то и время иначе идет. А мы... мы так и остались в трапезной. Никто из нас не дерзнул тебе помешать...

Черт! Надо же... не ожидал... А Кот-то – тоже хорош! Мог бы и сказать... Оборачиваюсь к нему – сержант виновато разводит руками.

– Ладно, – говорю я примиряющим тоном. А в глазах что-то зашипало. – Все в норме. Жив я и здоров. А волосы – так у вас, брат Манрике, таких больше!

Он хмыкает... и неожиданно улыбается:

– Ну и... слава богу, милорд! Вы целы – и это хорошо!

Народ срывается с места, меня тискают, хлопают по плечам.

Глава 29

Наконец, все рассаживаются по местам. Ждут моего выступления. Ну, раз так...

– Брат Манрике, – смотрю на седого монаха. – Помнится мне, вы высказывали предположение о степени ущерба, который мы нанесли ордену Молчащих. Так?

– Да, – кивает он. – Я предположительно оценивал этот ущерб, как очень серьезный.

– Спешу вас обрадовать – вы не ошиблись! Впервые за много лет мы имеем возможность уничтожить сердце Ордена!

Среди присутствующих наблюдается оживление.

– Дабы не мучить более никого... – Подхожу к ящику и снимаю с него покрывало. – Трогать его все же не советую, тут еще не все хитрости мною разгаданы.

Все повскакивали с мест и столпились за моею спиной.

– Ящик этот и прилагающееся к нему послание были отправлены мне тем Серым рыцарем, который в свое время и нанес самое тяжелое поражение ордену Молчащих. В

своем письме он дает некоторые советы по данному вопросу.

Перехватываю озабоченный взгляд отца Варшани.

– Нет, о массовых казнях тут речи не идет, хотя он и упоминает этот факт. Дело в том, что, по его собственному признанию, разрушенное святилище Ордена было не единственным. Во всяком случае, он не нашел там того, ради чего оно и строилось.

– И ради чего же? – поднимает правую бровь брат Иан.

– Помимо того, что в нем происходит поклонение их божеству и инициация новых адептов, достигших определенного уровня, святилище служит одной, очень важной для Ордена цели. В нем происходит процесс создания Шерна.

– Это мы уже знаем, – кивает монах.

– А вот чего вы не знаете... Шариков Шерна может быть в природе только три штуки одновременно!

Примерно минуту все молчат, переваривая услышанное.

– То есть, – снова брат Иан, – в наших руках сейчас находится весь Шерн? Все его запасы?

– Да. И новых Ордену взять негде. Это просто невозможно. Более того, само святилище, где можно его создать, необходимо готовить к этому не менее ста лет.

– Ну... – задумчиво покачивает головой брат Манрике. – Я бы не был столь категоричен... Если в отношении двух порций Шерна у меня сомнений не имеется – они вполне завершены, то вот в отношении третьей... Что будет, если в мире существует и четвертая?

– Это невозможно, ваше преподобие. Шариков может быть только три. При рождении четвертой порции существующая третья просто утратит свою силу. Как я понимаю, создание Шерна заключается в том, что одна порция яда просто каким-то образом копирует на следующий... э-э-э... носитель свои вредоносные свойства. При определенных условиях, разумеется.

– Но может ли быть так, что, предусматривая все возможные опасности, адепты Ордена сохранили где-то и четвертую копию? Пусть она утратит свою силу в момент рождения очередной копии – это неважно. Зато, если святилище будет захвачено... всегда есть возможность начать все сначала. Пусть и через сто лет. Тем более что так уже было сделано один раз.

– Не совсем так, ваше преподобие. Но мысль, в принципе, верная. Что вы предлагаете? Завершить процесс создания третьей копии? Сколько еще человек мы должны будем убить для этого? И кто возьмет на себя эту миссию? Только не надо на меня смотреть, хорошо? Я же не дьявол во плоти – для такой задачи точно не гожусь!

Монах смущенно опускает глаза.

– Ну... не следует понимать меня настолько буквально, сын мой... Мы должны будем еще раз изучить найденные документы... там есть нечто типа журнала, где отражен весь ход процесса. Мы просто еще не начали этого делать. Я полагал, что еще есть достаточно времени...

– Нет его у нас! – голос отца Варшани был необычно резок. – Приступайте немедленно, брат Манрике! Прямо здесь, незачем ехать для этого в Баровский монастырь! Надеюсь, что милорд выделит вам для доброго дела соответствующие помещения?

– Да хоть весь замок занимайте!

– Спасибо, но весь замок нам не нужен. И вообще, чем меньше людей будут знать о том, что мы здесь что-то делаем...

– ...тем лучше для дела, святой отец, – укоризненно покачиваю головой. – Уж чему-чему, а умению прятать язык за зубами и рубить хвосты меня учить не надобно. Не буду хвастаться, но кое-чему я и сам могу научить. Да так, что мало не покажется никому.

При этих словах Лексли и брат Рон внимательно на меня косятся. Ага, проняло ребят! А вы что думали – я только по рукопашке спец? Я и на машинке могу, и крестиком

вышивать... Нет, стоп, это не из этой оперы. Лавры кота Матроскина мне здесь явно не светят. Поэтому займемся тем делом, которое знаем.

– Вообще говоря, товарищи вы мои дорогие, я считаю, что давно пора всерьез озаботиться тем, как у нас сохраняются всевозможные секреты. Никого не призываю заниматься этим прямо сейчас, но когда до этого все-таки дойдут руки, не забудьте меня известить. Хорошо? Я ведь не всю жизнь мечом махал. Приходилось и в войсковой разведке работать, и злодеев различных ловить. А среди них такие ухари попадались... Молчащие братья удавились бы от зависти!

Отец Варшани согласно кивает.

– Разумеется, сын мой. Никто не собирается делать что-либо тайком от тебя. Мы тут все в одной лодке сидим. И остаться на плаву можем только совместными усилиями.

Он обводит взглядом всех своих сотрудников. Некоторые из них кивают.

– Хочу тебе сказать, сын мой, что церковь очень давно не выступала в союзе с Серыми. Однако мы помним, сколь эффективно может быть такое сотрудничество. И не собираемся упускать свой шанс.

А дальше дым пошел коромыслом. Около трех часов мы спорили до хрипоты, вырабатывая единую стратегию действий против общего врага. По завершении совещания хитропоп уселся писать многочисленные послания. Лексли с бароном отправились натаскивать наше совместное воинство. Предварительно Кот вместе с братом Роном выделил мне двоих человек, коим я должен был по мере сил передавать свои знания в области оперативного мастерства. И понеслось...

Вся наша дружная компания собиралась вместе теперь только по утрам для того, чтобы осмыслить сделанное и наметить дальнейшие ориентиры в работе. Замковое хозяйство потихоньку наладилось и уже не требовало моего вмешательства. Все шло как-то само собой. Так прошло около месяца. Обновился контингент Котов – Старик прислал на смену новую группу. Неизменным оставался только комсостав. Глядя на это, и барон устроил ротацию своим солдатам. Вновь прибывшие с ходу включились в процесс боевой учебы. Умнее всех поступили спецмонахи: в замок постоянно, маленькими группами, прибывали выпускники их монастыря. Ну, скажите, в самом деле, кто обратит внимание на парочку-тройку смиренных братьев, неторопливо шествующих куда-то по своим делам? Местное население достаточно быстро привыкло к тому, что в замке и его окрестностях можно натолкнуться на одиноко бредущего служителя божьего. И вскоре они стали почти что частью окружающего пейзажа, совершенно органичным образом в него вписавшись. А между тем их было в замке уже около двух сотен. Глядя на то, каким жестким образом гоняют своих подчиненных брат Рон и брат Монер, я только в затылке почесывал. На моей памяти подобные тренировки я видел разве что в Феодосии – там натаскивали подводных диверсантов. Из разговоров с монахами я понял, что большая часть личного состава ордена Стражей Спокойствия собралась в этих местах. Не все они расположились в замке, многие находились в окрестных селениях и городах.

Количество колец в моем сундуке резко уменьшилось, но результатом этого стало выявление практически всей сети противника в окрестностях. Замок действительно был центром паутины, опутывавшей не только это графство, но и многие соседние. Мы три дня просидели вместе с монахами, составляя на бумаге схему этой сети. Надо отдать должное Молчащим, работу они проделали просто титаническую. Хотя если учитывать, что в их распоряжении было более ста лет, то меня даже удивил тот факт, что они не заняли вокруг все свободные места.

В одну из встреч с братом Ианом я поделился с ним своими сомнениями. Монах только плечами пожал.

– А что же вы хотите, милорд? Семейство Равенов более ста лет являлось бессменными управителями этого замка. Менялись лорды, менялись графы, а управители оставались одними и теми же. Вы знаете, как называется самая старая башня этого замка?

– Нет. Откуда же мне?

– Равенсворт. Она была построена здесь во времена и вовсе незапамятные. У нас есть все основания полагать, что данное семейство не только всегда являлось верными союзниками Ордена, но и выполняло функцию его казначеев. В найденных нами документах есть очень любопытные записи на эту тему.

– Кстати, о финансах: а где Молчащие брали деньги? На дорогах ведь они не грабили, данью вроде бы никого не облагали? А затраты у них должны быть весьма немаленькими.

– За известный нам период времени орден Молчащих братьев по меньшей мере дважды захватывал королевскую казну. Не повезло нашим соседям и нам. Кстати говоря, это и послужило причиной создания подразделения Котов. Ибо казну нашего королевства никто не захватывал с боем. Ее просто вывезли среди бела дня по приказу министра двора.

– Он что же, был одним из адептов Ордена?

– Нет. Его просто поставили перед выбором: открыть ворота казнохранилища или поприсутствовать на похоронах собственной семьи. Следует ли мне говорить, что он выбрал?

– Однако... Методы Ордена не отличаются гуманностью. И что, создание Котов позволило предотвратить такие попытки в дальнейшем?

– Да еще как! Через пятьдесят лет такую попытку повторили. Надо же было дать овце обрасти шерстью. На этот раз действовали по старой и испытанной схеме, только министра выбрали другого – министра финансов и его семью. Но здесь Молчащих ждало неожиданное разочарование: через три часа после предъявления ультиматума ворота казнохранилища открылись, как это и было предписано. В них въехало два десятка телег. А на следующий день все, кто въехал туда вместе с телегами, сидели на городской площади. Со своими головами в руках. Одновременно было взято штурмом загородное поместье одного из придворных. Находившаяся там семья министра финансов была освобождена. Всех обитателей поместья, не погибших при штурме, посадили на кол. В течение месяца по стране такая же участь постигла еще пятьсот человек. Все они либо являлись адептами Ордена, либо оказывали им помощь.

– Вот это скорость! Как же Коты успели так быстро выявить всех причастных?

– Это вы у них и поспрашивайте. Лично я думаю, что Коты и так знали о них достаточно много. Просто до поры до времени не трогали. До тех пор, пока те не покусились на охраняемые ими ценности.

– И что же дальше? Было расследование?

– Это после котовских-то фокусов? Да какой судья будет проводить дознание после того, как увидит шпандарт Котов на пепелище! Все знают, в чьих интересах работает данное подразделение и кто является их противниками. А желающих возбудить дело против короля у нас пока что не находилось. А что – разве может быть по-другому?

– У нас, брат Иан, может. Вы не поверите, до какого маразма доходили у нас в показном рвении к соблюдению справедливости. В том смысле, как это понималось всевозможными законниками.

Монах качает головой:

– Вы рассказываете жуткие вещи, милорд! Послушать вас, так ваши законники во имя соблюдения буквы закона напрочь отринули здравый смысл. Неужто они не понимают, к чему приведут подобные поступки? Рано или поздно желание защищать короля и страну в подобных условиях пропадет. И тогда стране конец.

– В моей стране много было необычного. Значительная часть людей, совершая то или иное деяние, менее всего задумывалась о его последствиях. Гораздо больше их волновало то, что об этом скажут окружающие. Причем не все, а только небольшая их часть, близкая, так сказать, ко двору. Да и то – не к нашему, а к иностранному.

– Проклянут, всего-то и делов!

– Эх, брат Иан, вашими бы устами да мед пить...

Глава 30

После выставления гарнизона в сторожевых башнях прошло уже около месяца. Сначала там не происходило ничего интересного. Отдельные кучки горцев ездили мимо башен туда-сюда. При них не было ничего интересного, никакого груза они вывозить не пытались, занимались меновой торговлей в близлежащих поселениях. Так продолжалось около двух недель. Потом в один прекрасный день все резко поменялось. С гор спустился довольно-таки приличный отряд численностью около ста человек. Вот эти тащили с собой аж два десятка завьюченных по самые уши коней. Сторожевой пост тормознул этот отряд и посоветовал им возвращаться туда, откуда они пришли. Надо ли говорить о том, что бой разгорелся почти сразу же?

Но в этот раз горцев ждал довольно-таки обидный облом. Боя как такового не получилось. Едва под ударами горцев пали передовые стражники, как тут же захлопнулись все двери в башне, а массивное полотнище ворот после обрубания канатов наглухо перекрыло тропу. Из бойниц башни ударили арбалеты. Не только обычные, но и стационарные крепостные. Буквально за неделю до этого присланные мною мастера закончили их установку. Подобного сюрприза горцы не ожидали. Неведомые мне строители башен были, надо полагать, людьми умными и знающими. Свои детища они расположили таким образом, что обойти их с какой-либо стороны было практически нереально. А из бойниц простреливалась вся окружающая местность как минимум шагов на пятьсот. Потеряв после первых же выстрелов не менее двух десятков человек, горцы попытались было взять башню в конном строю, обстреливая ее бойницы из луков и арбалетов. С таким же успехом они могли бы попытаться расстрелять из них саму башню. В ней было убито трое стражников и четверо ранено. А под стенами осталось лежать не менее пятидесяти человек. Уцелевшие, сообразив, что здесь им ничего не светит, попытались улизнуть назад. Но за то время, пока всадник проскачет вверх по тропе пятьсот метров, из стационарного арбалета можно выстрелить пять-шесть раз. Из обычного – больше. До гор доскакали только двое. После этого оставшиеся в живых стражники вышли из башни и добили всех раненых. Весь груз, который везли с собой горцы, после проверки был сложен на дороге таким образом, чтобы его можно было забрать, не входя в зону обстрела башен. Только обвинений в убийстве с целью грабежа нам еще и не хватало. Подробная опись содержимого была немедленно отослана в замок.

Надо сказать, что по этому поводу у меня с бароном вышел неслабый спор. Приказ относительно раненых был отдан мною сразу же, как только стражники заняли свои посты в башнях. Барон возражал. С его точки зрения, это противоречило общепринятым правилам ведения войны.

– А скажите-ка мне, Лэн, нам что – кто-то войну объявил?

– Нет.

– А кем является человек, нападающий на стражника при исполнении им служебных обязанностей?

– Разбойником, милорд.

– А что по нашим законам ждет пойманного разбойника?

– Виселица, милорд. Где-то могут и на кол посадить.

– Так что же в данном случае будет более гуманным? Дорезать его сразу или вылечить и посадить на кол?

Барон задумчиво чешет в затылке.

– Ну, на кол... это жестоко. Да и ждать виселицы – тоже радость невеликая.

– Так чего же мы тогда спорим?

Следствием этой стычки явилось посольство горцев. На этот раз они действовали совершенно по-другому. С гор спустился одинокий всадник, испросивший разрешения на

проезд посольства. После согласования численного состава и времени их проезда такое разрешение было дано. И к моменту, когда к башне подошли два десятка всадников, их уже ожидал конвой из сорока солдат барона. Они были конными, бронными, и каждый имел с собой арбалет. Так что любая попытка прорыва куда бы то ни было закончилась бы быстро и с предсказуемым результатом. Нельзя сказать, чтобы это сильно обрадовало горцев. Но, поворачивая, они восприняли данную предосторожность как должное и до самого замка более не рыпались.

Я принял их в центральном зале. После того как монахи вместе с Котами тщательнейшим образом обшарили практически все помещения замка, здесь уже можно было разговаривать спокойно, не опасаясь того, что нашу беседу слушают еще чьи-то внимательные уши. В центральном зале имелось две ухоронки, из которых можно было не только видеть и слышать все, что в нем происходило, но при желании еще и стрелять. Оба этих места сейчас были заняты – в них сидели Коты.

Посольство состояло из двух десятков здоровенных мужиков, одетых с разной степенью крикливости. Зная о привычке горцев навьючивать на себя все то ценное, что когда-либо удалось захватить в походах и набегах, я ничуть не удивился, заметив у некоторых из них женские ожерелья и золотые цепи, обвивавшие ножны мечей. Особенно выделялся один из них, надо полагать, самый свирепый и основной в этой компании. Персонаж таскал на себе сразу дюжину перстней, причем те, которые, по-видимому, не налезли на его толстые пальцы, были нанизаны на золотую цепочку, висевшую у него на шее. Ножны его здоровенного меча (почти двуручника) были обмотаны разноцветными ленточками. Это настолько диссонировало со всем его внешним обликом, что я заметил это сразу же. Наверное, стоявший позади меня барон тоже обратил внимание на эту деталь. Он глухо засопел и крепко ухватился за рукоятку своего меча. Это было настолько не похоже на его обычное поведение, что я невольно повернулся в его сторону.

– Кто тут главный? – спросил разукрашенный детина, ни к кому конкретно не обращаясь.

– А среди вас? – отвечаю ему вопросом на вопрос.

– Я главный в нашем посольстве! Князь Генер! А кто ты – не знающий моего имени?!

Судя по всему, громила был о себе крайне высокого мнения и считал, что его должны знать все встречные и поперечные.

– Мое имя Сандр. Я являюсь лордом здешних земель. Я не знаю тебя и ничего о тебе никогда раньше не слышал. Не думаю, что я потерял что-то существенное. Кстати говоря, я и короля-то местного не знаю. До сих пор мне было как-то некогда с ним познакомиться.

Князь хмурится. Надо полагать, он ожидал иной реакции на свои слова.

– Я повелитель полутора тысяч всадников! Мое имя заставляет трепетать всех окрестных владетелей!

– Если им больше нечего делать, пускай дрожат. Ты прибыл сюда, чтобы меня пугать? В таком случае вы все ошиблись адресом.

– У нас был договор с прежним графом. Почему ты не хочешь его исполнять?

По-видимому, здешние горцы не признают обращения на «вы». Ничего удивительного: такое и у нас встречалось сплошь и рядом. Раз так, не будем метать бисер перед свиньями.

– Я ничего не знаю об этом договоре.

– Разве граф тебе не сказал?

– Я убил графа и занял его место. Поэтому у меня не было возможности подробно его расспрашивать о том, с кем и о чем он договорился.

– Об этом знали его придворные. Знал управляющий замком.

– И они тоже убиты. Мне некогда было разбираться, кто из них какую должность занимает. Косил всех подряд.

Посольство несколько ошарашено. Переговоров в таком ключе с ними никто никогда не вел. После некоторого замешательства князь продолжает разговор:

– Все равно! Договоры должны исполняться!

– Сообщи мне его суть, и я подумаю.

Генер думает. Потом поднимает голову:

– Ты хочешь обсуждать это при всех?

– У меня нет секретов от окружающих меня друзей.

– Хорошо. Ты сам этого хотел. Согласно нашему договору, мы имеем право ездить куда хотим и в любом составе. Солдаты не имеют права нам мешать. Взамен мы привозим в замок тот груз, что передает нам Одноглазый. Мы привозим также и людей. В том количестве, которое было оговорено ранее. Этого достаточно?

– Вполне. Договор расторгнут. И я не собираюсь его исполнять.

– Почему?

– Потому что я так хочу.

– Не слишком ли много ты на себя берешь? Ты представляешь, на чьей дороге стоишь?

– Мне на это наплевать. Если тебе охота кем-то командовать, так у тебя есть твои всадники. На равнине у тебя власти нет.

– Подумай хорошенько! Слишком многим ты рискуешь.

Поворачиваюсь к барону:

– А приведите-ка сюда нашего пленника...

Через несколько минут в зал вводят последнего захваченного нами адепта Молчащих.

– Кто ты? И каково твое место в Ордене? – спрашиваю у него.

Адепт озирается. Возможность убить себя у него наглухо заблокирована монахами. Двое здоровенных чернорясников стоят у него по бокам, контролируя каждое движение. А откусить себе язык он не может: в рот вставлено хитрое кольцо. Не мешая ему говорить, оно не дает возможности свести зубы. Руки у него связаны за спиной.

– Я Лорг, Ищущий.

– Принадлежишь ли ты к братству Молчащих?

Он и рад бы не говорить, но монахи, прежде чем ввести его в зал, напоили пленного отваром, вызывающим безудержную болтливость.

– Да! Я принадлежу к этому Ордену.

По моему знаку пленного выводят из зала.

Поворачиваюсь к князю:

– Ты удовлетворен? Как видишь, я знаю своих врагов. И это нас не пугает. А вот ты, князь, рискуешь многим. Ибо про меня тебе ничего не известно. Я бы посоветовал, прежде чем совать морду в пчелиный улей, выяснить, сколько там пчел и какое у них настроение.

– Спасибо! И сам как-нибудь разберусь.

Горец раздумывает какое-то время. Потом поднимает голову:

– По праву ли ты занимаешь это место? Признан ли королем?

На этот вопрос ему отвечает барон:

– Милорд Сандр сразил прежнего графа в честном поединке. Это произошло согласно всем нашим законам. Королю это может нравиться или не нравиться, но повлиять на существующее положение вещей он не может.

– Так, – кивает князь. – Я понял. Понимаешь ли, – обращается он ко мне, – что своим решением ты можешь вызвать войну?

– Понимаю. Но не понимаю ее причины.

– Люди, которые работают на Одноглазого, остаются без работы. Что они будут есть? И что будут есть их семьи?

– Пусть они вырвут с корнем красные цветы и посадят овес. Насколько я знаю, раньше вы как-то обходились и без них.

– Выживут не все. Их смерть будет лежать на твоей совести.

– С какого бодуна? Это не мои подданные. Забота об их жизни и благосостоянии – обязанность их князя.

– А что будет с людьми, которых мы привозили? Дашь ли ты денег за то, чтобы они

остались живы?

– Не дам.

Горцы шушукаются. Столь полного и безусловного облома их посольство явно не ожидало. После недолгих переговоров вперед снова выступает Генер.

– Ты сам виноват. Я пробовал тебя убедить, уговорить – все бесполезно. Твой слуга сам подсказал мне выход – я вызываю тебя на поединок! И по вашим законам займу это место.

За моей спиной возмущенно сопит барон. Поворачиваюсь к нему:

– Не волнуйтесь, Лэн. Что с него взять? Нормальных доводов и аргументов эти люди не приемлют.

Встаю с кресла и спускаюсь вниз навстречу горцу. Его соратники уже отошли назад, освободив нам место.

– Ну, что, князь? Готов ли ты драться?

– Здесь?

– А чем не нравится это место? Занять его после моей смерти ты хочешь, а драться здесь желания нет?

– Мы не сражаемся пешими.

– А вот тут уже сам виноват! Надо было думать, когда вызов бросать! Ты вправе его бросить, а вот как будем сражаться – это уж мне решать. Так что драться будем здесь. Тем оружием, которое у нас при себе имеется. Не нравится – признавай себя побежденным! Сразу оговорюсь: ехать к вам в горы и вешать себе на шею твои полторы тысячи головорезов я не собираюсь. У меня и здесь забот хватает.

Горец долго не раздумывает. Резкое движение – и он выхватывает свой меч. Действительно, здоровый дядька. Он держит его одной рукой. Чуть напряг бицепс, круганул – сверкающее лезвие с глухим гулом описывает круг в воздухе. Так, парень крепкий. Интересно, как долго он может вертеть в воздухе эту хреновину? Делаю шаг вбок. За моей спиной слышу топот ног: мои соратники освобождают место для схватки. Князь перекидывает меч из руки в руку. Улыбается. Для него уже все ясно. Рунный клинок по своим размерам значительно уступает его мечу. Надо полагать, все его выкрутасы относительно конного поединка были просто дымовой завесой. Он и пеший со своим мечом управляется будь здоров. Так что, вызвав меня на поединок именно сейчас, он наверняка учел эту возможность. Своим длинным клинком горец может нашинковать меня в мелкую полоску, не приближаясь на дистанцию, где его можно достать моим оружием. Судя по довольным ухмылкам на мордах его сотоварищей, они приняли деятельное участие в данной затее. Небось кто-то из них и подсказал. Ну, что ж, дорогие товарищи, тем сильнее для вас будет облом.

Князь взмахивает мечом – это уже боевой выпад. Плавным движением ухожу вбок и выдергиваю свой клинок. По сравнению с мечом горца мое оружие смотрится совершенно бледно и абсолютно неубедительно. В их глазах я сейчас выгляжу полнейшим дилетантом. Некоторые, надо полагать, особо жадные, члены посольства уже начинают шарить глазами по сторонам. Добычу себе приглядываете? Напрасно...

Генер продолжает наступать. Его оружие описывает в воздухе сверкающие круги, проносясь в опасной близости от моей головы. Тактика у него простая – пользуясь преимуществом в длине оружия, загнать меня в угол и уже там прикончить с безопасной дистанции. Продолжаю отступать, уклоняясь от особо опасных выпадов. Пару раз пробую сбить его клинок вбок, подставляя свое оружие плоской стороной. Но здесь тот фокус, что я проделал некогда с Вилемом, явно не прокатывает. Скорость вращения меча существенно выше, чем у топора трактирщика. Да и как боец горец явно его превосходит. Он внимателен и осторожен. Увидев мои попытки, хмыкает и откуда-то из-за спины выдергивает длинный кинжал. Теперь у него оружие в двух руках. И он сразу же дает мне понять, что взял его не вчера. Длинный выпад с левой руки только пару сантиметров не доходит до моего бока – я успеваю увернуться. Слышу, как сзади одобрительно крякает Лексли – его школа!

Князь хмурится. Меч все-таки достаточно тяжел, и крутить его в одной руке – небольшое удовольствие даже для такого здоровяка. Видимо, он принял решение заканчивать эту комедию. На публике он уже покрасовался, свою славу обалденно крутого бойца, в принципе, подтвердил. Теперь пора делить награбленное. Благо, что препятствие в моем лице он всерьез не воспринимает.

Резкий выпад мечом! Пригибаюсь, и над моей головой словно пролетает тяжелый снаряд. Волосы на голове шевелятся.

Ответный взмах – и князя ощутимо дергает вбок. Добрая половина его клинка с воем улетает в сторону соратников горца. Похоже, кому-то досталось, один из них с руганью отпрыгивает в сторону.

Горец озадачен. Он уже привык к весу своего оружия. И то, что оно вдруг уменьшилось как в длине, так и в весе, его немало удивляет. На секунду князь останавливает свои рукомашества и отскакивает назад. Осматривает кончик меча. Он аккуратно срезан наискось.

– Ну, что? – ехидно спрашиваю его. – А ты думал, что тут самый крутой?

Я совершенно сознательно давлу на его психику и говорю так, чтобы это слышали его сопровождающие. Чего-чего, а длительная война с горцами мне на хрен не уперлась. Поэтому я и пытаюсь вбить в их головы мысль о том, что воевать с нами – не самый лучший способ самоубийства. Пусть сроят свои маковые плантации и живут как обычные люди. Именно из-за того я и отдал барону приказ относительно раненых. Эти ребята должны сразу понять, что никаких шансов выиграть войну у них нет. И никогда не будет. Мало кто полезет в бой, понимая то, что его обязательно убьют. Каждый надеется на то, что максимум неприятностей – это ранение. И существовавшая до сей поры практика войны это подтверждала. Но мне войны не нужны. Тем более с горцами, интереса к которым ни у кого из нас нет. Поэтому я и стараюсь отбить у них любую охоту к походам на наши земли. Каждый из них должен четко понимать: поднял оружие – покойник! Между собой пусть живут как хотят. Но здесь – наша страна. И переносить сюда ихние законы никто из нас не собирается.

Генер тем временем приходит в себя. Встряхивает рукой, и из рукоятки кинжала выскальзывает тонкая цепь. Князь перехватывает ее и снова взмахивает рукой.

В-ж-ж!

Еле успеваю пригнуть голову. Цепь удлиняет зону поражения почти втрое. Отскакиваю назад. Прямо-таки не князь, а сборище сюрпризов! Интересно, что у него за пазухой понапихано? Может, у него, как у давешнего барона, полдюжины метательных ножей там лежит?

Сзади шум, сдавленный вскрик. Оборачиваюсь и вижу, как в свите князя оседает на землю один из сопровождающих. Вокруг него клубится черное облако. Неужто колдун? Надо же, а я их ни одного живого и не видел! Надо полагать, решил помочь своему товарищу? Опрометчиво...

Снова вжикает цепь. Но на этот раз сверкающее лезвие кинжала не заканчивает своего оборота – вместе с куском цепи он улетает в дальний угол помещения. Терпеж у меня лопнул окончательно, играть в поддавки с князем больше не хочется. Еще один взмах Рунного клинка – и следом за кинжалом отправляется еще один кусок лезвия. Теперь у горца в руках оружие, по длине вполне соответствующее моему. Он сразу сбавляет темп, проявляет больше осторожности. На рожон уже не лезет. И вообще, становится более аккуратным, если так можно выразиться. Переходит в оборону и поджидает меня.

Все? Все сюрпризы закончились? Или у него еще что-то в загашнике лежит? Ну, не похож он на честного бойца, зуб даю! И точно – его левая рука осторожно пробирается за пазуху. Значит, и там у него что-то лежит. Нет, вижу, что ожидать от него правильного поединка точно не приходится. Ну, ладно, голубчик, ты этого сам хотел... Ловлю на противоходе его руку, шаг вперед, проворот – и мой клинок почти касается его горла.

– Достаточно?

Вместо ответа он выдергивает из-за пазухи какой-то серебристый предмет. Поднимает

руку, собираясь ударить им меня.

Ну, вот уж хрен... Взмах правой рукой – и я отпрыгиваю назад. Знакомое шипение клинка еще звучит в моих ушах, а князь уже заваливается вперед. Серебристый предмет выскальзывает из его руки и ударяется об пол. Что-то негромко хлопает, и тело князя начинает оседать. Опять какая-то колдовская хрень? Скорее всего, да. Его просто жрет на глазах. Тело съеживается и становится меньше почти вдвое.

Убираю клинок в ножны и поворачиваюсь к сотоварищам князя:

– Еще желающие есть?

Молчание. Других дураков не нашлось.

– В таком случае заберите это, – указываю на тело князя. – И второго своего товарища не забудьте! Есть у вас кто-то, с кем можно еще говорить?

Вперед выходит пожилой мужик. Морда у него покрыта шрамами и наряд не самый богатый. Но держится он с достоинством и явного страха не выказывает.

– Я буду говорить.

– Как я должен к тебе обращаться?

– Князь Гран.

– Надеюсь, ты не собираешься вызывать меня на поединок? А то такими темпами мы никогда ни о чем не договоримся. А я бы предпочел иметь нормальных соседей, нежели горстку воинственных головорезов.

– Нас не горстка!

– Начни воевать – и посмотрим! Сколько ты просидишь в горах без подвоза продовольствия? Не думаю, что за это время вырастут новые воины. Нам у вас ничего не нужно. Так что лезть в горы никто не собирается. А на равнину мы вас не выпустим. Да и в этом случае всего вашего войска хватит на несколько часов нормального боя. Или у тебя есть свое мнение по этому вопросу? Высказывай, поспорим.

– Наши твердыни неприступны!

– Рад за вас! Вот и сидите в них до скончания веков. Не хочешь разговаривать – возвращайся назад. И запомни: война будет идти не по вашим правилам. Сам видел, что случилось с князем и твоим товарищем, который пытался влезть со своим колдовством в наш поединок. Могу твердо тебе обещать: пленных и раненых в этой войне не будет! Если кому-то из вас охота воевать до последнего солдата, он может это попробовать. А все прочие могут на него посмотреть. И сделать выводы. Я свое слово сказал и ничего менять в нем не собираюсь. То, что делает Одноглазый, мне не нужно. Выкупать у вас людей, тем самым поощряя вас захватывать новых, тоже никто больше не будет. Хотите жить как люди – бросайте ваше преступное ремесло, тогда договоримся. Нет – лучше сразу начинайте копать дорогу на ту сторону гор. Может быть, там вам будут рады. Рекомендую учесть, что я не отношусь к людям легковверным. Меня достаточно трудно обмануть. И если хоть когда-нибудь любой из ваших людей попытается привезти в долину плоды красных цветов, ограбит местного жителя или сотворит еще что-нибудь подобное – проходы закроются на пять лет сразу. Без какого-либо шанса на то, что ворота откроются раньше этого времени.

– Несправедливо наказывать весь народ за проступок одного человека! Тебя не поймут твои же соседи.

– Что здесь справедливо, а что – нет, решаю я. Я защищаю свой народ и буду это делать любым, пусть даже и самым жестоким способом. Если вам так дорог ваш народ, защищайте его так же. Не позволяйте отдельным головорезам ставить под удар всех остальных. Единственный шанс на то, что я соглашусь рассмотреть просьбу о досрочном открытии ворот, это голова виновного и все те деньги и ценности, которые он сумел таким образом заработать.

– А если это будет не один человек?

– Значит, будет не одна голова...

Очередной князь хмурит брови. Решать что-либо столь поспешно, видимо, не в правилах горцев. Поэтому соглашаюсь подсластить пилюлю.

– Я ничуть не тороплю вас с принятием решения. Соберитесь, посоветуйтесь, подумайте все вместе. Трех месяцев будет достаточно для этого?

Мой собеседник молча кивает.

– Ну, тогда на этом договоримся. Но помни: никаких торговых караванов я не пропущу. У нас здесь нет нужды в ваших товарах.

Глава 31

Делегация поворачивается и, унося с собой двух покойников, выходит из зала. Обессиленно сажусь в кресло и шумно выдыхаю, переводя дух. Оборачиваюсь и вижу стоящего рядом барона.

– Что-то не так, Лэн?

– Да как сказать... Вы помните тот день, когда мы спустились в подземелье впервые?

– Такое забудешь...

– Я тогда еще на одном из столбов нашел дочь своего сержанта.

– И это помню.

– Это ее лентами были перевязаны ножны князя...

Барон поворачивается и выходит из помещения. Провожая его взглядом. М-да... Ну и нервы у мужика. Я б на его месте этого князя в мелкую лапшу нашинковал бы. Учиться мне еще и учиться у этих людей. У них и опыт, и выдержка, и знание местных условий. А я только и способен на то, чтобы мегазлодея изображать.

Звук шагов сбоку – подходит отец Варшани.

– И вы тоже, святой отец?

– Что тоже?

– Будете ругать меня за невыдержанность?

– За это не буду.

– А что, есть и другие поводы? Хотя о чем я говорю? Вы их всегда отыщете.

Хитропоп качает головой:

– Не следует так уж болезненно относиться к моим словам, сын мой. Но я действительно обеспокоен тем, что ты сказал этим людям.

– Чем именно, святой отец? Я им много чего наговорил.

– Я не буду спорить с тобой относительно судьбы населения гор. Возможно, ты в чем-то и прав. И они действительно должны сделать хоть что-то, чтобы в каждом из них мы не видели потенциального разбойника. Но твое решение не платить выкуп за пленных...

– Платить похитителям, святой отец, – значит поощрять их к дальнейшим похищениям. Или я не прав?

– Но горцы могут быть последними в этой цепочке. В конце концов, никто из нас не ловил их за руку при похищениях.

– Зато горцы получают за это деньги. Даже если их вина в похищениях и не доказана, то покупать людей для их перепродажи – не меньший грех, чем их для этого воровать. А не будет спроса – не будет и предложения.

– Но своим решением ты обрекаешь на смерть тех, кто уже томится в плену.

– Отдав денег похитителям, обрекаю следующих. Где последнее звено этой цепочки, святой отец? Кто-то должен был положить конец этому безобразию! Так почему не я? В итоге у вас есть прекрасная возможность спихнуть все на меня и остаться в стороне. Мало ли какие фокусы может выкинуть Серый рыцарь? Уж вы-то не должны за него отвечать.

Варшани качает головой:

– Нет, сын мой. Мы идем вместе, а значит, и ответственность разделим поровну.

– Спасибо, святой отец! – Встаю я с места и подхожу к попу. – Сказать по правде – не ожидал. Там, откуда я прибыл, поступили бы именно так...

После того как все разошлись, я еще какое-то время сижу в зале один. На душе было

как-то пусто. Мысленно еще и еще раз проигрываю состоявшийся разговор. Все ли я сделал правильно? Может быть, не стоило так уж сильно перегибать палку? Всем своим поведением я показывал горцам, что считаю их людьми второго сорта. Но ведь в действительности это не так. Есть и среди них нормальные и уважаемые люди. Но вся беда в том, что у власти стоят почему-то сплошные негодяи! А голос нормального человека не слышен и никому не интересен. Ладно, что принято, то принято. Назад ничего уже не вернуть.

Спускаюсь по ступеням во двор. Уже смеркается, и со стен тянет прохладным ветерком. Вижу, как навстречу мне поднимается один из солдат барона.

– Добрый вечер, милорд.

– Добрый вечер! – К сожалению, я не помню его имени, хотя лицо его мне знакомо: мы неоднократно сталкивались в замке.

– Я хотел сказать вам спасибо, милорд.

– За что?

Вместо ответа он поднимает руку. В ней зажат пучок разноцветных лент.

– Вот за это, милорд. Надеюсь, там, куда вы его отправили, ему будет хотя бы в половину хуже, чем там, куда он отправил мою дочь.

Поднявшись в башню, долго лежу у себя в комнате на кровати. В голове крутятся мысли, звучат чьи-то слова. Все это воспринимаю как-то отстраненно. Хочется прилечь и отдохнуть. Выспаться наконец. Хронический недосып уже давно стал обыденным явлением.

Тонкая теплая ручка гладит меня по голове. Не оборачиваясь, ловлю Мирну и притягиваю к себе. Утыкаюсь головой ей в бедро.

– Я так по тебе скучал...

– Ты все время занят, где-то бегаешь. Я понимаю, у лорда множество забот. Но последнее время мы видим тебя только спящим.

– Мы?

– Он тоже может тебя видеть! А чего ты ждал от своего сына?

– Хм.... Ну... Я полагал, что это будет несколько позднее.

– Я многое могу чувствовать. И если я говорю так, то у меня есть для этого все основания. Надеюсь, сегодня ты никуда больше не убежишь?

– Никуда. Буду лежать здесь и смотреть, как ты ходишь по комнате.

– Я никуда не буду ходить. Буду сидеть здесь около тебя и гладить по голове. Вы все, большие мужчины, куда-то спешите. И в результате этого остаетесь недоглаженными. А это неправильно. Отсюда и возникает большинство жизненных неустroений, недовольств. И в итоге на свет появляются разбойники, воры и прочие неприятные люди.

– Тебя послушать, так большинство проблем человеческих можно изжить, вовремя погладив кого-нибудь по голове.

– Не смейся. Может быть, именно так и есть.

Через пару дней в замок прибыл епископ и совместно с ним еще несколько важных вельмож. Одним из них оказался новый наместник короля в данной области. Прочие, как я понял, являлись его свитой. Наконец-то я сподобился его увидеть. Не скажу, что встреча наша была радушной и дружелюбной. Скорее дежурно-официальной. Стороны высказали полагающиеся по случаю слова, обменялись взаимными приветствиями, после чего разошлись по своим покоям, дабы отдохнуть перед обратной дорогой. Откровенно говоря, я не совсем понимал смысл этого визита. С одной стороны – все понятно: наместник просто обязан был увидеть столь зловещую персону, которая к тому же обретается в его владениях. Как ни крути, а за мной числились уже два дела, за которые король обязан был нехило проставиться. Уж не говоря о покойном графе, одной предотвращенной эпидемии Шерна хватило бы по самые уши. Так что как минимум на королевскую благодарность я рассчитывал. И здорово обломился в своих ожиданиях. Наместник ни единым словом об этом не обмолвился. Тут я уже чего-то не понял...

Глава 32

Свои недоумения я высказал епископу, который заглянул ко мне вечером на огонек.

– А что ты хочешь от него, сын мой? Прежде всего он официальное лицо. И обязан проводить политику короля, который назначил его на эту должность.

– Ну, ладно. Графа я ему прощаю. В конечном итоге я тут тоже нехило прибархлился. Но уж за предотвращение эпидемии мог бы хотя бы спасибо сказать.

– Кто?

– Ну... Если и не король, то хотя бы наместник. У него только что чуть не вымерла большая часть населения, а он и ухом не повел.

– Он – официальное лицо. И не имеет мнения, отличного от мнения короля.

– А королю, значит, по фиг?

– Конечно же, нет. Но ты, сын мой, – не его вассал, не принадлежишь к числу его военачальников. Самим фактом того, что независимый от верховной власти человек способен сделать то, что эта самая власть сотворить не сумела, ты создаешь опаснейший прецедент.

– То есть, ваше преосвященство, если бы я пришел к королю и попросил бы дозволения снести Дарену башку...

– ...то это было бы воспринято с максимальным удовлетворением. Серый рыцарь исполнил волю короля. Все довольны и улыбаются.

– Если я правильно понимаю вас, ваше преосвященство, то никакой помощи от короля в деле борьбы с Молчащими...

– ...ты не получишь. Надо ли мне объяснять, почему?

– Да нет уж, святой отец, мне и так все ясно. Сызнова те же пляски. Сам придумал – сам и исполняй! С тебя и спросим, коли плохо получится. Котов-то у меня хоть не отберут?

– Они не подчиняются королю, ты же знаешь. Предвосхищая твой вопрос, скажу, что Стражи Спокойствия также останутся около тебя. Служители церкви не подвластны королевским решениям.

– Ну, и на том спасибо, ваше преосвященство. Это ребята грамотные, и помогают мне они очень здорово. Надо отдать должное тому, кто создал этот Орден. Человек явно был мастером своего дела. Интересно, когда и кому это пришло в голову?

Епископ хмыкает:

– Станет ли тебе легче, сын мой, если ты узнаешь то, что этот Орден изначально создавался в противовес Серым рыцарям? Не всегда твои предшественники поступали так, как от них ожидали. И не все они были олицетворением добра.

Согласно киваю. Некоторые намеки на это я уже прочел ранее в письме моего предшественника. Епископ только подтвердил имеющуюся у меня информацию.

– Объясните мне еще вот что, ваше преосвященство: на носу неприкрытая война. По нашим прикидкам, Молчащие братья могут выставить армию не менее чем из десяти тысяч человек. Это, конечно, не будут высокопрофессиональные солдаты. Но так или иначе, а это десять тысяч. И не факт, что их не будет больше.

Епископ кивает:

– Да, у нас тоже есть такая информация.

– Наших наличных сил, всех вместе, не наберется и тысячи. Я могу нанять еще порядка пятисот наемников. Мы уже обсуждали этот вопрос. И предварительные договоренности с наемниками достигнуты. Могу ли я рассчитывать на помощь коронных полков? Или хотя бы дворянского ополчения?

– Полки не выйдут из казарм, если на них не будет совершено прямого нападения. Дворянское ополчение имеет право созвать только король. Или наместник – по его указу. Ты сам понимаешь, что ни тот ни другой этого не сделают. Героически павший в борьбе с Молчащими Серый рыцарь гораздо выгоднее для короля, чем непокорный и никак не

контролируемый лорд одной из самых крупных провинций.

– Так. С королем все ясно. А вы, ваше преосвященство? На чьей стороне окажетесь в этот момент?

– Все, чем располагает церковь, уже находится в твоём распоряжении. Других войск у нас нет. Возможно, мы сможем призвать под твои знамена некоторых дворян. Они придут со своими отрядами. Но, как бы то ни было, встать под начало Серого рыцаря рискнут немногие. Извини, но твоя фигура... не всеми воспринимается одинаково.

– Ну, что ж, ваше преосвященство. Как бы то ни было, спасибо за откровенность. Приятно сознавать, что хотя бы вы не оставите меня в трудный момент.

– Я не покину более стен этого замка. Если тебе суждено победить, мы победим вместе.

Наутро на очередном собрании я озадачиваю сотоварища вопросом:

– Барон! Вы лучше всех знаете состояние военных дел в графстве. Положа руку на сердце, сколько еще солдат может прийти к нам на помощь?

Он отвечает не сразу. Что-то прикидывает, считает в уме.

– Ну... Человек пятьсот. Пехотинцев. Еще сотню стрелков мы можем получить от лесников.

– Что это за лесники такие? Почему я о них раньше ничего не слышал?

– Гонец от них прибыл только вчера. Это люди, которые не являются ничьими подданными. Они живут в лесах на границе и сильнее всех страдали от набегов горцев. Их хутора разбросаны далеко друг от друга, и помощи ждать им неоткуда. Поэтому они защищают себя сами. Стрелки они хорошие. Как вояки – злые и опытные.

– Это все?

– Все, милорд.

– А как же остальные дворяне графства? Разве я не являюсь их лордом? Разве в их обязанность не входит помощь мне военной силой?

– Увы, милорд, посланцы королевского наместника успели к ним раньше наших гонцов. Стоит ли говорить о том, что умный человек всегда найдет повод для того, чтобы не выступить в нужный момент?

– Они осмелятся игнорировать мой прямой приказ?

Вместо ответа барон кладет передо мной свиток.

«Сим приказываю созвать дворянское ополчение в графстве... Пользуясь смутой на границах, варвары очередной раз совершили нападение на наше королевство. А посему мы сочли необходимым призвать верноподданных наших, согласно данной ими присяги, выступить конно и оружно на защиту королевства нашего». Подпись. Печать.

– Когда это получено, барон?

– Эти указы уже больше недели развозят по поместьям королевские гонцы. Мне привезли вчера.

– И что вы собираетесь делать?

– По ленной присяге я обязан выставить десять пехотинцев в броне. Они покинут мое поместье через неделю. А все прочие войска – это моя личная инициатива. Король о них ничего не знает. Знал граф Дарен, но он... никому не рассказал. Наверное, не успел.

Поворачиваюсь к Лексли:

– Ты знал?

– Узнал одновременно с бароном.

– И что ты скажешь по этому поводу?

– Формально можно потребовать объяснений от короля. И он обязан их дать. Вопрос – когда? Я полагаю, что пока напишем, отвезем... там все тщательно изучат... Словом – отвечать уже будет некому. Ты не приносил королю вассальной присяги, оттого он и не может потребовать твоих солдат. Но, соответственно, не обязан информировать и о своих указах. Все прочие дворяне графства тебе еще тоже не присягали. Их благодаря этому нельзя объявить изменниками. А вот от присяги, данной королю, их никто не освобождал. Так что с

формальной стороны – все правильно. Никто ничего не нарушил. Совесть у дворян чиста. В отсутствие сеньора верховный суверен – король. В послании указана дата сбора. Согласно присяге любое войско выставляется на строго определенный срок. В данной ситуации – два месяца. Таким образом, мы можем определить дату нападения Молчащих. Это произойдет после ухода войск и до их возвращения к родным очагам. Надо полагать, что к этому времени будет приурочен и мятеж горцев. Точнее, их вылазка на равнину.

– Сколько еще у нас осталось времени на подготовку?

– Самое большое – полтора месяца.

Так... Интересно девки пляшут...

Выйдя во двор, я присаживаюсь на крыльцо и задумываюсь.

Что мы имеем на сегодняшний момент?

Предположительно десять тысяч озверевших от наркотического голодания адептов ордена Молчащих братьев. Они хоть и не все там явные наркоманы, но легче от этого не становится. Эти субчики и без наркоты – те еще отморозки.

Непредсказуемое, но явно немаленькое количество голодных и жадных горцев. Будет там тысяч десять? Да, запросто! Как бы и не побольше!

Всевозможных разбойников и прочей шушеры. Сколько их? Ну... предположим, что тысяча. Будет их там столько? Не знаю... но человек пятьсот точно набегит.

Это, так сказать, противники явные.

Есть еще и потенциальные.

Вспоминаю ряды солдат на площади. Будут ли они стрелять по нам?

Скорее всего – будут. Особенно если получат соответствующий приказ. Кто я для них? Пугало. Жестокое и бессердечное. Страшное в своей непредсказуемости. Уж помощи-то от них мы точно не дождемся.

А с союзниками у нас как?

Церковь.

Союзник мощный и серьезный.

Увы – но военной силой практически не располагающий.

По авторитету – тут уж королю ловить нечего, он в пролете... Но ведь предъявить претензии к моему дворянству не за что – мне никто еще не присягнул.

Что же тогда мне остается? Каким-либо сверхоружием я не обладаю. Магия церковников? Сомнительно. Уж если бы она была настолько мощной, то об этом на каждом углу шептались. Стало быть – и это отпало. Жаль...

Проверить какую-нибудь спецоперацию по уничтожению верхушки Ордена? Блеск! Только где ее взять – верхушку эту? Где они сидят? И кто у меня будет в роли спецназа?

Коты или спецмонахи? Все здорово... но неисполнимо. Где и кого искать – мне решительно неизвестно.

Что еще на нашей стороне? Стены и башни старого замка?

Довод. И неслабый.

Невозможность использовать против нас магию. Это плюс, и плюс существенный. Раз уж горцы ее использовали... братцы-то всяко поумнее будут и поизобретательнее.

Так что на этом поприще братцев ожидает птица Обломинго. А они ведь наверняка эту возможность учили... Теперь, парни – хрен вам по всей морде!

Горожане... вот ведь вопрос заковыристый! Один-то город на мою сторону перешел. А вот как про другие выяснить? Нет у меня от них информации – не доходит. Или не сообщают вовсе?

Ладно, будем исходить из худшего. Мой стольный град выставил чуть поменьше ста человек. А он тут не самый большой! Есть и поболее города. Так что, если они нам союзны – получим четыреста человек подкрепления. Если нет – хуже уже все равно не будет. Просто некуда уже.

Но король-то, король!

Вот ведь падла какая оказался! Я его, можно сказать, из гроба вынул, а он? Как там в Библии? Ответил презлейшим на предобрейшее? И кто он после этого, если не скотина? Смотраться, разве что, башку ему срубить? Так, быстро не смогу – обстановка незнакомая, а после не выйдет. Просекут меня в столице – и кликнут десяток арбалетчиков. Те и изобразят из меня подушечку для булавок – в человеческий рост. И с соответствующим выражением на перекошенной морде.

Нет, товарищи дорогие. Этот вертолет не полетит! Будем ждать... И в столицу я не полезу. А попутно и над прочими проблемами поразмыслию...

Поворачиваюсь на звук шагов. Это моя сероглазка спускается с башни. На лице – улыбка. И словно выгадав для этого момент, солнечный луч, прорвавшись через тучи, освещает ее стройную фигурку. Увидев меня, сидящего на крыльце, она поворачивается и спешит в мою сторону.

Нет, ребятки – я еще поживу пока... Меня тут любят!